

ОКРАИНЫ РОССИИ.

Серія первая:

Русское Балтійское поморіе.

Выпускъ II.

Изданіе

Ю. Самарина.

ПРАГА.

Типографія Др. Э. Грегера.

1868.

Записки

ПРАВОСЛАВНАГО ЛАТЫША

Индрика Страумита.

(1840—1845.)

Отъ издателя.

Имя выставленное въ заголовкѣ этихъ записокъ — Индревъ Страумитъ — есть псевдонимъ; но авторъ дѣйствительно природный Латышь изъ Лифляндскихъ крестьянъ, и записки подлинны.

Само собою разумѣется, что издавая ихъ, я не принимаю на себя безусловнаго ручательства за фактическую достовѣрность каждаго рассказаннаго въ нихъ происшествія въ частности. Могу только сказать, что, по прочтеніи рукописи, я не нашелъ въ ней ничего явственно невозможнаго, но даже неправдоподобнаго, хотя я напередъ знаю, что многое покажется невѣроятнымъ тѣмъ изъ читателей, которые сами не жилали въ Балтійскомъ краѣ, а составили себѣ объ немъ представленіе по наслышкѣ отъ тамошнихъ уроженцевъ Нѣмецкаго происхожденія. Быть Лифляндскихъ крестьянъ въ сороковыхъ годахъ, тогдашнія ихъ отношенія къ помѣщикамъ и пасторамъ, общее настроеніе Латышей и Эстовъ, мысли, чувства и надежды, бродившія въ народной массѣ, незамѣтныя для поверхностнаго наблюденія, коренныя причины и случайныя поводы обращеній изъ Лютеранства въ Православіе, характеръ противодѣйствія встрѣченнаго этимъ движеніемъ со стороны Лютеранскаго духовенства, Лютеранскихъ помѣщиковъ

VI

и Лютеранскаго чиновничества — все это, въ главныхъ чертахъ, совершенно согласовалось съ моими собственными воспоминаніями о тогдашней Лифляндіи. Не полагаясь однако на свою память и на свои впечатлѣнія, я пробѣрилъ рассказы автора записокъ всѣми мнѣ доступными способами, частью справками, частью распросами. Люди, подолгу жившіе въ Лифляндскихъ деревняхъ, крестьянскаго жизни, засвидѣтельствовали мнѣ, какъ очевидцы, многіе факты; о нѣкоторыхъ отозвались незнаніемъ, но привели мнѣ изъ своихъ собственныхъ воспоминаній случаи совершенно однородные съ тѣми, которые рассказаны въ запискахъ, и не менѣе поразительные; наконецъ, всѣ безъ исключенія лица, которыхъ я опрашивалъ, подтвердили мнѣ, что картина вообще вѣрна, и что все рассказанное авторомъ записокъ, если и не случалось въ ихъ глазахъ, то, безъ сомнѣнія, могло происходить въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ и притомъ, не какъ рѣдкое исключеніе, а въ обычномъ порядкѣ вещей.

Кажется, даже этого едва ли можетъ простираться отвѣтственность издатели чужихъ записокъ за фактическую достовѣрность ихъ содержанія.

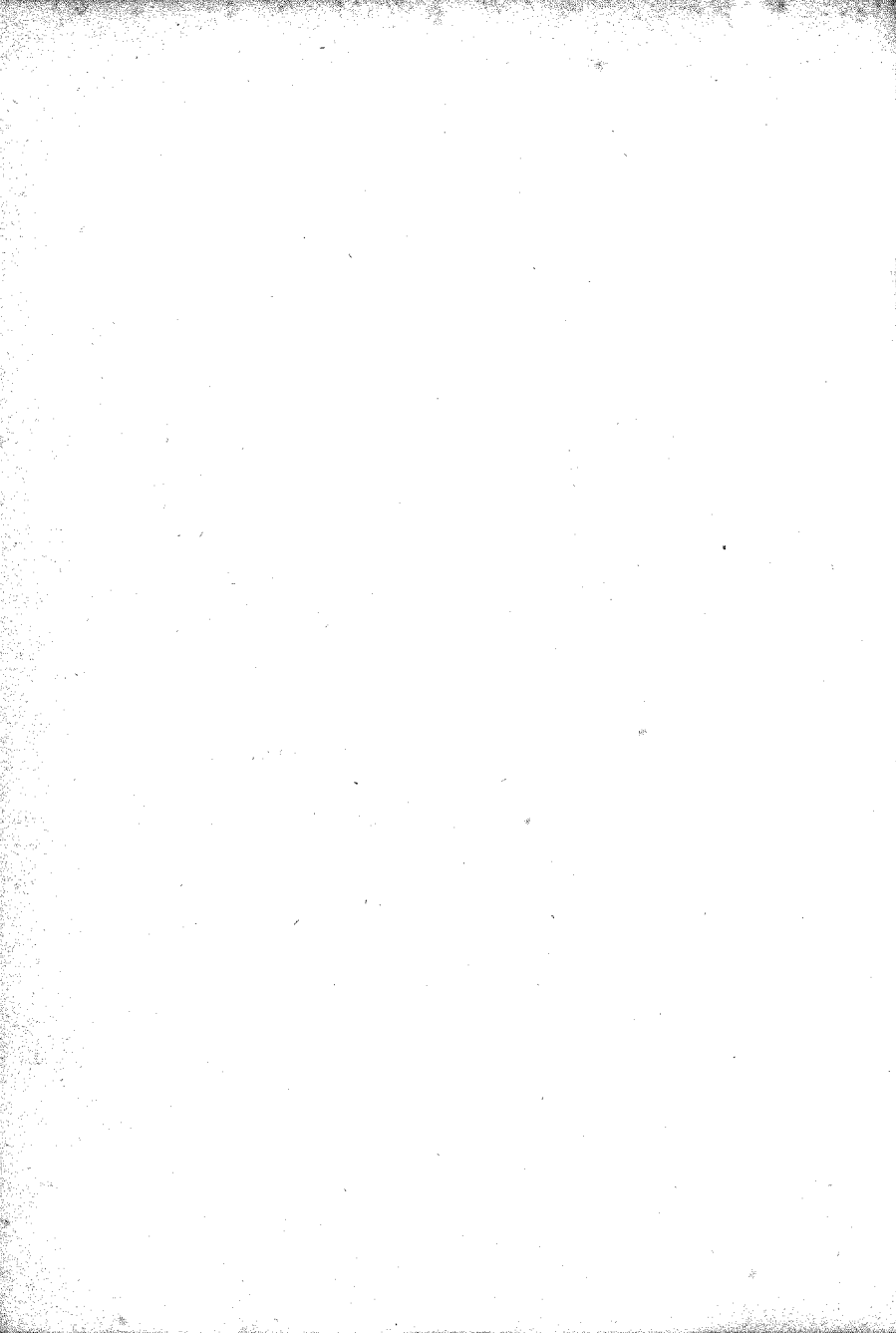
Что касается до изложенія, до колорита и тона, то читатель съ первыхъже строкъ увидитъ, что это не бѣглыя замѣтки туриста, смотрящаго на дѣло со стороны, не докладная записка чиновника-слѣдователя и незрѣло обдуманый трудъ ученаго, а скорѣе жадобный стонъ глубоко уязвленной души. Все что здѣсь повѣствуется выстрадано самимъ повѣствователемъ и передается въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вылилось изъ подъ его набобѣвнаго сердца. Я даже не пытался (хотя имѣлъ на то право) сгладить или смягчить слѣды замѣтнаго раздраженія, свидѣтельствующіе о личномъ, близкомъ отношеніи автора къ

предметамъ его разсказовъ. Миѣ казалось, что самое это настроеніе его, какъ естественное и неизбежное послѣдствіе всей его жизненной обстановки, составляло какъ бы дополненіе, и очень существенное, къ изображенію описанной имъ среды. Это тоже своего рода фактъ, конечно не вещественный, а психическій, котораго нельзя не принимать въ соображеніе, при обсужденіи тогдашнихъ Лифляндскихъ событій.

Мое участіе, какъ издателя, ограничилось выпускомъ въ-которыхъ цитатъ и слишкомъ частыхъ повтореній, сокращеніемъ слишкомъ растянутыхъ разсужденій, замѣной въ-которыхъ мѣстныхъ выраженій, несомнѣя понятныхъ для Русской публики, другими болѣе употребительными, и, наконецъ, немногими подстрочными примѣчаніями.

Прага, Апрель 1868.

Ю. Самаринъ.

Болѣзнь и первая судороги Лифляндскаго разслабленнаго.

Въ Вятскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1864 г. N. 23мъ, въ статьѣ: «о Православіи между Латышами и Эстами въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ» стр. 701ой, поставленъ между прочимъ слѣдующій вопросъ: «какъ объяснить это необыкновенное явленіе въ XIX в. (т. е. присоединеніе Латышей и Эстовъ въ 1845 году) посреди иновѣрцевъ хвалящихся своимъ умомъ и образованностью?»

Далѣе, самъ авторъ, какъ нельзя лучше, разрѣшаетъ этотъ вопросъ указаніемъ на общіе, міровые законы предопредѣляющіе ходъ Христіанскаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи, онъ сказалъ все что нужно было сказать для людей способныхъ опознавать пути Промысла. Съ своей стороны, какъ очевидецъ этого необыкновеннаго явленія и какъ участникъ въ немъ, испытавшій лично на себѣ всѣ обстоятельства, которыми оно было подготовлено, я могу лишь подтвердить и дополнить слова автора моими собственными воспоминаніями. Считаю себя даже обязаннымъ сдѣлать это въ особенности потому, что я уроженецъ той мѣстности, гдѣ зародилось стремленіе къ истинной вѣрѣ, той самой мѣстности, откуда явились первые сѣятели Православія

въ Лифляндіи, и что съ пѣкоторыми изъ нихъ я былъ связанъ тѣснѣйшею дружбою.

Обыкновенно, родимъ предшествуютъ мучительныя боли — такъ было и здѣсь. Боль началась давно; въ 1841мъ году, она произвела судороги, а четыре года спустя, въ 1845мъ году, послѣдовала кризисъ.

Въ Лифляндіи, какъ извѣстно, съ давнихъ временъ борятся двѣ народности: сильное меньшинство съ слабымъ большинствомъ. Извѣстно также, что хотя Лифляндія болѣе ста лѣтъ принадлежитъ Россійской Имперіи; но Россія всегда (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется) смотрѣла на этотъ край какъ на чужой. Не такъ смотримъ на Россію мы — Латыши и Эсты. Извѣстноси это Россіи? Знаемъли она, что одна надежда на все, только одна эта надежда и подкрѣпляетъ насъ въ нашей горькой долѣ; что мы все одного просимъ, одного желаемъ, къ одному стремимся — слиться съ нею, съ Русскимъ народомъ, имѣть съ нимъ одну вѣру, одинъ законъ, одинъ языкъ, какъ имѣемъ уже теперь одного Царя? — Можетъ быть и знать, но кажется не хочетъ знать.

До сихъ поръ, она или вовсе не обращала на насъ вниманія, или, если и обращала, то какъ будто нехотя, урывками, и лишь въ тѣ минуты когда наши докучливыя вопли до того становились громки, что тревожили ея покой. Но вслѣдъ за тѣмъ, прислушавшись, она тотчасъ же отварачивалась и нашимъ же недругамъ, отъ которыхъ мы просили у нея защиты, поручала унять и успокоить насъ. Мы знаемъ, что значитъ спокойствіе на ихъ языкѣ!

Мало того: Россія карала тѣхъ изъ своихъ дѣтей, Лифляндскихъ туземцевъ, которые, получивъ образованіе, не хотѣли бросать своихъ отверженныхъ земляковъ и рѣшались поднимать за нихъ скромный и скорбный голосъ.*)

*) Намѣтъ на преслѣдованія, ничѣмъ рѣшительно незаслу-

Точно, несчастная наша родина подарена Нѣмцамъ, а мы пошли въ придачу какъ рабочій инвентарь. Мы до того разобщены съ Россією, что Русскій Царь для насъ какъ будто бы не существуетъ; даже милости его скорѣе проникнуть въ Сибирь, въ тюрьмы, въ рудники, на каторгу, чѣмъ къ намъ, Латышамъ и Эстамъ. Онѣ какъ то улетучиваются на пути къ намъ, или попадаютъ не въ тѣ руки, въ которыя предназначаются. Такъ на прижѣрь, ходитъ въ народѣ слухъ, и слухъ достовѣрный, что нынѣ царствующій Императоръ, при восшествіи на престоль, сложилъ намъ нѣсколько процентовъ съ долга на насъ лежащаго за хлѣбъ розданный въ ссуду въ голодный 1845 годъ. Но намъ это не объявлено, не разъяснено, и Царскою милостью пользуются не тѣ, которыхъ Царь хотѣлъ облагодѣтельствовать. Это дѣло страшно запутано и запутали его нарочно, для прикрытія злоупотребленій. *)

Вообще, мы слышимъ и намъ говорятъ о Русскихъ только худое; слышимъ, на прижѣрь, что Русскіе угнетаютъ народъ; при каждомъ возвышеніи аренды за землю, слышимъ отъ помѣщиковъ такія слова: »что дѣлать! И мы обременены налогами на Царя, и насъ притѣсняетъ казна!« — Намъ даже никогда не говорятъ: »Нашъ Царь« а все: «Русскій Царь» — и все въ образѣ грозы, а не милости. Подари Нѣмецъ желѣзнаго пѣтуха на кирку — объ этомъ прогремѣть по всей Англандіи, а милость Царя подъ спудомъ. **)

женія, которымъ, по происканъ Нѣмцевъ, подвергались Латыши: Безбардисъ, братья Петерсоны и другіе за написаніе просьбъ и адресовъ, за изданіе Латышской газеты и т. п. Объ этихъ преслѣдованіяхъ и проискахъ я сообщу подробныя свѣдѣнія въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ. Пр. Издателя.

*) Объ этомъ дѣлѣ говорится яснѣе въ другомъ мѣстѣ этихъ записокъ. Пр. изд.

**) На прижѣрь, когда Правительство рѣшилось наконецъ отводить

Львы да вѣшки — не богата была дань Русскимъ князьямъ отъ нашихъ предковъ, и этой дани Нѣмцы, кажется, не увеличили, чуть ли даже не уменьшили. Но за то, сами разжились на славу. Не только всѣ доходныя мѣста и должности были ими заняты, даже всѣ промыслы и кормленія были въ ихъ рукахъ, такъ что Латышу къ нимъ и приступа не было, не потому, чтобъ онъ не хотѣлъ или былъ неспособенъ, а по закону и обычаю; еслижъ и дѣлались исключенія, то въ пользу тѣхъ Латышей, которые окончательно отрывались отъ своихъ земляковъ и дѣлались орудіями ихъ угнетенія въ Нѣмецкихъ рукахъ. А до тѣхъ поръ, имъ не позволяли ни пироговъ печь, ни сопоговъ шить.

„Lors“ — любимое Нѣмцами названіе, которымъ они величали простаго Латыша на каждомъ шагу. Они употребляли всѣ силы, чтобъ это роковое слово, такъ сказать, пристало къ нему, чтобъ онъ самъ себя усвоилъ его, какъ свое имя. Lors (было), рабочая сила, иначе: человѣкъ, въ которомъ уже не осталось человѣка. Пусть онъ даже забудетъ Творца и Промыслителя, лишьбы ихъ, Нѣмцевъ, считалъ за обладателей неба и земли. Помѣщики изнуряли плоть Латыша, духовенство изнуряло плоть его и кормилось его душею.

И однако, этотъ угнетенный, измученный, изувѣченный народъ, при всей дѣйствительной немощи его плоти, всетаки не умиралъ, а жилъ надеждою, какъ расслабленный Евангеліа.

Въ 1841мъ году, Латыши и Эсты попробовали приподнять голову; но она была опять придавлена. Чтоже заставило ихъ зашевелиться? Отвѣтъ на это простой: имъ

въ казенныхъ имѣніяхъ участки земли крестьянамъ, которыхъ помѣщики выгнали изъ своихъ имѣній за переходъ въ Православіе, это дѣлалось по секрету и намѣренія Правительства тщательно скрывались, точно какъ будтобы оно стыдилось своего дѣла. Повято, въ чьихъ интересахъ оно облагалось гайлою. Пр. издат.

хотѣлось жить. Лифляндскаго разслабленнаго привелъ въ движеніе голодъ — да голодъ, и не только шотской, какъ увѣряють, но и душевный голодъ.

Въ то время, т. е. около 1840 года, я былъ еще малъ, но всётаки въ тѣхъ лѣтахъ, что уже могъ присматриваться, прислушиваться и понимать. Я уже «пасохъ стадо отца моего,» и ясно видѣлъ, да и теперь помню всё что дѣлалось въ нашемъ домѣ.

Я видѣлъ какъ мой отецъ, который былъ крѣпокъ и тѣломъ и духомъ, работалъ какъ волъ, и ѣлъ, также какъ волъ — мякину. Зналъ и видѣлъ, что работники непременно должны были по воскреснымъ днямъ являться къ 8ми часамъ вечера для паряда на барщину. Тогда, управляющій, или sub — или sub — sub — управляющій давалъ приказъ кому, куда выходить на какую работу; при этомъ, онъ, хоть и такойже мужикъ какъ и всѣ, по уже не простой, а съ хворостиной въ рукѣ, всегда браковалъ орудія. Зналъ я, что этотъ глазастый магнатъ ломалъ сохи за то, что насошники коротки, и рубилъ бороны за то, что легки и малы; зналъ, что онъ безошибочно узнавалъ работника и лошадь волостнаго засѣдателя, формнидера,*) хозяина первой стати **) — этихъ онъ обходилъ и не замѣчалъ каковы у нихъ орудія; имъ и работа назначалась не тяжелая: пахать гдѣ по легче, или слоняться на мызѣ, перетаскивая всякую

*) Формнидерами (Vormünder) называютъ въ Лифляндіи писарихъ церковнослужителей, избираемыхъ изъ крестьянъ въ помощь пастору. Они извѣщаютъ пастора обо всемъ происходящемъ въ приходѣ, приглашаютъ его для исполненія требъ, побуждаютъ прихожанъ къ отбыванію повинностей въ пользу пастора, прослушиваютъ (экзаменуютъ) дѣтей и сами совершаютъ крещеніе надъ новорожденными, по нуждѣ — что впрочемъ въ Лифляндіи случается довольно часто, когда пасторъ въ отлучкѣ, или когда ему нѣкогда заниматься простыми крестьянами. Пр. изд.

**) Т. е. богатый, первостатейный хозяйнъ. Пр. изд.

мелочь. Совсѣмъ иное бывало съ работниками, которыхъ выслали хозяева второй и третьей стати; этихъ хворостина никогда не миновала при ревизіи орудій и за работою. Нечего дѣлать — поѣзжай домой за новыми орудіями. Справишь новыя — смотришь: на бороны еще приказываютъ навалить дерна (глыбы). Послѣ работы, къ субботѣ, лошаденки едва, едва ноги волочатъ, такъ что работники тащатъ ихъ домой за поводъ и проходятъ съ ними въ часъ не болѣе версты, да еще съ долгими роздыхами. Случалось, что и работниковъ браковали, особенно малорослыхъ; а такихъ, въ то время, являлось множество; даже можно было опасаться, что во всемъ краѣ народонаселеніе вырождается и наплодятся карлики. Такихъ обыкновенно гоняли назадъ свишей пасти, разумеется — хлыстнувъ ихъ предварительно по спишѣ, хотя они со слезами завѣряли, что они посланы на работу хозяевами, такъ какъ они не дѣти и уже были на конфирмаціи.

Слышалъ я какъ работники, отправляясь на барщину, выпрашивали у матерей своихъ другой рубашки и получивъ, надѣвали ее, приговаривая чутъли не съ улыбкою: «ну, теперь не такъ больно будетъ, не такъ скоро пройметъ папка!» Видѣлъ, какъ работники плакали, отправляясь въ праздники на винокурни, отбивать дневную и ночную работу, безъ хлѣба, съ однимъ картофелемъ. Они выпрашивали себѣ ради Бога браги; но имъ очень резко отвѣчали: «а чѣмъ же мы будемъ быковъ и свиней поить? . . .» Господи! какъ глубоко прочувствовали мы слова Твои: и желаша насытити чрево свое отъ рожець, яже ядаху свиніи, и никтоже даеше (Луки 15, 16). Положительно, иной разъ приходило въ голову, что лучшебы родиться безсловеснымъ.

Видѣлъ я какъ и работницы, дѣвушки, плакали, отправляясь на мызу таскать огромные ушаты браги изъ винокурни въ хлѣва, и жаловались, что страшно трудно и тяжело. Видѣлъ, какъ по приходѣ домой, онѣ смазывали

свои плечи, испещренные ссадинами и гнойными ранами. Видѣлъ и слышалъ, какъ дѣвушекъ таскала за косу и какъ отпускала имъ полновѣсныя оплеухи какая нибудь коровница. Впрочемъ, иногда сама барыня или дочь ея до того снисходила, что удостоивала своеручно отщелкать по щекамъ или вытаскать за косу провинившуюся, а потомъ еще нажаловаться на нее мужу или папашкѣ, за что бѣдная получала еще прибавку звонкими оплеухами или березовою канею. Слышалъ я какъ дѣвушки, иногда по цѣлымъ ночамъ, были въ дѣсу какъ волчицы, выкликая оттуда, по приказу, какую нибудь заблудившуюся корову или телѣнка.

Видѣлъ, какъ въ тѣмные осеніе и зимніе вечера, въ слякоть, въ мятель, женщины плелись на мызу молотить, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, съ мѣшечкомъ картофеля на спинѣ, съ цѣпомъ черезъ плечо. Придетъ въ мызный овинъ, не успѣетъ отдохнуть, перевить ребенка, ежевать крошку черстваго хлѣба или закусить мерзлымъ картофелемъ — »берись за работу! семеро одного не ждутъ.« Начинаясь молотьба и продолжалась всю ночь. Не смѣй выходить изъ ряда!

Ребенокъ плачетъ, а мать ходитъ по барскому хлѣбу и какъ будто не слышитъ голоса дитяти! Она гудяетъ съ цѣпомъ въ рукахъ, захлѣбываясь слезами... О, какъ горько, какъ тошно отзывается на душѣ это сдержанное всхлипываніе! Вамъ вѣроятно не случилось плакать такъ, чтобы другой не слышалъ? Нѣтъ! такъ вы никогда не плакали настоящими слезами и не знаете пользы и благодатной силы слѣзъ. — Этѣ тайныя слѣзы спасительны; онѣ одиѣ предохраняютъ человѣка отъ отчаянія, а напротивъ ведутъ его къ покаянію... Попробуйте, и вы удивитесь сами, что будете плакать, зная явнаго виновника вашихъ слѣзъ, а между тѣмъ, въ сердцѣ вашемъ не будетъ мѣста для гнѣва; вы совсѣмъ про него забудете и погрузитесь въ бесѣду съ Богомъ, то есть въ самоосужденіе...

Видѣлъ: какъ почти цѣлое лѣто, всё, кромѣ какой нибудь дряхлой старухи, проживали на мызѣ, на барскихъ поляхъ. Тамъ обрабатывалась пашня, убиралось сѣно, воздвигались зданія, вырубались лѣса, выжигались сѣчи (ляды), разчищались и выравнивались новые поля и луга, расширялись старые. Работать не было ни начала, ни конца; онѣ шли колесомъ, безостановочно. Дома, на себя, крестьяне работали лишь въ продолженіи краткихъ паузъ мызныхъ работъ. Понятно, что поля крестьянъ не могли обрабатываться своевременно и какъбы слѣдовало. Часто крестьянскіе дворы пустѣли и тогда эти участки обрабатывалъ помѣщикъ на себя, но, разумѣется, не своими средствами; онъ подраздѣлялъ эту добавочную работу между наличными хозяевами, а всё плоды и доходы поступали въ мызные амбары. А когдаже удавалось мужику поработать на себя? — Право не знаю, но знаю, что не въ надлежашую пору.

Сѣно частенько косили весной. Подобно тому какъ рапы на тѣлѣ, заживая постепенно умяются и сжимаются, такъ точно поля у крестьянъ заростали съ краевъ травой, а луга покрывались кустарникомъ. Ихъ убогія хаты кривились, перекашивались, боченились, присланчивались одна къ другой своими обнаженными ребрами и наконецъ разваливались. Такъ и казалось, что пока хозяинъ съ работниками и работницами отбивалъ барщину, всё хозяйство его странно самовольничало и не слушалось дряхлой старухи. Бывало: хозяинъ придетъ домой на шару дней, и видитъ съ грустью: сѣно не скошено, рожь уже сыплется, яровое поспѣваетъ, овинъ стоитъ безъ крыши, полъ въ избѣ, фундаментъ, изрыты свиньями, облизаны и обгложены коровами, овцами и козами; печь заняла свинья съ поросятами; и тошно станеть хозяину глядѣть на такой безпорядокъ. Что дѣлать? Малодушный на все махнетъ рукой и скажетъ: а ну! пусть ихъ гуляютъ! пойду и я гулять — въ корчмѣ!

Въ хлѣбѣ, мука постепенно вытѣснялась мякиною. Стали питаться одною путрею, изъ пегодной, ржаной или ячменной муки или крупы, съ приправой: зимою — ложки жерзкихъ, прогорѣвшихъ сыворотокъ, а лѣтомъ: съ подливкою козьяго молока, и тоже не безъ сыворотокъ. Привыкли люди къ кислой ѣдѣ. Да впрочемъ, это была не ѣда а питье, на вкусъ очень похожее на ту жижу, которую выливаетъ на дворъ Русскій мужикъ, когда выноласкиваетъ квасную кадку. Такова была наша незабвенная Путра, которая приобрѣла такую громкую славу, и намъ — Латышамъ, пошла въ придачу къ фамили! А неуждно ли еще отвѣдать нашей насущной похлѣбки? Хоть одинъ пальчикъ обмокните въ эти выполоски и лизните языкомъ; не бойтесь, она же безъ соли. А! вамъ противно! А какъ же работники, отправляясь на барщину съ однимъ сухимъ хлѣбомъ, завидовали этому кушанью, которымъ лакомились сидѣвнне дома? Правда впрочемъ и то, что послѣднне завидовали хлѣбу работниковъ. Взгляните ксгати и на хлѣбъ нашъ. Право, это хлѣбъ, не обманъ! Конечно, на видъ и на вкусъ, онъ походилъ не столько на хлѣбъ сколько на торфяную кочку. — Такъ и хрустѣлъ на зубахъ; я ѣдалъ его, хотя и недосыта, не давали, вотъ бѣда! Зимою, всё говорили: пусть остается хлѣбъ на сѣнокосную пору; а лѣтомъ была своя отговорка. А какъ любили мы этотъ хлѣбъ, какъ дорожили имъ! Бывало: если хоть крошка упадетъ на землю, то непрежѣнно отищешь, дунешь и съѣшь; если и грудной ребѣнокъ, въ капризахъ, броситъ корку хлѣба, то это и ему никогда не прощалось.

Когда батракъ или батрачка, съ барщины, приходили домой, мы дѣти, бросались къ нимъ на встрѣчу, хватали мѣшекъ, развязывали, выгребали крохи, открывали лубошку и тамъ почти всегда находили завѣтную корку хлѣба, а иногда и крошки конопли. И батракъ или батрачка, съ флегматическою улыбкой, всегда бывало надѣлнитъ насъ всѣхъ, сораз-

и́ря доли съ возрастомъ, старшему по больше, младшему меньше, по нисходящей линіи. И съ какою ажностью мы съѣдали и сосали эти крохи. Тѣ изъ насъ, которые были по старше, притались по угламъ отъ младнихъ, зная напередъ, что послѣдніе раньше всѣхъ покончатъ съ своими порціями, а потомъ стануть просить и отнимать у старшихъ. Мы точно походили на голодныхъ котятъ.

Взглянулибы вы еще на супъ изъ нечищеннаго картофеля или на печеный картофель; но, чур! не дупить, а только слегка повалять въ ладоняхъ, обдуть золою и песокъ, а потомъ глотать какъ есть, съ мундиромъ! А вѣдь нельзя сказать, чтобы въ Лифляндіи не было хлѣба. Хлѣба было достаточно, только, по милости владѣльцевъ, почти весь хлѣбъ шелъ не на пищу, а на питье. Хлѣба у насъ не было, а водкой — хоть пару подавай.

Водка, въ то время и даже до недавняго времени, стояла въ Лифляндіи: на мызахъ — когда брали цѣлую бочку — 5 к. сер. штофка, когда полъ бочки или четверть — 7½ к. сер. а въ корчмахъ 15 к. сер. Разсчитывайте сами, мои добрые читатели, сколько штофовъ водки можно выпнать изъ пуда муки? — и дайте сами себѣ отвѣтъ на вопросъ: былъ ли, или могъ ли быть голодъ въ этомъ краю, въ этомъ пресловутомъ раю *) въ сороковыхъ годахъ?

Водка гналась въ такомъже количествѣ какъ и прежде; хлѣба изводилось столькоже: столькоже откармливалось брагой быковъ и свиней; по тойже цѣнѣ продавалась водка, столькоже отправлялось ея въ Ригу, а былъ голодъ. Хлѣбъ стоилъ тогда почти два рубля серебромъ пудъ. Неужли изъ фунта ржаной муки можно выпнать штофъ въ 65 градусовъ?

*) Намѣкъ на извѣстную, старинную поговорку: Лифляндія для дворянъ — рай; для кушцевъ — золотое дно; для крестьянъ — адъ. Пр. Издат.

Отправка водки, почти всегда, выпадала (не знаю почему) тоже во время крестьянских посявков, покосов или уборки хлѣба, а чаще всего весной, во время пашки и разлива рѣкъ, въ самое безхлѣбье, когда лошаденки смотрѣли пугалами. На всё это, господа, арендаторы, управляющіе не смотрѣли. Имъ что за дѣло, что у мужика пѣтъ хлѣба, а у лошадей уни въ горизонтальномъ положеніи. Они радѣли объ общей пользѣ и удовольствіи, ставили жирное и дешевое мясо и дешевую водку. Известно, что городъ Рига ведетъ огромную торговлю. Кораблей, ежегодно, приходитъ около 2000, до 1000 струговъ: плотамъ и лодкамъ счету пѣтъ. Сколько тутъ народу? Всё, разумеется, считывали на нашу дешевку. Всё спѣшили, всё торонились, перебивали другъ другу дорогу. Лифляндское, Курляндское и Эстляндское дворянство въ каретахъ; за ними — стада жирныхъ быковъ, за быками — тучныя свищи, за свищами — возы съ кормомъ, постилкой, мѣтлами для барскихъ лошадей и быковъ, а позади всѣхъ: по всѣмъ дорогамъ, спѣшили Латыши. Литвинъ, Курляндецъ, Эстъ — тоже туда куда и всё, на своей клячкѣ, безъ хлѣба, а съ красной бочкой, въ скрипучей телѣгѣ, мѣсить грязь и глину, снѣгъ и песокъ. Махнатая лошаденка работаетъ всѣмъ своимъ существомъ: ногами, грудью, машетъ головой, то въ одну, то въ другую сторону, тычетъ мордой въ землю, карабкается, ползѣтъ впереди барской бочки, и, кажется, чѣмъ то занята очень интереснымъ. Шаги считаетъ, или показываетъ свою прыть и силу и шутитъ надъ своимъ хозяйномъ, что «я молъ немного дужѣ тебя.» Но только, взбираясь на гору, постоянно останавливается и озирается по сторонамъ, очень вопросительно. Зная, что въ трудныя минуты, хозяйинъ всегда является къ пей на помощь, вѣрно и тутъ она его высматриваетъ и думаетъ про себя: да гдѣжь хозяйинъ — то? чтожь онъ неидетъ помогать? Тутъ, хозяйинъ заткнетъ трубку, засунетъ ее въ штаны

и впряжется въ пристяжку. Уцѣпится самъ за деревянную постромку, и работаютъ оба усердно, душею и тѣломъ; кажется, и гора то какъ будто немного сдвинулась съ мѣста; лошаденка такъ вытянулась, что и въ оглобляхъ нѣтъ мѣста, а ужъ заднія ноги подъ передкомъ, и на колѣни станетъ — а бочка пойдетъ вверхъ. Тогда, уцѣпятся всѣ извозчики за одну бочку; кто за постромку, за гужи, кто за конецъ оси, кто сзади, нащипаютъ и руками и головой; кто, ухватившись за деревянные, грязныя спицы колѣсъ, усерднѣйшимъ образомъ вертитъ колесо; того и гляди: весь шаръ земной повернется въ другую сторону или совсѣмъ опрокинется! — За эти труды, полуголодные извозчики, въ награду себѣ просверливали бочки, выпускали водку, продавали ее, сами уживались до смерти. Затѣмъ, бочка дополнялась водою; но при сдачѣ, это воровство обнаруживалось и даромъ не обходилось, по правиламъ строгаго правосудія. Впрочемъ, наказанія мало помогали: только и было утѣшенія что водка.

Она хороша была тѣмъ, что не нужно было далеко за нею идти; она сама стерегла и ловила Латыша на всѣхъ перекресткахъ и, такъ сказать, навязывалась ему, и притомъ не одна, а со всѣмъ своимъ скарбомъ, со всѣми своими неразлучными спутниками: лѣнью, воровствомъ, развратомъ. Да, многихъ моихъ братьевъ сгубила ты, дешевка!

И откуда, какими судьбами и путями могла ты пробраться въ нашъ бѣдный, безхлѣбный край? О дешевка! ты, для насъ, была слишкомъ дорога! Ты высасывала всё доброе изъ зерна, намъ и шелухи не оставляла, а лишь одну мякину; тоже самое ты дѣлала и съ людьми. Гибни же и ты теперь! Пусть могла твоя поростеть терніемъ и крапивою, и пусть онаквиваютъ тебя тѣ, для которыхъ ты была полезна и выгодна. Пусть ставятъ тебѣ памятники, хоть изъ бочекъ, трубъ, чановъ и котловъ, разваливающихся и гнѣющихся теперь безъ употребленія, на упрямыхъ

винокурнях! Мыже радуемся твоей кончашь; по крайней мѣрѣ, ты уже не въ состоянїи причинять намъ теперь и десятой доли прежняго зла.

Представьте же себѣ какія чувства могъ питать Латышъ къ дворянству, которое лишило его хлѣба и опивало водкою. Я помню, какъ мой отецъ всё чаще и чаще плакалъ. Сидѣлъ онъ задумчивый и грустный; часто бормоталъ про себѣ: пить болѣе житья! что дѣлать? Ничего не придумаешь! Работашь день и ночь, лѣто и зиму: а спроси: изъ — за чего? Изъ за дурной мякины, какъ блудный сынъ! Иное дѣло, еслибы Господь наказывалъ неурожаими, градомъ, мокротой или засухой; но этого нельзя сказать, даже и подумать грѣшно! А всётаки долженъ умирать съ голоду. Живешь — хуже скота! Коптнись какъ окорокъ въ овинѣ; бьютъ тебя какъ собаку, безъ суда и расправы; да еще сѣются и говорятъ: »иди жаловаться!« Конечно! попробуй; еще получишь . . . Ну, просто, хоть живой ложись въ гробъ!

Писаннаго контракта съ помѣщикомъ не было. Тогда они не были въ модѣ и не употреблялись — также и законы. Можетъ быть, они и существовали; но хранились гдѣнибудь очень далеко, а во всёхъ случаяхъ руководствовались лишь преданїями и устными изрѣченїями der Gutsverwaltung. Деревянная бирка — вотъ твой контрактъ.

Взявъ полѣно и состроголъ контрактъ; помѣщикъ одобритъ, возьметъ себѣ половину, другую отдастъ тебѣ.

Нарѣжутъ крестиковъ столько, что ты и счетъ потеряешь. *) Когда, наконецъ, сводишь счеты и оказывались лишнїе, переработанные дни, попросишь у помѣщика или у его управляющаго вознагражденїя, а онъ отвѣтитъ: »пусть

*) А какъ это все хорошо выходило въ печатномъ Положенїи и какъ этимъ любовались въ Петербургѣ: контрактъ, полюбовная сдѣлка, свободныя отношенїя! Пр. издат.

они лучше зачтутся въ будущемъ году или полугодѣ, или пусть остаются въ пользу будущаго хозяина, а ты иди внизъ — тамъ староста дастъ тебѣ шпансу» — это уже была милость на милость. А если бывало разсердится, то или посадить къ тебѣ на выгонъ новаго хозяина, или выгнать изъ дому. Что вздумаетъ то и сдѣлаетъ. Къ кому пойдешь жаловаться и съ чѣмъ пойдешь? Контракта нѣтъ; что предъявишь, когда судья (другой помѣщикъ) закричитъ на тебя: покажи контрактъ? Суды! Да мы и дороги не знали въ суды высшіе, а если когда и бывали тамъ, то ходили не по волѣ, а связанные и подъ копчюемъ. Идти въ судъ значилобы тоже самое, что самому помѣщику жаловаться на помѣщика. Ужъ лучше ложись тутъ же, на мѣстѣ. Получилъ пятнадцать (палокъ), заплатилъ пятнадцать коп. серебромъ,*) поцѣловалъ руку и дѣло съ концемъ, впередъ будешь умѣе, не станешь грубить . . . Вотъ тебѣ и всѣ суды со всеми законами!

Ктожь утѣшитъ, кто заступится? Не пастырьли духовный? Нѣтъ: «воронъ ворону глазъ не клюётъ» гласить пословица.

А впрочемъ, посмотримъ, что дѣлали и что подѣлываютъ наши отцы духовные — пасторы. Далеко намъ до нихъ, такъ они умны, учены и пажжны; посмотрите какъ высоко они устроили себѣ каѳедры, надъ самымъ престоломъ, подъ самымъ потолкомъ. Оттуда громить они свою паству грозными обличеніями. Но не въ этомъ дѣло; не громкія слова намъ нужны, а добрыя дѣла, безъ которыхъ и вѣра мертва.

*) Въ Лифляндіи, еще недавно, существовалъ обычай съ высшечнаго взыскивать деньги за розги. Утѣшительно вспомнить, что онъ отмѣненъ въ 1845 году, Паселъдникомъ — Цесаревичемъ (нынѣ Императоромъ Александромъ II.) во время отсутствія покойнаго Императора за границею. (Отношеніе Министра Внутр. Дѣлъ Гр. Перовскаго къ Генер. Губ. Головину 8 Дек. 1845 г. №. 3569).

Взглянемъ же на дѣла. Но съ чегобы пачать? А хотьбы вотъ съ чего:

Въ нашей волости N., проживалъ нищій по имени Петръ; былъ онъ не то чтобы совсѣмъ безъ ума, а такъ себѣ, съ очень небольшимъ притязаніемъ на человѣчскій умъ. Бывало: дадутъ ему въ руки ложку, онъ хлебалъ ложкой; не дадутъ: шиль и такъ пугру — ртомъ, какъ телёнокъ. Которую изъ лаптей надевать на правую ногу и которую на лѣвую — этого онъ узнать никогда не могъ. Пальцамъ своимъ счета не зналъ; платье надевалъ какъ попало; на изнанкули, такъли какъ слѣдуетъ, было для него всё одно. Спать ложился когда вздумаетъ, вставалъ когда выспится, требовалъ кушанья когда захочется, иногда среди ночи. — Ухаживать за шиль нужно было внимательнѣе чѣмъ за малымъ ребенкомъ. Въ кирку онъ не ходилъ, да и не пустили бы, на конфирмаціи не былъ, къ Причастію не допускался. Онъ содержался поочередно каждымъ хозяиномъ одну недѣлю. По истеченіи недѣли, въ субботу, его отправляли въ другой домъ. — Такъ онъ прожилъ 19 лѣтъ. Вотъ человѣкъ! Не человѣкъ, а скорѣе загадка: родился — не крестился, умеръ — не покаялся.

Въ 1840 или 1841 году, хорошенько не припомню — былъ Рекрутскій наборъ. Жребій съ No. 1мъ выпалъ работнику волостнаго. Парень былъ хорошій, по имени Иванъ. Волостной присовѣтовалъ ему подпортить полоумнаго Петра и нанять его вмѣсто себя. А дальше, что будетъ нужно, то ужъ дѣло мое. Сказано, сдѣлано. Вѣрный служитель алтаря и Царя выдалъ метрическое свидѣтельство; коммисіа, съ удовольствіемъ, приняла на Царскую службу безумнаго Петра, а умный Иванъ остался на службѣ у волостнаго. И какъ еще пасторъ радовался счастью Ивана и волостнаго, какъ убѣждалъ не только Ивана, но и всю волость лобызать ноги у волостнаго!

И все это съ каѳедры! — Слава Богу! наша волость осво-

бодилась отъ пугала! Въ день ухода этого пугала, его родная сестра, Маде, горько рыдала провожая его не только на Царекую службу, но и въ неминуемую могилу, проклиная волостнаго, помѣщика, а болѣе всѣхъ Пастора. Но ктоже слышалъ вой бѣдной дѣвки? Миръ праху твоему, Петръ! Не ты первый, не ты послѣдній, и не только изъ нашего прихода, но и изъ другихъ.

Вспомнивъ объ этомъ жалкомъ юродивомъ, я не могу кстати не упомянуть о тѣхъ вопиющихъ злоупотребленіяхъ, которыя совершались повсемѣстно въ Лифляндіи по рекрутскимъ дѣламъ. По закону, то есть на бумагѣ, эта повинность отбывалась по жеребьевой системѣ, а на дѣлѣ, все зависило отъ вотчиннаго или мызнаго управленія (Gutsverwaltung), то есть отъ помѣщичьяго произвола, которому законѣже предоставлялъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ неограниченную власть, и которому такъ называемыя общественныя учрежденія, волостные старшины, волостные суды и т. п. служили безгласными и покорными орудіями. Этотъ произволъ, узаконенный въ лицѣ помѣщика и всякаго кому онъ передавалъ свои права (арендатора и управляющаго) былъ тѣмъ ужаснѣе, что именно въ рекрутскихъ дѣлахъ, онъ не только служилъ интересамъ, прихотямъ и страстямъ самаго помѣщика, но сверхъ того, безпрестанно возбуждался и приводился въ дѣйствіе домогательствами самихъ крестьянъ. Помѣщикъ освобождалъ отъ рекрутства тѣхъ, которые были ему нужны по его хозяйству и, владѣя правомъ увольненія, располагалъ самымъ надежнымъ средствомъ закабалить себѣ лучшихъ работниковъ въ услуженіе почти безвозмездное; при случаѣ, такъ какъ все отъ него зависило, онъ могъ также, сдачею въ рекруты, сбыть кого хотѣлъ изъ своей вотчины и этимъ средствомъ держалъ ее въ страхѣ. Съ своей стороны, крестьяне, всегда готовые на всякія жертвы для избавленія своихъ дѣтей и ближнихъ отъ восшой службы, естественно обращались

съ просьбами къ тому же всемогущему помѣщику, и конечно, въ подобныхъ случаяхъ, льготы и изъятія всегда доставались зажиточнымъ, исправнымъ хозяевамъ и должностнымъ крестьянамъ: волостнымъ старшинамъ, засѣдателямъ, сотскимъ, отличавшимся покорностью и умѣвшимъ угождать вотчинному правленію. Такимъ образомъ, въ средѣ волостныхъ обществъ, образовались цѣлыя привилегированные классы, а вся тяжесть рекрутской повинности пала на бѣдняковъ, сиротъ, бобылей, вообще на тѣхъ безгласныхъ и беззащитныхъ, въ которыхъ никто не нуждался, словомъ: на быдло — Юрс.

Вотъ, между прочимъ, какъ это дѣлалось.

Во первыхъ, помѣщикъ, или заступавшій его мѣсто, имѣлъ право выбирать изъ своей волости себѣ въ услуженіе: кучеровъ, кошоховъ, садовниковъ, лѣсничихъ, къ нимъ помощниковъ, работниковъ для корчмарей и т. д. Онъ набиралъ ихъ изъ молодыхъ людей, недостигшихъ двадцатипятилѣтняго возраста, и, этимъ самымъ, они освобождались отъ жеребья. Во вторыхъ, крестьяне отбывавшіе должности по волости, форшндеры, зажиточные хозяева, имѣли право, съ согласія помѣщика, брать себѣ въ помощники по своему хозяйству одного изъ сыновей своихъ. Разумѣется, они выбирали того, который первый достигалъ двадцатилѣтняго возраста, и, по лѣтамъ, подлежалъ призыву. Эти помощники назывались *на мѣстник* и *кам* и хозяина, но они хозяйничали только для вида, а контрактъ или бирка (для учета повинностей) оставались у отца. Вся сила была въ томъ, чтобы попасть въ *на мѣстники*, потому что съ этимъ сопряжено было увольненіе отъ жеребья. Въ третьихъ, и безлѣтные хозяева могли также выпрашивать себѣ помощниковъ, для той же цѣли, и выбирать ихъ въ любомъ домѣ. Случалось даже, хотя очень рѣдко, что выборъ падалъ на сына простаго работника, простой бобыльки, или на круглаго сироту, если онъ, съ ранняго лѣтства до девятнадцати

лѣтъ, оставался въ услуженіи у хозяина, безъ жалованья, изъ одной одѣжи, предварительно выношенной хозяйномъ, изъ какихъ нибудь штановъ сшитыхъ изъ старой юбки или дырявыхъ мѣшковъ. Я сказалъ, что подобные случаи бывали рѣдки; притомъ, они могли имѣть мѣсто только въ домахъ совершенно бездѣтныхъ хозяевъ. Но если у хозяина была хоть дочь, то ему ни за что бы не позволили взять въ помощники сына работника или бобыля; онъ долженъ былъ непремѣнно выбрать его изъ числа сыновей волостныхъ начальниковъ, формидеровъ или хозяевъ первостатейныхъ. Это отъ того, что помощникъ предназначался въ преемники избравшему его хозяину, по смерти послѣдняго, или при жизни его, когда онъ по дряхлости сдѣлается неспособнымъ; при этомъ, принимая хозяйство, помощникъ получалъ и хозяйку, то есть онъ долженъ былъ непремѣнно жениться на дочери своего патрона — хозяина, а сдѣлаться мужемъ хозяйской дочери — объ этомъ сынъ бобыля, или работника, не посягалъ бы и подумать. Это было бы противно заведенному Нѣмцами порядку, несомѣстно съ ихъ понятіями о благоустройствѣ, оскорбительно, почти безправственно, какъ совокупленіе паршиваго волка съ овцою, какъ смѣшеніе дня съ ночью, свѣта съ тьмою (сами Нѣмцы взяли на себѣ трудъ намъ это разъяснить: *) да и пасторъ не повѣчалъ бы такого брака. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, огласить: работника и хозяйскую дочь? Не даромъ въ народѣ поется пѣснь: «Кто ворону меду дастъ? Кто работнику хозяйскую дочь? Клюй вороненокъ болотный мохъ, бери работникъ дочь работницы!» — То что я описываю относится къ временамъ до 1845. года. Въ этомъ году, всѣ нѣмецкіе добрые порядки пошатнулись. Движеніе крестьянъ въ православіе вынудило правительство

*) Смот. Газет. Эсти Поетиньесъ и Латыш. Газ. Mahjas Weesis за 1867 годъ. Пр. автора.

внимательнѣе и пристальнѣе всмотрѣться въ ихъ положеніе; обнаружилось много безгласныхъ, дотошъ невѣдомыхъ злоупотребленій и, въ томъ числѣ, ограничены были поводы къ изытію отъ призыва къ жеребью.

Что дѣлать? Нужда изощряетъ изобрѣтательность, и придумали вотъ что. У хозяина сынъ двадцати лѣтъ; по старой привычкѣ, отецъ идетъ къ помѣщику или къ управляющему: нельзя, молъ, какъ нибудь, освободить сына отъ рекрутчины? — «Можно, говоритъ мызное управление, но вотъ на какихъ условіяхъ: контрактъ на твою усадьбу я переведу, законнымъ порядкомъ, въ приходскомъ судѣ, на имя твоего сына; въ глазахъ начальства и на бумагѣ, онъ будетъ хозяиномъ, на дѣлѣ же, заправлять весть, по прежнему, будешь ты, а сынъ твой пусть прослужитъ у меня на мызѣ. Я буду держать его якобы для того, чтобъ испытать: способенъли онъ быть хозяиномъ или нѣтъ, а тѣмъ временемъ, онъ по лѣтамъ уйдетъ отъ рекрутчины. Потомъ, если удастся, можно будетъ поступить также и съ другимъ твоимъ сыномъ.» Недолго однако продержалась эта продѣлка. Народъ, Богъ знаетъ какъ, пронюхалъ, что помѣщикъ не имѣетъ права увольнять отъ жеребья мызныхъ работниковъ и зарплатѣ. Возникло дѣло, и мызные управленія вынуждены были распустить подставныхъ хозяевъ по тѣмъ домамъ, на которые они имѣли контракты въ своихъ карманахъ. Но и къ этому придралось непривилегированное быдло. — «Какіе это, въ самомъ дѣлѣ, хозяева ни въ чемъ не похожіе на настоящихъ? Своего, кромѣ контрактовъ, у нихъ нѣтъ ничего: ни орудій, ни скотины, а получаютъ, какъ и мы, жалованье, отъ старшаго въ домѣ, отца или брата?» — Пришлось и тутъ уступить ропоту. Тенерь отцы или старшіе (вышедшіе изъ лѣтъ) братья-хозяева, вмѣстѣ съ контрактами, стали дѣйствительно, а не фиктивно, сдавать хозяйства молодымъ, девятнадцатилѣтнимъ повѣсамъ. При этомъ, разумѣется, всетаки выговаривается тайное условіе

(известное впрочем волостному суду, помещику и приходскому суду), что новый хозяин не станет самовольничать и будет во всем слушаться старшаго. Но такая семейная сдѣлка рѣдко остается въ силѣ долѣе какъ до первой, домашней ссоры; обыкновенно, парнишка, неожиданно попавшій въ хозяева, скоро начинаетъ выживать старшихъ. На увѣщанія, онъ отвѣчаетъ ссылкой на контрактъ и, такъ какъ право на его сторонѣ, то онъ выигрываетъ дѣло, женится на дочери волостнаго старшины или форминдера и приобретаетъ приданое и сильныхъ покровителей. Передъ судомъ, онъ заявляетъ готовность отвести на своей усадьбѣ уголокъ престарѣлому своему отцу, если послѣдній согласится жить смиренно, скромно, ни во что не вступаясь; а не то — милости просимъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ, многіе старики, легкомысленно сдавше свои усадьбы сыновьямъ или братьямъ, лишились роднаго крова и пошли скитаться по міру. Есть еще лазейка. Если у родителей хозяевъ одна дочь и нѣтъ другихъ дѣтей, то эта единственная дочь, выбравъ себѣ жениха, тѣмъ самымъ освобождаетъ его отъ рекрутства. Понятно, что такая рѣдкая невѣста, съ такимъ приданымъ, у всѣхъ на примѣтѣ и что молодые люди за нею гонятся какъ борзые за зайцемъ. Она же, зная себѣ цѣну, долго прихотничаетъ, бракуетъ и ломается; наконецъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, рѣшается осчастливить какого нибудь молодого поклонника, который дѣлается на всю жизнь ея крѣпостнымъ рабомъ. Да и какъ не важничать! Право, котораго лишился помещицъ — увольнять отъ рекрутчины, въ ея рукахъ. Такихъ невѣстъ, сыновья старшинъ и богатыхъ хозяевъ отыскиваютъ по всей губерніи. Скажутъ: не можетъ же домъ оставаться безъ хозяина? Единственная дочь не въ состояніи съ нимъ управиться, и, чтобъ хозяйство не пришло въ упадокъ, чтобъ было кому призрѣть стариковъ-родителей, необходимо, чтобъ тотъ, кто женится на дочери, оставался навсегда при нихъ. — Понятно

— хотя впрочемъ, на практикѣ, часто случается, что проживъ нѣсколько дѣтъ вмѣстѣ и приживъ дѣтей, зять вытѣкаваетъ старуху тещу или тестя, или обоихъ вмѣстѣ. Но вотъ что для меня рѣшительно непонятно: я знаю солдатскую жену; она правда еще молода, у нея трое дѣтей, мужъ отданъ въ службу. Ихъ было два сына; еще при жизни отца, старшаго И. отдали въ солдаты, а младшій Д. оставленъ въ домѣ, при престарѣлыхъ своихъ родителяхъ. Чтобъ было кому управиться въ домѣ, обшить и обмыть, этотъ Д. женился. Вскорѣ послѣ того, одинъ за другимъ, умерли его родители; овдовѣла его сестра и оны назначены были опекуномъ къ ея дѣтямъ; самъ прижилъ троихъ дѣтей. Объявили наборъ: обыкновеннаго матерьяла, изъ котораго ставятся рекруты, то есть работниковъ и сиротъ, въ то время не хватило, и волостные начали подбирать недостающихъ, конечно не изъ своихъ сыновей, не изъ богатыхъ домовъ, а изъ безотвѣтныхъ, хотябы жепатыхъ и семейныхъ. Въ числѣ другихъ, притянули и Д.: жребій выпалъ ему и его сдали. Никто не подумалъ, что жена съ тремя малютками остается одна безъ мужа, дѣти — безъ отца, племянники — безъ опекуна. Гдѣ же равноправность? Не помогло и то, что на этотъ разъ заступался помѣщикъ и выговаривалъ волостнымъ. Вотъ до чего мы теперь доведены. Произволу, воспитавшему насъ и испортившему народную жизнь, удалось и въ среду угнетенныхъ крестьянскихъ обществъ внести раздвоеніе, раздоръ, вражду, взаимное ожесточеніе и зависть. Зависли мы между нами привилегированные бара, и они теперь, къ неописанной радости нашихъ недруговъ, губятъ и грызутъ своихъ. Да неужелижъ мы, подданные одного Государя, никогда не доживемъ до той минуты, когда каждый, помѣщикъ и крестьянинъ, хозяинъ и бобыль, будетъ чувствовать надъ собою не палку, не капризъ, не произволъ, а одинъ общій, для всѣхъ обязательный законъ? Всѣ работники, бобыли, си-

роты ждут и просят одного: чтобъ былъ введенъ у насъ тотъ самый порядокъ отбыванія рекрутчины, какой существуетъ въ Россіи, или, какъ они выражаются: чтобъ брали рекрутъ и изъ фамилій, по числу душъ, не обходя никого. Усадьбы въ Лифляндіи довольно велики. Я знаю напримѣръ вотчину, или волость, въ 500 душъ мужскаго пола; въ ней не болѣе 25-ти крестьянскихъ усадебъ; следовательно, столько же привилегированныхъ семействъ, и это вовсе не исключеніе. Теперь, отсчитайте хозяйскихъ дѣтей, родню живущую съ ними подъ однимъ кровомъ, и сообразите сколько остается затѣмъ батраковъ, несущихъ на своихъ плечахъ всю тягость рекрутской повинности. Говорятъ, что законъ издавъ, и что мы и такъ живемъ подъ закономъ. Издавъ! Да не въ томъ дѣло. Неужели Россія до сихъ поръ не знаетъ, что Лифляндію править не законъ, а обычай? И какая намъ польза отъ закона, котораго не исполняютъ и котораго никто изъ насъ не знаетъ? Да! не знаетъ, потому что не можетъ узнать, а не можетъ потому, что его скрываютъ отъ насъ, что намъ не объявляютъ, не истолковываютъ его; мало того: нарѣдко намѣренно издѣлываютъ и искажаютъ его въ переводахъ на мѣстный, народный языкъ. Обратите вниманіе на переводы русскихъ законовъ и не добряйте этого важнаго дѣла людямъ, сознательно и преднамѣренно старающимся разобщить насъ съ Россією.*)

*) Не зная латышскаго языка, я, разумеется, не могу лично свидѣтельствовать справедливости, впрочемъ не разъ доходившихъ до меня слуховъ, о невѣрности переводовъ русскаго законодательства на мѣстные языки. Не могу и отвергнуть этого слуха, зная по опыту въ какого рода переводахъ на русскій или quasi-русскій языкъ поступаютъ изъ канцелярій генеральнаго губернатора балтійскаго поморія, на разсмотрѣніе и утвержденіе высшаго правительства, ильенскіе проекты тамошнихъ военныхъ. Многое, конечно, въ этомъ случаѣ объясняется тѣмъ,

О созданіи въ волостныхъ обществахъ своего рода крестьянской шляхты и о проведеніи между нею и быдломъ возможно рѣзкой черты, пасторы хлопотали еще усерднѣе чѣмъ помѣщики. У первыхъ были при этомъ свои

что, по господствующимъ въ томъ краѣ понятіямъ, право незать русскаго языка и безцеремонно коверкать его составлять одну изъ привилегій мѣстныхъ чиновниковъ, служащихъ правительству, и одну изъ неприкосновенныхъ кондцій, которыми обусловливается ихъ вѣрность престолу. Но попадаются нерѣдко такія странныя неточности, для объясненія которыхъ предположеніе самой крайней небрежности или почти невѣроятнаго невѣжества оказывается недостаточнымъ. Для назиданія читателей, я приведу одинъ примѣръ, на удачу. Въ исходѣ 1849 года, вышло Высочайше утвержденное ливляндское крестьянское поземельное Уложеніе, разработанное на ландтагѣ 1847 гда. Это Уложеніе составляетъ третій моментъ въ поучительной исторіи постепеннаго, нынѣ довершаемаго ухудшенія быта тамошнихъ крестьянъ. Въ русскомъ переводѣ (который разсматривался въ особомъ, остзейскомъ комитетѣ, въ департаментѣ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, утвержденъ покойнымъ Государемъ и, слѣдовательно, подучилъ значеніе подлиннаго текста) мы читаемъ между прочимъ такого рода статьи: „пространства въ предѣлахъ повинностной земли лежація, но, по вакенбуху не вошедшія въ аншлагъ, не принадлежатъ къ повинностнымъ дачамъ, если они, на планѣ помѣстья, именно не причислены къ выгонамъ.“ По русски это значить: участки, лежащіе въ чертѣ крестьянскаго надѣла, но по вакенбуху не приняты въ расчетъ, не считаются составною частью крестьянскаго надѣла, если на планѣ дачи не причислены къ выгону (§. 14). Или: „Для поощренія земледѣлія, для обесцѣненія денежныхъ оброчекъ и для удобнѣйшаго обращенія таковыхъ оброчекъ въ недвижимое владѣніе крестьянъ, дворянство учреждаетъ банкъ.“ На томъ языкѣ, который въ канцеляріи генералъ — губернатора слыветъ за русскій, оброчка значить оброкъ, недвижимое владѣніе значить недвижимая собственность; и выходитъ, что оброкъ можетъ обратиться въ поземельный участокъ, плата за квартиру — въ домъ. Все это значить: учреждается банкъ, для облегченія крестьянамъ

расчеты. Хозяева ими возвеличенные и, при ихъ содѣйствіи, выдѣлившіеся изъ круга своихъ собратьевъ, разумѣется, должны были щедрѣе расплачиваться за тѣбы. Случалось, что какой нибудь парень, попавшій на даровую службу

платящимъ поземельный денжный оброкъ, возможности приобрести участки, которыми они пользуются, въ собственность (§. 23. п. 1). Или: „Каждый оброчный участокъ имѣеть право продать часть своего поземельнаго дохода (банку)“⁴. — Легко догадаться, что это значить: каждому хозяину, платящему съ участка, состоящаго въ его пользованіи, поземельный оброкъ, предоставляется право перевести часть этой повинности на банкъ. Все это конечно отъ безграмотности; но чѣмъ объяснить слѣдующее. Во многихъ статьяхъ Положенія, въ нѣмецкомъ текстѣ, говорится о правахъ der Gutsverwaltung (вотчиннаго или мызнаго управленія, по просту: помѣщичьей конторы), а въ русскомъ текстѣ, терминъ этотъ передается не однимъ, а двумя различными терминами, употребляемыми въ перемѣжку: волостное управленіе и вотчинное управленіе. (См. §§. 334, 335, 336, 343, 347, 371 и др.). Такую шаткость терминологіи въ законѣ трудно объяснить; но вотъ къ чему она приводитъ. Изъ §§. 354 и 371, читатель узнаетъ, что старшина, предсѣдатель и засѣдатели мірскаго суда избираются мірскимъ обществомъ и утверждаются волостнымъ правленіемъ; и такъ какъ волость соотвѣтствуетъ нѣмецкому Gemeinde и есть единица общественная, такъ какъ волостной старшина, волостной писарь, волостной судъ, волостной магазинъ, суть чины, учрежденія и заведенія общественныя, то читатель естественно приходитъ къ заключенію, что всѣ вышеупомянутыя должностныя лица, избираемыя обществомъ, общественнымъ (т. е. волостнымъ) правленіемъ и утверждаются. Такъ, вѣроятно, поняли эту статью графъ Киселевъ и графъ Черовскій, читавшіе Положеніе на русскомъ языкѣ. А между тѣмъ, утверждаются они помѣщикомъ или его повѣреннымъ, и въ нѣмецкомъ текстѣ стоятъ не Gemeinde-Verwaltung, а Guts-Verwaltung. Случайно ли произошла эта ошибка, дающая совершенно превратное понятіе о сущности дѣла, или нужно было, именно въ эту капитальную статью, подпустить тумана и заплѣнить глаза правительству? — Какъбы то ни было, прозектъ ландтага, въ этомъ переводѣ

къ помѣщику, управителю или пастору, таскался по кабакамъ, повѣсничаль, развратничаль, и, отслуживъ свой срокъ, выходилъ отъявленнымъ негодяемъ. Затѣмъ, онъ обыкновенно подбиралъ себѣ невѣсту изъ такихъ же, то есть изъ числа прогулявшихъ всякій стыдъ съ разными »Gutsverwaltung'ами« и тогда новая чета получала какую нибудь лачужку въ лѣсу, куда укрывала свой позоръ. А какъ бывало праздновались этого рода свадьбы! Что за шпы, что за проводы въ кирку и оттуда! Пасторъ оглашалъ точно не людей, а ангеловъ, приписывая имъ добродѣтели, которыхъ они и во снѣ не видали. Стыдно было слушать какими прилагательными онъ ихъ чествовалъ; да и самъ пасторъ, въ такихъ случаяхъ, жмурилъ глаза, не знаю отъ стыда ли, но не краснѣлъ. На мѣсто выбывшихъ, поступали во временную кабалу другіе и шли тѣмъ же путемъ. Такимъ образомъ, народъ хорошій портился и становился никуда негоднымъ, а въ рекруты поступалъ отсѣдъ мѣстнаго народонаселенія.

Домашняя жизнь и служебная дѣятельность пасторовъ была исключительно посвящена интересамъ земнымъ. Они были ни болѣе ни менѣе какъ трубою дворянства. На каедрѣ — мѣдъ звенящая, да еще дурно звенящая, и все на одинъ ладъ, да еще не въ тонъ. Задача ихъ жизни: какъ бы только сократить расходы и увеличить доходы; къ этому были устремлены все помыслы и усилія: — какъ бы накопить побольше, какими бы то ни было средствами, и

отрекомсидованный княземъ Суворовымъ какъ идеаль совершенства и благонамѣреннаго либерализма, удостоился утвержденія почти безъ измѣненій, и дѣло объ устройствѣ быта крестьянъ Высочайше повелѣнно зачислить рѣшеннымъ. Однако, черезъ 11 лѣтъ, пришлось рѣшать его вновь; въ 1860 году, оказалось нужнымъ издать новое положеніе; и если когда нибудь правительство серьезно захочетъ положить дѣлу конецъ, то нельзя будетъ виновать новаго пересмотра, съ самаго начала. (Пр. Издат.)

оставить по себѣ столько, чтобъ сынъ могъ купить себѣ мызу. Поэтому, семейные насторы оставались неотлучно у себя дома, даже въ воскресные и праздничные дни. Дни эти они сократили такъ, что едва, едва удержались воскресные и самые большіе праздники, которыхъ они не могли уничтожить. Все время они проводили въ смотрѣніи за ходомъ хозяйственныхъ работъ, и тоже не безъ тросточки; чинили судъ и расправу вездѣ и всякимъ манеромъ: и тросточкой, и ладовью, и щелчками, и щипками, разумѣется — чисто по отечески.

Главнымъ ихъ развлеченіемъ было ходить на охоту съ подбѣлками, и гонять звѣря стаями собакъ всѣхъ породъ и мастей. Это дѣлалось конечно для потѣхи, а не для какой либо корысти. На этихъ охотахъ бывало шумно, весело и задорно: умные, образованные, степенные люди разсказывали всякія небылицы, хвастались, брали, спорили и отпускали другъ другу колкости. Тѣмъ временемъ, разпошерстная стая несовѣ усердно работала и ногами и горломъ, гоняясь въ разсыпную за зайчикомъ, бѣленькимъ какъ комокъ снѣга, за этимъ хищнымъ инфляндскимъ звѣремъ. *) Это я слышала и видѣла, а вотъ что я сама испытала.

За отсутствіемъ или недостаткомъ собакъ, къ исправленію ихъ должности, стогнались Латыши. Съ октября по январь включительно, особенно когда снѣгъ былъ не слишкомъ глубокъ. — то и дѣло устраивались облавы, или такъ называемыя: «Кланнеръ-яхты.» Въ воскресенье, въ мызной корчмѣ, отдавался приказъ, чтобы въ такой-то день, утромъ засвѣло, въ такой-то деревнѣ, непременно, подъ

*) Крестьяне обязанности были, по наряду, выходить на облаву, для истребленія хищныхъ звѣрей; подъ этимъ предлогомъ, въ Инфляндіи какъ и въ Польсѣ, ихъ заставляли безвозмездно гонять зайцевъ. (Пр. изд.)

опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, каждый дворъ, смотря по величинѣ его, выставилъ отъ одного до двухъ загонщиковъ на два дня кряду. Нечего дѣлать: посылай работника, или бѣгуна — мальчишку, а за цѣпльемъ таковыхъ, иди самъ хозяинъ, съ работницей или дѣвченкой. Слишкомъ малыхъ не принимали, потому что этѣ охоты устраивались все таки подъ предлогомъ истребленія волковъ, — дѣла серьезнаго и не безопаснаго.

Но мужики очень хорошо знали въ чей дѣло и тутъ же, въ корчмѣ, потихоньку между собою пересмѣивались, говоря: «ну, развѣ что помѣщикъ или пасторъ, бѣгая за гончими, какъ нибудь изорвалъ свою старую волчью шубенку; можетъ быть какой нибудь ласкутикъ ея и остался на сучкѣ, а теперь хочеть выгнать иблага волка изъ дѣсу! дудки, мы знаемъ, что подъ волкомъ разумѣй зайцевъ.»

Къ назначенному часу начинали собираться люди всякаго разбора: охотники на коняхъ, охотники пѣшіе, а кто въ санкахъ, въ телѣгахъ, въ дрожкахъ и все съ ружьями. А мы, гонія, все пѣшкомъ, но также не безъ орудіи. Ну какъ въ самую дѣлѣ попадется волкъ! Поэтому, какимъ кто творилъ себѣ волка въ своемъ воображеніи, такое на скорую руку припасадь и орудіе. Разъ, я захватилъ свиной пузырь и думалъ про себя: «попадись только волкъ, я его тресну такъ, что онъ махнетъ на дерево.» И какихъ не было тутъ орудіи? У кого колотушка изъ старой лопаты лифляндскаго произведенія; у кого кусокъ, неизвѣстно откуда добытый, ржавой жести; у кого высушенный пузырь съ нѣсколькими въ немъ горошишками; у одного трещетка, у другого пучекъ лучинъ, а у иныхъ просто палки, которыми ударили въ дѣсу по каждому дереву.

Парядовъ не стану описывать; ихъ можетъ видѣть читатель на пищихъ, на деревенскихъ ярмаркахъ и церковныхъ напертяхъ. У меня бывали разныя одѣжи: иной разъ отцовскій камзолъ, или полукафтанъ, такой длинный, широкій,

съ нѣсколькими хвостами, и такими длинными, что въ лѣсу иной разъ оторонѣешь и оглянешься, точно чтото полаетъ за тобою. Дырамъ и прорѣхамъ не было ни счету, ни мѣры.

И поведеть бывало лѣсничій эту мохнатую, полуголодную, двуногую стаю всѣхъ возрастовъ и половъ, а въ томъ числѣ и такихъ, о которыхъ на видъ трудно было сказать: что это, мальчикъ или дѣвочка? да и сами они едва ли знали; — поведеть къ лѣсу, разставить въ рядъ, на разстояніи отъ ста и болѣе шаговъ, какъ лѣсъ великъ, отдастъ приказъ: шумѣть какъ можно больше и громче, не забѣгать впередъ, не сходиться въ кучку, не отставать, домой не бѣгать и т. д. Но эта инструкція не всегда соблюдалась, грѣшили противъ нея всѣ, и малые и большіе. Лѣсничій подастъ итурмовой сигналъ. Вотъ бы вамъ послушать, а описать я не берусь, потому что самъ бывалъ въ этомъ дѣлѣ участникомъ а не слушателемъ. Это такая суматоха, что и разобрать нельзя: крикъ, вой, лай, звонъ, дребезжаніе пузыря, аukanье, стукъ по деревьямъ. Подъ часъ мнѣ становилось такъ страшно, что волоса становились дыбомъ. Пузырь развяжешь и выпустишь воздухъ: слышалъ, что волки мясо любятъ; наконецъ разорвешь его, выберешь горошинки и съѣшь, а пузырь бросишь, чтобъ и духу мяснаго не было. Иной мальчуганъ такъ наостривъ лыжи со страху, что выбѣжитъ на охотниковъ прежде перваго зайца; охотникъ, съ досады, схватитъ его за макушку, выдеретъ за волосы и прогонитъ въ лѣсъ. Смотришь: бѣжитъ назадъ мальчуганъ, плачетъ и кричитъ, что шапку потерялъ, и проситъ вернуться поискать ее. Куда тутъ! До шапки-ли? Мимо идетъ большой и говоритъ: «иди впередъ, мы выгонимъ шапку изъ лѣсу!» И дѣйствительно, выйдутъ къ охотникамъ, и тутъ отдаетъ шапку тотъ самый охотникъ, на котораго налетѣлъ загонщикъ, и который оттаскалъ его за чубъ; а мальчикъ въ страхѣ и не замѣтилъ, что шапка осталась въ его рукахъ и твердо вѣрить, что ее выгнали изъ лѣсу.

По опушкѣ стояли охотники, притаившись, какъ коты завидѣвшіе мышенка; тутъ и помѣщикъ, и пасторъ, корчмарь, докторъ, управляющій, кистеръ, аптекаръ, староста, мужикъ сотскій, сынъ помѣщика, старшина, сынъ пастора, лакей и т. д. Имъ хорошо было, потому что у всѣхъ была съ собою закуска и фляжка съ теплородомъ. А спроситека: намъ, голоднымъ шакаламъ, каково было бѣжать со страхомъ и трепетомъ, падая, озираясь, увязая, засоряя глаза, царапая лицо, путаясь въ сучьяхъ сосенъ и ѣльника, перелѣзая черезъ повалившееся дерево, съ огромными сучьями, за которые иной разъ уцѣпишься и повиснешь на воздухѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Сгоряча не разсчитаешь, что вѣдь цѣлый день или два нужно выдержать. Тутъ и гончая, четырехногая собака обратится въ коромысло, а тѣмъ болѣе двуногая. Перевалить за обѣдъ: тутъ вспомнишь, что всунулъ за подкладку стараго отцовскаго камзола корку хлѣба. Хватъ, въ одну, въ другую: — нѣтъ корки. Еще пройдешь, еще и еще обѣщишь, пѣтъ какъ пѣтъ! Тутъ, къ ужасу, найдешь предательницу дыру въ длинномъ камзолѣ; вотъ куда улизнула моя корка! А какъ бы ты мнѣ теперь пригодилась! Смотришь: и народу то собачьяго какъ будто по меньше стало, особенно большихъ что то маловато! А! и они вѣрно въ дыру провалились и сидятъ теперь по домамъ, около печей, и грѣются. — До этого времени было жарко. Рубашенка взмокла отъ поту и сыплющагося съ ѣловыхъ сучьевъ снѣга. Грубые, портяные штанишки тоже мокры и лѣзутъ все ниже и ниже; ноги тоже, лапти отказываются служить; ужъ видна красная пятка. Самъ голодень; въ лянкахъ сперва зудъ, а потомъ боль, и все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, становится невыносимо. Отцовскій камзолъ отказывается грѣть и даже показываетъ явное намѣреніе сползти съ плечъ долой и какъ будто повторяетъ часто слышанное: охъ ты, мерзлякъ сопливый! Ты ужъ никакъ не на шутку готовишься плакать! Вотъ тебѣ впередъ наука!

не пори горячку! На горячихъ, не только воду возять, но и слезы тоже!

Спустишь и засученные рукава, такъ что руки кажутся длиннѣе всего туловища; нужно согрѣться, по нѣтъ! Холодно! невыносимо холодно, весь окоченѣлъ! Голосъ отнялся, силъ тоже нѣтъ, и начинается ужъ клонить ко сну. Кончилась наконецъ охота. Иди домой! а домъ то далеко, и точно парочно уходитъ всё дальше и дальше въ тьму почую. Темно! страшно! Что дѣлать? Разуужется что: затануть ту пѣсь, съ которою родился на Божій свѣтъ, въ нѣсколько измѣненномъ тонѣ. Она начинается съ буквы «ы», тянется долго, но больше вы ничего не услышите. Гончая обратилась въ теленка! А чрезъ недѣлю этотъ же теленокъ опять превращается въ гончую, бодрую и задорную. Встрѣчается съ товарищемъ отъ одного смычка и говорить ему: «миѣ сегодня бѣть не захочется» и въ доказательство приставляетъ большой палецъ къ животу, по ниже сердечной яючки и повыше пупка, колышетъ свой широкій животъ и говорить: послушай ка, Онджа! какъ пугра то играеть; славно салакомился! Точно у добраго коня селезенка бьется: гукъ, гукъ, гукъ! Я и хлѣба то не взялъ, чтобъ рѣзвѣ бѣжать» — Но смотришь, къ вечеру, этотъ хвастунъ опять дрожить и мычить.

Помню какъ теперь: въ послѣдній разъ я былъ на облавѣ въ ноябрѣ 1846 года. Въ этотъ разъ, я былъ не такъ ретивъ въ началѣ охоты и не такъ плаксивъ въ концѣ. Но какая то невыносимая тоска сопровождала меня туда и обратно. Не знаю: какая тому была причина? Толи, что хозяинъ погналъ меня вѣсто своего работника, должно быть на томъ основаніи, что мы у него занимали квартиру великолѣпную, при самомъ овицѣ, безъ фундамента, безъ дверей, съ прогнившею, соломенною покрышею? Толи, что мать моя была больна послѣ двукратнаго, тюремнаго ея за-

ключенія въ Ригѣ, *) больна при смерти и некому было подать ей нажить? Топи, что я уже былъ въ то время не сынъ хозяина, а сынъ горемычпой, обиженной до глубины души, ограбленной самымъ наглымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, истерзанной, измученной, больной — бобылки? Жадость ли по добромъ отцу, который лежалъ въ сырой, дальней, чужой землѣ, и оставилъ насъ, не сказавъ намъ послѣдняго «прости,» не благословивъ насъ послѣднимъ, видимымъ благословеніемъ отца? То ли, что въ то время я уже былъ православный, и что все надо мною сѣялось? А поводомъ къ насѣшкамъ послужилъ святой крестъ, довольно большого размѣра, который предательски высунулся изъ монхъ лохмотьевъ. Его замѣтилъ управляющій и указалъ другимъ, проговоривъ громко, внятно и ядовито: «вотъ и эта собака пришла со всемъ своимъ Клямберомъ.» — То ли, что этотъ самый управляющій былъ однимъ изъ первыхъ виновниковъ постигшихъ насъ бѣдствій? Что тутъ были на лицѣ все злоумышленники и лжесвидѣтели, сгубившіе моего отца, и нагло радовались своему торжеству? То ли, что мы собрались въ той самой деревнѣ, гдѣ мы такъ недавно радовались и рѣзвились, а послѣ отпраздновали похороны отца? То ли, что на дверяхъ бывшего нашего двора видны еще были трещины и дыры отъ дѣйствія лома и насосниковъ, которыми взломали двери среди бѣлаго дня, чтобъ вынести наше имущество и продать его съ аукциона? То ли наконецъ, что я долженъ былъ гонять зайцевъ въ тѣхъ самыхъ болотахъ и тундрахъ, гдѣ я еще такъ недавно насъ стадо моего отца, рѣзвился, зябъ, голодалъ, насыщался, радовался, словомъ жилъ какъ малый лѣсной звѣрокъ, не вредя никому, кромѣ самаго себя, когда бывало слетнишь съ березки на землю? — право не

*) О причинѣ хожденія матери автора въ Ригу, будетъ говорено ниже. (Пр. изд.)

знаю . . . Но я невольно забѣжалъ впередъ и разговори́лся самъ съ собою припоминая бывое время. Пора вернуться къ предмету.

Пасторы и сами содержали и содержатъ собственныя псарни, не пренебрегая и ружейною охотою. Иные изъ нихъ стрѣляли зря и во все: въ птицу ли, въ звѣря ли, попадая подъ чась и въ своего прихожанина, сидящаго около печки въ хатѣ, или въ женщину съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Бывали такіе случаи, и все сходило даромъ, все было ни по чьей. Но, все это и многое другое, какъ говорится, моталось на усъ, хотя Латышь и не носитъ усовъ. — Когда нибудь можетъ и онъ ихъ отпустить; но все это впереди, далеко впереди.

Своимъ духовнымъ дѣломъ, пасторы занимались всего меньше. Отъ кирки и службы уклонялись, а Латыша буквально ненавидѣли. Почти всѣ свои обязанности они сдѣлавали своимъ помощникамъ, такъ называемымъ форминдерамъ, которыхъ поставили множество во всѣхъ деревняхъ. Эти форминдеры за нихъ крестили, принимали женщинъ съ соровою молитвою, хорошили, совершали всякаго рода требы, кромѣ однако браковъ, и все это безвозмездно. Навѣщать больныхъ, ѣздить къ нимъ и напутствовать ихъ Св. Таинствомъ — это и теперь дѣлается рѣдко, а въ тѣ времена, пасторы даже какъ будто и не знали, что это ихъ непремѣнная обязанность. Они считали, и считаютъ, что попеченіе о больныхъ исключительное дѣло доктора, а докторъ былъ того мнѣнія, что это по части пастора. Пока они между собою спорили и собирались размежеваться обязанностями, много поколѣній, много Латышей и Латышекъ, умерло, не встрѣтивъ помощи ни отъ того, ни отъ другаго. Ни тотъ ни другой въ хату Латыша не заглядывалъ. По части медицины обходились и должны были обходиться домашнимъ образомъ; требы исполняли форминдеры, слѣдовательно: къ пастору незачѣмъ было и ходить. Доктора съ аптекой замѣнялъ про-

пыра — жидъ. У него были всё лѣкарства: перецъ и лавровыя ягоды противъ поноса; имбирь противъ зубной боли, и т. д. слѣдовательно, и къ доктору не зачѣмъ было ходить, да и не ходили; только разъ, мать приносила къ нему ребенка осну привить. У насъ господствовали двѣ болѣзни: поносъ, отъ слишкомъ дурной и однообразной пищи, и горловая, отъ слишкомъ дурныхъ помѣщений. Помѣщики, пасторы и доктора, единодушно, признали перцовку и настойку на лавровыхъ ягодахъ, за единственное средство противъ поноса; поэтому и не давали ровно ничего отъ этой болѣзни, и мы должны были обращаться въ этихъ случаяхъ къ корчмарю и жиду. Противъ второй болѣзни, помѣщикъ отпускалъ намъ щедрою рукою, изъ своей аптеки — виноватъ — изъ своего амбара, безъ счета и мѣры, хоть цѣлый возъ: крысиного помѣта.*) Его нужно было мѣшать съ мѣдомъ и бѣтъ; но только мѣду не давали, а помѣта сколько угодно, хоть весь амбаръ вымести. И вѣдь дѣйствительно помогало! Мой отецъ лечился, я лечился, всё лечились, и взрослые и дѣти. — Добрый читатель! Вы посмѣетесь; васъ стошнитъ отъ одного чтенія; и господа наши тоже смѣялись, я думаю, и рассказывали какъ забавный анекдотъ про свое остроумное медицинское изобрѣтеніе, про это наглое свое глумленіе надъ простодушіемъ презрѣннаго Латыша. И чего не видѣлъ, чего не испыталъ я въ этомъ родѣ? Мы гибли какъ мухи, да и по правдѣ сказать, много ли мы были лучше мухъ въ глазахъ и понятіяхъ помѣщика, пастора и доктора?

Мы сами даже не дерзали звать пастора къ больнымъ. Бывало, только услышитъ слово „Hims“ больной — такъ и начнетъ барахтаться и отмахиваться, чтобъ поскорѣе убраться изъ его хоромъ. Иной разъ, болѣзнь самая обыкновенная,

*) Это не выдумка, не шутка, а дѣйствительный фактъ бывшій со мною и съ моимъ отцемъ. (Прим. автора записокъ.)

мужицкая, такая что никакъ не можетъ пристать къ благородному, къ пастору: напримеръ: мужикъ раздробилъ себѣ ногу топоромъ и умираетъ безъ медицинской помощи, по желаетъ приобщиться Св. Таинъ, а пасторъ всётаки кричитъ во всю глотку, что болѣзнь заразительна. Поэтому, онъ и не знаетъ гдѣ и какъ жить и какъ умираетъ его прихожанинъ. Часто не знаетъ къ нему и дороги, если не заходитъ въ ту сторону на охотѣ.

Попросить у него молитвы о больномъ или о домашнемъ хозяйствѣ; если просить хозяина и занять положенную цѣну, то пасторъ помянетъ съ каедры: волюсь, усадьбу, имя и прозвище хозяина, даже и жены его; если просить мужикъ первостатейный, то въ добавокъ напшетъ столько похвальныхъ прилагательныхъ, сколько ихъ имѣется въ Латышскомъ діалектѣ, даже во всѣхъ степеняхъ.

А работникъ или бобыль и не приходи! Да и о чемъбы онъ сталъ молиться? Добродѣтелей свойственныхъ какому нибудь засѣдателю или хозяину первой руки, онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть. Животныхъ тоже никакихъ не имѣетъ, кромѣ развѣ самаго себя, да и то негодиаго. Затѣмъ, нѣтъ и не будетъ ни мелкаго, ни крупнаго скота, ни даже птицы. У хозяина всётаки есть хоть какое нибудь четвероногое и курица съ цыплятами; поэтому, послѣ похвальныхъ прилагательныхъ, можно помолиться: «о мелкихъ животныхъ, о лошадиной силѣ и обо всемъ домашнемъ скарбѣ.» *)

Школь для крестьянъ тогда не было вовсе. Да и не было въ нихъ надобности — такъ разсуждали пасторы. «Латышъ — мужикъ (баурисъ) такъ глупъ и безтолковъ, что нѣтъ возможности чему либо научить его» или: «да стоитъ ли каждаго баура учить? Еще вздумаетъ умничать.»

Эти отзывы я слышалъ много лѣтъ, слишкомъ 18 лѣтъ,

*) Буквальный переводъ молитвенной формулы на Латышскомъ языкѣ. (Пр. пздат.)

въ разныхъ мѣстахъ Лифляндіи, и всё отъ стариковъ и старухъ. Всѣ говорили и говорятъ одинаково, безъ всякихъ прибавленій или варіантовъ, слово въ слово.

Какимъ образомъ, отъ кого сами крестьяне это узнали, мнѣ неизвѣстно: но несомнѣнно, что они повторяли повсемѣстно эти объ нихъ сужденія и повторяли съ негодованіемъ, особенно на пасторовъ. Итакъ, школъ у насъ не было. Доказательствомъ тому можетъ служить и статистика барона Гершау, въ которой этотъ баронъ перевелъ между прочимъ на Русскій языкъ Лифляндскіе законы, съ маленькими прикрасами. Онъ начинаетъ статью о школахъ въ Лифляндіи, не съ 1819 года, когда Лифляндія, по официальнымъ бумагамъ, избавилась отъ крѣпостнаго права, а съ 1848 года. Почему? Потому, что не захотѣли сказать всей правды. Позвольте сдѣлать маленькое отступленіе и исправить статистику барона Гершау: разумѣется — не всю, на это бы не достало времени! Почему началъ онъ именно съ 1848 года? А потому, что Православіе тогда уже имѣло три года отъ роду въ Лифляндіи, и, съ перваго же шагу устроило, втиснуло въ тѣсныя квартиры причтовъ, при всѣхъ церквахъ, приходскія школы. А въ самомъ городѣ Ригѣ, существовалъ уже однолѣтній младенецъ подлѣ самаго Верманскаго Сада. Имя этому младенцу дали такое: «Рижское Православное Духовное Училище,» съ переводомъ на Латгшскій языкъ подлѣ Русскою надписью.

Это было любимое насажденіе дорогаго намъ всѣмъ Латышамъ и Эстамъ, незабвеннаго Филарета, епископа Рижскаго. Туда вписалъ онъ и меня, по смерти моего отца, едвали не первымъ въ число учениковъ, за два года до открытія заведенія, именно въ 1845 году, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, и далъ слово моей матери, что одинъ изъ ея сыновей будетъ принятъ въ училище, а если будетъ угодно Богу, то будетъ и священникомъ. И это слово свое онъ сдержалъ.

Это-то училище, помѣщавшееся въ одной изъ лучшихъ частей города Риги, да еще съ Латышскою надписью золотыми буквами на голубомъ полѣ, сильно кололо Нѣмцамъ глаза, какъ молчаливый упрекъ и обличеніе ихъ безучастія къ намъ. И не мудреная кажется надпись: «Рижское, Православное, духовное Училище» но промежъ строкъ читалось вотъ что: по православному Русскому обычаю, помолвившись усердно Богу, мы принимаемъ за дѣло трудное и новое; мы попробуемъ, дѣйствительно ли Латышь и Эсть — бауръ грубѣе и глупѣе лѣснаго звѣря и неспособенъ ничего воспринять? Мы попробуемъ, нельзя ли изъ нихъ, изъ этихъ отверженцевъ, воспитать и приготовить священниковъ, а тамъ и паставниковъ? — Понятно, что это многимъ не нравилось.

Я долженъ однако оговориться, чтобъ устранить возраженіе: бывали конечно примѣры, что и Нѣмцы учили Латышней; но образованіе предлагалось имъ подѣ непремѣннымъ условіемъ забыть свой родной языкъ и даже усвоить себѣ Нѣмецкій выговоръ, выучиться картавить какъ Нѣмцы и передъ каждымъ Латышскимъ словомъ, нѣсколько разъ повторять беззвучную, Нѣмецкую букву: ѳ, ѳ, ѳ.

Эта часто, передъ каждымъ словомъ повторяемая буква, служить вѣрнѣйшимъ признакомъ, что говорящій уже не Латышь, а выработанный изъ Латыша Нѣмецъ. Онъ какъ будто собирается плюнуть на свой родной языкъ, и знайте — на вѣрное: вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старается забыть о своемъ происхожденіи, онъ гнушается его и обижается, когда ему напоминають, что онъ всетаки Латышь, хотя и выучившійся ломать свой языкъ.

Рѣдко, очень рѣдко, выходилъ изъ училища какойнибудь выродокъ — по Нѣмецкимъ понятіямъ, а по нашимъ: здоровый и зрѣлый плодъ привитаго къ Латышскому корню образованія. Изъ тѣхъ, которые, научившись чему нибудь, отдавали себя на службу Нѣмцамъ, изъ за куска хлѣба, мало по малу слагался какъбы особый классъ отступниковъ

отъ своей народности, нѣчто въ родѣ ливонской мелкой «шляхты.» А тѣ, которые учились для того, чтобы принести пользу своимъ братьямъ, дѣйствительно нуждающимся въ руководителяхъ, и оставались вѣрны своему призванію — тѣ заранѣ обрекали себя самой жалкой участи и неутолимымъ, разнообразнымъ преслѣдованіямъ, какія только могла придумать изобрѣтательная злоба Пѣмцевъ. *)

Система пасторовъ сводилась къ слѣдующему правилу: если Латышъ получилъ образованіе, то онъ долженъ окончательно отстуниться отъ своихъ единоплеменниковъ и сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ Нѣмца. А не то, для Латыша достаточно и того образованія, какое онъ получаетъ отъ матери за прялкой, при свѣтѣ березовой лучины, и отъ пастора на конфирмаціи.

О конфирмаціяхъ нужно поговорить обстоятельнѣе; дѣло этого стоитъ.

Для пасторовъ, конфирмаціи были очень выгодны. Какіхъ нибудь 200 или 300 молодыхъ людей согнанныхъ вмѣстѣ работали въ его пользу и на его удовольствіе: чистили дворъ, дорожки въ саду, возили навозъ, за недостаткомъ вилъ, руками собирали помѣтъ и валили въ телѣгу; дѣвушки стирали бѣлье, щипали перья и т. п.

Вечеромъ, приходилъ пасторъ и спрашивалъ по одинокѣ каждого и каждую: «какая у тебя вѣра?» Но это продолжалось недолго; ему становилось скучно и онъ уходилъ, сказавъ намъ на прощанье жалобнымъ голосомъ: «милыя дѣти! я больше не могу говорить, у меня болитъ голова.» Правда, иногда, для разнообразія, онъ приносилъ магнитъ и показывалъ какъ бѣгаетъ за нимъ стальная иглолка.

На конфирмацію собирали парней отъ 18 до 25 и дѣвушекъ отъ 16 до 20 лѣтъ. Ночевать ходили всѣ вмѣстѣ

*) Стоитъ только напомнить имена Безбардиса и обонихъ Петерсоновъ. (Пр. издат.)

въ корчму и спали въ одной залѣ. Шумъ, крикъ, щипаніе, визгъ, смѣхъ, плачь, ругательства, брань и драки! Чистѣйшій Содомъ и Гоморрь! Парни выбирали невѣсть; дѣвушки высматривали жениховъ. Тутъ ревновали, сплетничали, ссорились, плакали, смѣялись, торжествовали, выкидывали разные шутки, разумеется, самаго неприличнаго свойства. Много было между паличными и такихъ, которыя уже успѣли вкусить запрещеннаго плода; всѣмъ хотѣлось вкусить его поскорѣе. «Ну чтобы» — думала иная — «этому молодцу взять меня ночевать съ собою; я бы, и ламаться не стала, а то просто смерть, привязался этотъ соплявый табачникъ! Я же хозяйская дочь и онъ хозяйскій сынъ!» — Надобно знать, что до 1846 года, за величайшій грѣхъ и преступленіе считали: дочь хозяина просватать за работника (батрака), или сыну хозяина взять за себя дочь работника или бобыля. — Это тоже былъ плодъ ученія г. г. пасторовъ. Парни сильно дрались изъ за невѣсть, дѣвушки злобно ругались изъ за жениховъ. Приходили и изъ сосѣднихъ деревень парни уже бывшіе на конфирмаціи спать къ дѣвушкамъ конфирмаціонкамъ. Съ конфирмаціи только позволялось и позволяется парню и дѣвушкѣ спать вмѣстѣ, а до конфирмаціи, это преступленіе строго наказывалось.

За то, послѣ конфирмаціи, давалась полная воля.

Этотъ обычай древній, очень древній, можетъ быть идущій отъ временъ язычества, какъ будто признавъ христіанствомъ и освященъ конфирмаціями. Въ этомъ находили свои выгоды пасторъ и помѣщикъ. На барщину, гдѣ только производились работы обоими полями вмѣстѣ, парни и дѣвушки сами охотно папрашивались; по тойже причинѣ рвались и на конфирмаціи. Такое ужъ было заведеніе, что нужно непремѣнно поспать вмѣстѣ нѣсколько ночей, а иногда и нѣсколько лѣтъ, и затѣмъ уже можно свататься, а безъ этого нельзя.

Вотъ что значили этѣ конфирмаціи. Онѣто послужили

поводомъ, прикрытіемъ и оправданіемъ той безприветвенности, которая до того достигла у Латышей, что отцы и матери не стыдятся уступать свою кровать дочери и повѣсу съ нею связавшемуся, если онъ попотчивалъ ихъ шнапсомъ, а сами ложатся на сырую землю. О! пастыри душъ — развратители, а не пастыри! Вы все это знали и видѣли, все покрывали, всему творили поблажку. Какойто отвѣтъ вы дадите за насъ?

Загляните лѣтомъ въ Лифляндію и, особенно, въ Курляндію: двушка, дочь хозяина, бывшая уже на конфирмаціи, съ ранней весны до поздней осени, ночуетъ въ клѣти. Въ субботу вечеромъ, она украшаетъ эту свою спальню цвѣтами и вѣтвями, посыпаетъ полъ листьями и пескомъ, стѣлетъ бѣлую простыню, ставитъ столикъ и салный огарокъ; мать готовитъ блюдечко свѣжаго масла, грѣтаго творогу, сыру, сладкаго молока, ложки по числу ожидаемыхъ повѣсь. Затѣмъ ложатся и ждутъ прибытія домовыхъ. Для пущей важности, запрутся изнутри и пропускаютъ въ засовъ небольшую лучину. Это для того, чтобъ гость не могъ отворить ее сразу, а долженъ былъ стучаться, проситься, отпущать прибаутки и ласки, отъ которыхъ уши краснѣютъ. Тутъ онъ бывало прикинется и купцемъ, и жидомъ съ перцомъ, лавровыми ягодами, свинымъ табакомъ, *) и коноваломъ и нищій и даже мясникомъ. Впрочемъ, послѣднее слово считалось обидою; какъ разъ щелкнетъ замокъ и уже непопадешь въ клѣть а услышишь извнутри такого рода отвѣтъ: «иди въ хлѣва, здѣсь коровъ яловыхъ нѣтъ.» — Это значило: иди къ батрачкамъ, которыя ночевали въ соломенномъ сараѣ, около хлѣвовъ или въ самомъ хлѣву. Сорвавшееся съ языка слово «мясникъ» нужно было искупать долгими мольбами, стоя у дверей, во тьмѣ крошечной. Затѣмъ, умилостивленная красавица потихоньку подойдетъ, отпереть дверь и начнетъ осмѣивать гостя разными

*) Какого растеніе, употребляемое для леченія свиней. (Пр. изд.)

колкостями, наконец назоветъ его безсильнымъ; тогда онъ упрется въ дверь, лучинка переломится и повѣса растянется на полъ, при громкомъ хохотѣ. Сядутъ, наѣдятся и лягутъ, каждый къ своей безстыдницѣ. Приѣзжаютъ всегда верхомъ, иногда изъ далекой стороны, особенно къ дочерямъ какого нибудь волостнаго засѣдателя, форминдера или хозяина первостатейнаго; лошадей оставляютъ за воротами, на свободѣ; пусть себѣ идутъ, куда глаза глядятъ, и покормятся. Эти лошади, иной разъ надѣлаютъ столько убытка, что бывало досадно до слезъ смотрѣть на истоптанныя, вытравленные поля и разбросанныя конны. Иной повѣса таскался такимъ образомъ до сѣдыхъ волосъ и не одну оставлялъ съ плодомъ незаконной любви, не у одного хозяина травилъ скирды хлѣба. А отецъ хозяинъ не смѣлъ обижаться. Много вреда, грѣховъ, преступленій, даже убійствъ понадѣлалъ, дѣлаетъ и будетъ дѣлать этотъ нехристіанскій, языческій обычай. Надобно было видѣть, какъ грызлись эти псы, когда бывало ихъ соберется много, и каждый хочетъ быть обладателемъ одной красавицы. Послѣдствій не стану описывать: гдѣ любовь растрачивается, тамъ не можетъ быть и нѣтъ супружескаго счастья.

И все это такъ вѣлось въ нравы, что столѣтія не изгладятъ поскудныхъ дѣлъ и обычаевъ моихъ братьевъ!

Время на конфирмаціяхъ проводилось такъ весело, что возвращаясь оттуда, парни ревѣли, а дѣвки плакали. Причина ихъ горя пастору была извѣстна лучше чѣмъ кому либо; но онъ почемуто считалъ нужнымъ притворяться незнающимъ и папутствовать насъ трогательными рѣчами: «вижу, милыя дѣти — говаривалъ онъ — что вамъ жаль со мною разстаться! Вѣкъ бы жили у меня, подѣ моимъ надзоромъ, какъ цыплята подѣ крыльями курицы; вѣкъ бы слушали мои поученія! Все это я знаю! объ этомъ свидѣтельствуютъ ваши слезы! . . . Но, увы! Наступила минута разлуки. Вы знаете, что она неизбѣжна. Берегите и храните все то,

чему вы отъ меня научились, не забывайте меня. Я всё свои силы, всё свое знаніе, весь умъ, открылъ вамъ. Не оставляйте меня, посѣщайте храмъ Божій. Вы теперь и между собою сдружились, а потому, если кого постигнетъ печаль, тотъ приходи сюда и здѣсь онъ встрѣтитъ знакомыхъ и любимыхъ братьевъ и сестеръ!» — Иногда пастору удавалось самага себя довести до слезъ; плакали и слушатели, только не о пасторскихъ куриныхъ перьяхъ, не о навозѣ, даже не о его магнитѣ, а совсѣмъ о другомъ. Эти минуты бывали забавнѣе моихъ облавъ.

Собирали и собираютъ на конфирмаціи всегда весною, за двѣ недѣли до Вербнаго воскресенія, гдѣ Латыши позажиточнѣе, а гдѣ господствовали положительная бѣдность и постоянный голодъ, тамъ собирали и собираютъ осенью. Въ послѣднихъ мѣстностяхъ, пасторы довольствовались за свои труды цыпятами, гречневою крупю, свининою, бараниною и разнымъ хлѣбомъ. Эти господа берутъ все, конечно изъ снисхожденія къ Латышу.

Каждый долженъ самъ привести своего сына или дочь и представить лично пастору, разумеется, не безъ «того.» Кто былъ обученъ, тотъ приносилъ изъ честолюбія, зная, что пасторъ публично похвалитъ, что и дѣлалось. А кто ничему обученъ не былъ, тотъ тоже приносилъ, изъ боязни быть публично осмѣяннымъ. Впрочемъ, вообще, лучше тѣлгу мазать, пока она еще не скрипитъ; а заскрипитъ, такъ нужно смазывать вдвое. Пасторъ зналъ гдѣ раки зимуютъ. Кто изъ необученныхъ ничего не принесетъ, или принесетъ, но не въ соразмѣрности съ своимъ невѣжествомъ, того онъ тягалъ на конфирмаціи по 3 и по 4 года, словомъ, до тѣхъ поръ, пока сумма приношеній сравняется съ степенью невѣжества и тогда только допускалъ къ причастію. Дѣти зашдателей волостныхъ судовъ и хозяевъ первостатейныхъ пользовались особенными поблажками. Иной не въ состояніи былъ и «Отче нашъ,» прочитатъ, поведенія былъ самага

дурнаго, во всѣхъ проказахъ былъ коповодомъ, а кончалъ курсъ магистромъ, дѣлался потомъ хозяиномъ и засѣдателемъ и всѣтаки не умѣлъ отличить ни одной буквы. И этого то разбора люди оглашали законы, циркуляры, чинили судъ и расправу, писали, или подписывали протоколы до неза-видной своей кончины, гдѣ нибудь въ корчмѣ, подъ сто-ломъ, или въ придорожной канавѣ. Таково было во всей Лифляндіи большинство должностныхъ крестьянъ. На нѣ-мецкомъ діалектѣ, крестьяне этого разбора назывались «тол-ковыми мужиками. И дѣйствительно, какъ не назвать толковымъ того, кто бывало съ перваго слова пойметъ и сейчасъ исполнитъ все, что скажетъ помѣщикъ, управ-ляющій, арендаторъ, писарь и проч. Иной разъ, не ус-пѣютъ и договорить, а ужъ онъ поддакиваетъ, и одо-бряетъ головой и голосомъ: «да, да, да! такъ, такъ, милостивый, великій господинъ!» На оборотъ, что толку въ тѣхъ, которые подъ часть говаривали: «нѣтъ!» «такъ нельзя!» «это несправедливо!» «Въ законѣ — вотъ что сказано.» Послушали, посмотрѣлибы вы, что слѣдовало за такими рѣчами!

«Я законъ!» — И схватить бывало милостивый го-сподинъ волостнаго за грудь и трясеть его, а затѣмъ кирх-шпильсрихтеръ (приходскій судья) лишитъ его голоса на волостномъ судѣ. Это бывало за частую.

До ухода съ конфирмаціи, въ субботу (въ пятницу отпускаясь домой, въ баню сходить) всѣ должны были еще разъ явиться лично къ пастору, съ платой: за свѣчи, или за своєюже лучину, за труды, за проторы и убытки. Дѣвушка должна была поднести пару новыхъ, шерстяныхъ пер-чатокъ или рукавицъ, или носковъ, или 15 коп. сер. день-гами, за неизмѣнимъ перчатокъ; парни: сынъ хозяина — деньги, въ непремѣнномъ количествѣ 30 к. сер., а затѣмъ, далѣе, позволялось жертвовать и 50 к. и рубль, и два, и три, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, тѣмъ веселѣе пасторъ. Сынъ

работника, бобыля, круглый сирота давалъ 15 к. сер. не-премѣнно, и выше; съ неучами, былъ другой счетъ. Певѣжеству, порокамъ и недостаткамъ таксы не было. Сдачи не давали, мелкихъ денегъ никогда не водилось. «Что съ возу упало, то пропало!» А развѣ иной разъ окажетъ милость и скажетъ: «иди на кухню, поваръ дастъ тебѣ путры похлебать.» Довольно бы кажется и побывать на кухнѣ, и то ужъ много.

А безъ платы и не думай приходиться; кто осифливался, подвергался эпитимѣ: не допускался къ причастію, подь предлогомъ незнанія грамоты, или шалости, или другихъ причинъ, разужьется: всегда уважительныхъ, законныхъ (малоли ихъ!) и долженъ былъ приходиться еще, еще и еще! Когда мой отецъ былъ на конфирмаціи, нѣкій прихожанинъ два уже года къ ряду не допускавшійся къ причастію и вновь устранинный, явился къ пастору и публично сказалъ ему слѣдующую рѣчь: «ночтенный батюшка, отдайте мнѣ мой полъ талера (30 к. сер.) и полъ барана; я пойду домой и умру со всѣми моими грѣхами!»

Такъ какъ лютеранскіе приходы очень велики — отъ 7000 до 15000 обоего пола душъ, то конфирмаціантовъ бывало ежегодно отъ 300 до 500 обоего пола и больше, такъ что отъ одной этой статьи получался порядочный доходъ. Столькоже, приблизительно, совершалось и браковъ. За каждый бракъ взималось не менѣе 50 к. серебр. и то еще бывало пасторъ посмотреть косо — пужно больше. За записъ умершаго младенца 10 $\frac{1}{2}$ к. сер. за взрослога 21 к. сер.; за записъ при крещеніи младенца — 30 к. сер. и ужъ никакъ не меньше 15 к. сер.; за записъ къ причастію 3 к. сер. съ души. Были назначенные дни, пятница или суббота, когда можно было и мужику приходиться съ визитомъ къ пастору; но эти дни не были опредѣлены закономъ и частехонько случалось, что въ два, три, и болѣе мѣсяцевъ не увидишь пастора. Записалъ онъ или нѣтъ — неизвѣстно, лишь бы получилъ

свои 3 к., а тамъ, хоть и не приходи къ причастію; но если вздумаешь придти не заплативъ, тогда — держись! Такого нагоняя получалъ, что Боже упаси, и съ каеодры и въ волостномъ судѣ.

Вообще, какъ пасторы такъ и землевладѣльцы отъ положеннаго не отпускали и не уступали ни гроша. Въ акуратности, Пѣмецъ первый и послѣдній; у него — дружба братская, а расчетъ жидовскій.

Да! пасторы получали и получаютъ такія деньги и столько хлѣба, они такъ надежно обезпечены, что рѣдкому помѣщику, за расходомъ, очищается такой доходъ. Они до того избаловались и возгордились, что и доступу къ нимъ не было. Сами крестили только въ киркѣ, а хоронить покойниковъ, особенно работниковъ и бобысей, отказывались на отрѣзъ; объ этомъ даже не смѣли ихъ и просить. Сейчасъ спросить: отъ какой болѣзни померъ? А самъ стоитъ въ другой или третьей комнатѣ, и непременно закричитъ: иди скорѣе, скорѣе вонъ изъ моего дома; эта болѣзнь заразительна и прилипчива. Довольно и того, что онъ вычеркнулъ покойнига изъ приходскаго списка, я думаю — тоже не безъ страху какъбы не заразиться. Впрочемъ, иногда, пасторы являли и самоотверженіе, пренебрегали заразою, за 3 или за 5 руб. и хоронили какого нибудь опившагося волостнаго начальника.

Когда въ одинъ день приходилось хоронить нѣсколько покойниковъ, пасторъ обыкновенно поступалъ какъ покупатель въ лавкѣ. Одну вещь купить, а прочія оставить другимъ. Работники и бобыли, по отдаленности отъ кирки и за немѣнѣемъ лошадей, крестили своихъ дѣтей дома, тутъ же, въ банѣ. Крестилъ форминдеръ, а отецъ дитяти долженъ былъ за это его угостить и поднести пару рукавицъ за труды. Хоть роди, а подавай! Этого требовалъ устный законъ.

Извѣстно, что каждый пасторъ для своей приходской

черни, держать при себѣ помощниковъ изъ крестьянъ болѣе грамотныхъ, такъ называемыхъ »фориндеровъ« отъ одного до трехъ въ каждой волости, смотря по ея величинѣ. Крестили и крестятъ и сами хозяева своихъ дѣтей, особенно въ зимнее время. Но такъ какъ у хозяевъ водятся лошади, то болѣею частью они крестили въ киркѣ; это даже требовалось отъ хозяина. Крестилъ обыкновенно самъ пасторъ, предварительно объявивъ съ каедры, что у такого то »благочестивѣйшаго« и его супруги родилось дитя, и, чтобы еще болѣе отличить его отъ дитяти плебея, записывалъ какъ можно болѣе кумовьевъ. Впрочемъ, тутъ былъ и другой расчетъ, ибо каждый изъ кумовьевъ долженъ былъ положить свою лепту на перилы алтаря, пастору за труды. Это обычай Нѣмецкій; но у Нѣмцевъ онъ находится въ связи съ другимъ обычаемъ: давать ребенку при крещеніи нѣсколько именъ; онъ и Генрихъ, и Адольфъ, и Георгъ, и Карлъ и Фридрихъ. Если кому придетъ охота назвать Нѣмца по Русскому обычаю, то есть по имени и отчеству, то стоитъ только знагъ нѣсколько Нѣмецкихъ именъ, и сказать на удачу »здоровствуйте Эдуардъ Карловичъ!« и непременно будетъ въ попадъ; а у Латышей нѣтъ такого обычая и они смѣются, когда слышатъ, что у одного человѣка нѣсколько именъ.

Публичныя вымогательства пасторовъ часто доходили до наглости. Когда меня крестили, по окончаніи обряда, пасторъ внимательно посматривалъ: кто сколько клалъ ему за то, что онъ потрудился снять перчатку съ правой руки и обмочить кончики пальцевъ въ воду, да еще въ самое жаркое время года, а именно въ Іюль. Моя родная тѣтка, Эдда — ее можно и по имени назвать — положила мѣдный грошъ. Этотъ несчастный грошъ, хотя былъ и большой, но достоинство имѣлъ тоже самое, какое и теперешній малый. Пасторъ взялъ его, вставилъ ребромъ между указательнымъ и среднимъ большимъ пальцами правой руки, поднялъ вверхъ, и, передъ всѣмъ народомъ, сказалъ громо-

гласно: «милый приходъ! Этиль талеромъ можно поквитаться съ пасторомъ, школьейстеромъ, звонаремъ и купить новое блюдо для крещенія!»

Эту остроуту я записаль, чтобъ наконецъ отъ нея отдѣлаться, такъ она мнѣ надоѣла. Поминая се, вся родня смѣялась надо мною и теперь смѣется.

Допустите ли вы, что все это наконецъ могло надоѣсть Латышу и что этому неучу могло придти въ его тупую голову повскать другихъ пастырей, другой вѣры? . . . Къ несчастью, и Русскіе придерживались, да и теперь крѣико держатся нашей поговорки, что «за ученаго двухъ неученыхъ даютъ.» Мало того, въ придачу къ этиль двумъ, даютъ за каждаго ученаго Нѣмца по нѣскольку тысячъ Латышей и Эстовъ; отдають ихъ всѣхъ, безъ счета, отдають даже много своихъ, Русскихъ. Смотрите: кончится тѣмъ, что и Русскихъ не хватитъ; пожадуй придется накннуть и Поляковъ и вы останетесь ни при чемъ, не заслуживъ даже искренняго спасибо.

При такихъ огромныхъ приходахъ, каковы Лифляндскіе, изъ трехъ или четырехъ Православныхъ священниковъ, едвалибы одинъ, въ теченіи 10 лѣтъ, могъ отлучиться безъ вреда для своей паствы хотябы на 28 дней; но малосемейные пасторы находили время почти ежегодно уѣзжать на цѣлое лѣто. Правда, въ ихъ отсутствіе, навѣщали сосѣдніе пасторы; но если и свой былъ наемникъ, то каковъже былъ наемникъ наемника? Гдѣ одному челоуѣку удовлетворить духовнымъ потребностямъ 20000 душъ? Ихъ тянуло за границу, на родину, въ отечество; у насъ имъ было скучно и душно. У насъ они были на заработкахъ, правда вѣрныхъ, выгодныхъ и легкихъ, но всеже исприятныхъ.

По возвращеніи изъ за границы съ пустымъ кошелькомъ, они долго толковали съ каеэдры про свое путешествіе и про свое отечество. Это давало темы для многихъ и многихъ такъ называемыхъ проповѣдей. Какъ тамъ хорошо,

тепло, отрадно и мило, жаль только, что дорого все, до малѣйшей подробности, отъ минеральнаго источника до послѣдняго, запыленного кустика. По части религіознаго па-зиданія, мы узнавали только, что благочестивый паломникъ побывалъ въ томъ домикѣ, гдѣ Мартинъ Лютеръ переводилъ библію; побывалъ и въ той комнатѣ, гдѣ Лютера искушалъ діаволъ; видѣлъ и знаменитое чернильное пятно на стѣнѣ.

Тутъже показывались разныя рѣдкости: колосья, ка-мунки, разныя шипки *), а наконецъ, иногда, и собственные свои кулаки. И по дѣломъ, ибо слухая занимательныя про-повѣди, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе изъ бого-мольцевъ дремали и даже похрапывали. Былъ при мнѣ такой случай: пока пасторъ водилъ своихъ слушателей по Европѣ, одному изъ нихъ пригрезился волкъ, должно быть страшный и назойливый. Съ перепугу, во снѣ, несчастный закричалъ какъ на облава: у-у-у-ра!

Пасторъ примолкъ, повелъ глазами, прислушался и при-казалъ дознать кто кричитъ. Въ эту минуту, волкъ, вѣро-ятно испугавшійся, отвязался, и крестьянникъ, все еще спав-шій, притихъ. Пасторъ опять принялся за прерванный свой рассказъ и благополучно добрался до послѣдняго города своей родины, какойто Мемельской Дрекзінтрасъ — Фельзь, какъ вдругъ показался опять тотъже неотвязчивый волкъ и раздался новый крикъ. На этотъ разъ, проснулись и сосѣди и выдали спящаго.

Формидеръ выпроводилъ бѣднаго изъ кирки, а раз-драженный пасторъ осмыалъ толпу картечью своего кра-спорбчія. Но правдѣ сказать, проснавшій проновѣдь все-

*) У дюжинныхъ Лютеранскихъ проповѣдниковъ, такъ называемое духовное поученіе очень часто принимаетъ характеръ болтовни о житейскихъ предметахъ. Въ 1847 году, одинъ, въ присутствіи члена бывшей ревизіонной комиссіи, говорилъ съ кафедръ о томъ: изъ какой матеріи выгоднѣе шить кафтаны. (Пр. издат.)

такимъ былъ въ выигрышѣ противъ прослушавшихъ ее. Первый, по крайней мѣрѣ, могъ разказать, что волкъ тянулъ его за кафтанъ изъ кирки, а что могли разказать послѣдніе? — Ничего. Всѣ говорили: »пасторъ сказки да басни разказываетъ! Лѣнится написать проповѣдь. Мы не за тѣмъ ходимъ въ кирку и не на то храмы Божіи!«

Разъ, одинъ проповѣдникъ — объ этомъ было даже напечатано и въ Латышскихъ газетахъ — видя, что всѣ святъ и никто не слушаетъ, на минуту примолкъ и вдругъ закричалъ неистовымъ голосомъ: „Ugguns! ugguns!“ (огонь! огонь!) Всѣ встрепенулись: „Kur? Kur?“ (гдѣ? гдѣ?) — „Ellē, — ellē!“ (въ аду, въ аду) отвѣчалъ проповѣдникъ. Это оригинальное средство, къ которому пасторы часто прибѣгали, дѣйствительно производило на слушателей желанное дѣйствіе.

Наконѣцъ, однако, Латыши начали серьезно опасаться, какъбы и въ самомъ дѣлѣ Господь не покаралъ ихъ. Но какъ уйти отъ его гнѣва и гдѣ искать спасенія? Падъ этимъ вопросомъ стоило призадуматься и не Латышу. Какъбы, въ самомъ дѣлѣ, достигнуть того, чтобъ сонъ не смыкалъ глазъ въ киркѣ, чтобъ сердце не оставалось безучастно и холодно? Проповѣдь пастора его не грѣшетъ, даже не затрогиваетъ — это ужъ извѣдано, а проповѣди печатныя, издашныя для того, чтобъ ихъ читали дома, когда пастору нѣкогда идти въ кирку, всѣми уже заучены наизусть. Скучно, безотрадно и пусто на душѣ; но еще разъ, куда, къ кому обратиться? Самая мысль куда нибудь обратиться, такъ, безъ спросу, отъ себя, неволью наводила страхъ. Вникните въ наше положеніе и вы поймете это чувство.

Представьте себѣ вѣсы съ двумя громадными и неподвижными чашками. На одной, высоко поднявшейся къверху, пагромождены: покорность, безответность, безгласность, безмысліе, нужда, суевѣрія, невѣжество, голодъ, плотской и духовный — предметы все лёгкіе, а на другой, опустившейся до земли, даже отъ тяжести ушедшей въ землю,

красуется Лифляндскій рай, тотъ рай, въ который не допускаются Русскіе и котораго тайны только намъ дано созерцать лицомъ къ лицу. И чего въ немъ нѣтъ? Какихъ драгоценностей? Есть и германскія, рыцарскія, польскія, шведскія, русскія, и все старинныя, испытанныя и прочныя. Какъ полна эта чаша и какъ обильна! Вы тутъ не встрѣтите ничего легкаго и хрупкаго, а только предметы увѣснстые, цѣнныя и устойчивыя; это все свое, завоеванное, купленное, выпрошенное, отнятое и отбитое: сила, свобода, своевластіе, законность безъ закона, правда безъ правды; а надъ всюю этою вѣками накапливающеюся благодатью величаво развѣвается знамя привилегій, съ грозною надписью: не тронь меня.

Но, по какому то маповенію свыше, эти вѣсы зашевелились. Пасторы говорили и говорятъ, что это было по внушенію злаго духа. Не думаю, злой духъ не сталъ бы имъ вредить.

Какъбы то ни было, Латышъ проснулся; расслабленный зашевелился; юридивому откудато дался голосъ; онъ заговорилъ разумною, грозною рѣчью, и все Лифляндское духовенство какъ будто сдвинулось съ своего педестала, съ крѣпкой своей позиціи. Сперва говорили про себя, потомъ заговорили между собою, но тихо и осторожно, потомъ все громче и громче, не только за глаза, но и въ глаза пасторамъ. Говорили конечно не всѣ, а сколько нибудь начитанные и глубже другихъ прохваченные духовною жаждою, но эти немногіе говорили за всѣхъ и то что чувствовалось всѣми. Говорили они вотъ что:

«Да! дѣйствительно, насъ одолѣлъ сонъ какъ и учениковъ Спасителя въ саду Гефсиманскомъ; но онъ пройдетъ когда и мы узримъ своего Спасителя. Теперь, Онъ еще не окончилъ своей молитвы! Но Онъ придетъ, тогда и мы встанемъ, и, пожалуй, иной вооружится мечемъ апостола Петра.

«Порабы впрочемъ и вамъ проснуться отъ духовнаго усыпленія. Мы этого ждемъ давно, ждемъ и не дождемся. Мы видимъ въ васъ не друзей, не учителей, а эконома «иже ковчежець пияше.»

«Вы насъ предаете, вы гнушаетесь насъ, вы брашите и поносите насъ, не обличенія и исправленія нашего ради, а въ оправданіе вашего безчувственнаго къ намъ презрѣнія. Пьянство и пьянство! Все одинъ упрекъ — Правда, мы одурѣли отъ пьянства, но чтобы вамъ подумать и о причинѣ. Вникнитеже наконецъ въ наше положеніе; взгляните хоть на хлѣбъ нашъ — къ концу недѣли, его не проглотить не смочивъ горла. Посмотрите гдѣ живутъ работники, не сходящіе съ барщины, гдѣ они должны почевать? Въ корчмахъ, или въ такой лачугѣ у самой корчмы, гдѣ только волковъ морозятъ. Съ ранняго утра до поздней ночи, они на поляхъ, или въ лѣсу на морозѣ; выходятъ изъ этого волчьяго гнѣзда, рано утромъ, не смѣютъ затопить печи и оставить за собою огня, иначе и въ Сибири мѣста не найти. Вернулись вечеромъ: прозябли, продрогли; согрѣться надо, а негдѣ; затопить печь, не печь, а чтото въ родѣ пещеры; избенка отъ полу до потолка наполнится дымомъ; нельзя дышать. Кудажъ идти? Въ корчму! Она всегда къ услугамъ, всегда близка, тепла, освѣщена лучиною и тянетъ къ себѣ неотразимымъ соблазномъ дешевой водки. Вы бы, г. г. пасторы, чѣмъ насъ поносить, поговорилибы объ этомъ съ помѣщиками. Корчма! Да развѣ вы забыли, что мы должны, волей неволей, непременно спѣшить туда за 10 и болѣе верстъ каждый воскресный и праздничный день! Не тамъли объявляется намъ нарядъ на работы? Не выли сами собираете въ корчмы нашихъ дѣтей для прослушанія (экзамена)? Не въ корчмахъ ли вы записывали и къ причастію? Не корчмы за нами гонятся, а вы, вы насъ и нашихъ дѣтей туда загоняете. Вездѣ корчмы, куда не посмотришь, въ деревнѣ, въ полѣ, даже въ лѣсу. Въ самые

храмы Божіи лѣзутъ корчмы *) и ужь успѣло сложиться по-
вѣрїе, что кирки нельзя построить не поставивъ прежде
рядомъ корчмы.

»А еще вы говорите, что это для нашей же пользы,
чтобъ было гдѣ лошадей поставить. Отъ васъ ли мы это
слышимъ? Неужели бы мы не могли выстроить двора и со-
держать его всегда готовымъ, къ нашимъ услугамъ, но
только — безъ продажи вина? Нѣтъ! вы пожалуй готовы
бы были дозволить и въ самой киркѣ про-
бы только того пожелади помѣщики!»

«Въ Дѣл. Мин. Дѣл.»

«Вы насъ развращаете и спаиваете. Посмотрите: пьяны
всѣ, отъ сѣдаго старика до груднаго младенца, и тотъ
пьянъ! Пьянъ! Мать его напоила, подливъ водки въ пиво
или молоко, которое взяла съ собою. Мать! На толи ты
родила его на свѣтъ Божій? А чтоже помѣщики и па-
стору? Тѣмъ временемъ они играютъ въ карты и приго-
вариваютъ съ улыбкою: хотять увѣрить, что въ Лифляндіи
народъ бѣдствуетъ; а вотъ же, нустьбы взглянули, какъ ве-
село живутъ Латыши! Да — весело!

«Кто уничтожилъ утреннее богослуженіе? Кто упразд-
нилъ многіе праздники? Кто переводилъ новозавѣтные изъ
одного времени года въ другое, до тѣхъ поръ пока празд-
ники затерялись и даже память объ нихъ изгладилась? Кто
чаще носѣщаетъ кирку? Мы ли, которымъ часто приходится
пройти пѣшкомъ туда и назадъ двадцать и тридцать верстъ,
или вы, выѣзжающіе на четверкѣ? Сколько разъ въ те-
ченіи года придете вы въ церковь, въ воскресный или
праздничный день только для того, чтобы сказать намъ:
«я болѣнъ,» или «мнѣ пѣкогда?» Гдѣ вамъ радѣть объ насъ,

*) Помѣщикъ, на землѣ котораго стоитъ кирка, имѣлъ право по-
ставить корчму на такомъ близкомъ отъ нея разстояніи, что
едва оставалось мѣсто для позорнаго столба. Пр. автора.

когда у шаго изъ васъ первы до того пѣжны, что не выносятъ тяжелаго воздуха въ наполненной народомъ киркѣ! *)

«Посмотрите еще: стоитъ огромная, великолѣпная кирка и противъ парадныхъ дверей или алтаря — позорный столбъ! Высокій, черный, съ двумя поставленными крестъ на крестъ пучками розогъ на кругловатой, головообразной верхушкѣ; большія кольца, цѣпи и двѣ дыры. Ну здѣсь ли ему мѣсто? Не оттоголи вамъ ионадобилось имѣть его подь рукою, что вы привыкли въ своихъ проповѣдяхъ указывать намъ на него чаще чѣмъ на свящешное писаніе? . . .» **)

Памятенъ и мнѣ этотъ столбъ, особенно по одной сценѣ, которой я былъ свидѣлемъ и въ вѣкъ не забуду. На мызѣ Р. въ приходѣ Л. В. усадьбѣ С. былъ крестьянинъ Япъ Кальнинъ. Въ 1841 году, онъ захотѣлъ перейти въ Православіе, но за это хотѣніе (въ то время оно называлось бунтомъ) ему vybrили голову и отправили въ Бе-

*) Это фактъ. Когда пастору, приводившему это обстоятельство въ оправданіе своего перадвнія, замѣтили, что православные священники служатъ въ церквахъ несравненно болѣе тѣсныхъ и душныхъ чѣмъ кирки, онъ отвѣтилъ: „да! русскіе попы нюхаютъ табакъ и обкуриваютъ церкви отъ зловонія напускаемаго Латышами; оттого и выдерживаютъ“ — Я это слышалъ самъ, слышалъ и Д. Баллодъ, указывавшій на это какъ на одну изъ причинъ своего отвращенія къ пасторами. (Пр. автора.)

**) Многіе еще помнятъ эти столбы, теперь уже убранные. Въ воскресные и праздничные дни, пасторъ объявлялъ съ каедры, кто въ чемъ провинился, и за что, и какъ будетъ наказанъ. Исполненіе слѣдовало непосредственно за церковною службою. Приговореннаго подводили къ столбу; ему пропускали руки въ двѣ продѣланныя въ немъ дыры; затѣмъ, отсчитывалось опредѣленное число ударовъ. Иногда, наказываемаго придерживали формидеры — помощники пастора въ исполненіи требъ. (Прим. автора.) — Подтверждено и дополнено свидѣтельствомъ старой Латышки. (Пр. издателя.)

верстофъ. *) Тамъ, его три раза прогоняли сквозь строй, но на поселеніе не сослали. Въ 1845 году, онъ однако поставилъ на своемъ, то есть присоединился къ церкви и сказалъ другимъ, что теперь можно всемъ присоединяться, что теперь приказано **) священникамъ присоединять всѣхъ, и въ доказательство показалъ свой наперстный крестъ. За это (съ тѣмъ, что къ этому прибавили Нѣмцы) его посадили въ тюрьму, въ Ригѣ. Потомъ, разнеслась вѣсть, что въ такойто день и въ такомъ то мѣстѣ, Яна Кальнина будутъ наказывать у позорнаго столба. Его привели, въ дырволя полунубкѣ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ, подъ сильнымъ конвоемъ, за недѣлю до экзекуціи. Всѣ могли ходить смотрѣть на него, но строго запрещено было подавать ему милостыню деньгами или съѣстнымъ. Семь дней держали несчастнаго подъ стражею въ кирочной корчмѣ стоящей на Московской столбовой дорогѣ. Къ воскресному дню назначенному для исполненія приговора, сошлось и съѣхалось множество народу, даже изъ дальнихъ концовъ Лифляндіи и Курляндіи; кирка, корчма, даже площадь у кирки были полны. День былъ холодный, морозный и ясный (въ исходѣ 1845 или въ началѣ 1846 г.). Пасторовъ также съѣхалось много и произнесено было нѣсколько проповѣдей. «Смотрите и научайтесь какъ мы заградимъ путь въ Русскую вѣру» этими и подобными словами оканчивались всѣ проповѣди. Когда отошла служба и начали вызванивать, въ толпѣ пробѣжалъ шопоть: вѣдутъ, вѣдутъ! Дѣйствительно, подвели Кальнина къ столбу; какойто господинъ прочиталъ приговоръ, котораго никто не размышлялъ и не понималъ — слышали только, что за что-то Кальнинъ полу-

*) О Беверсгофской экзекуціи будетъ говорено ниже. (Пр. издат.)

**) Во второй части этихъ записокъ авторъ объясняетъ, какое значеніе въ устахъ Латышской нѣмки слова запрещено, приказано и позволено. (Пр. издат.)

чить сейчасъ 90 ударовъ и на 7 лѣтъ сошлетъ. Изъ Риги привезенъ былъ палачъ; на немъ была красная рубашка; это былъ рослый и плотный мушкетеръ съ звѣрскимъ лицомъ. Латыши ломали передъ нимъ шапки, бабы цѣловали у него руку. Можжевельныя палки тоже были привезены изъ Риги. По прочтеніи приговора, осужденнаго раздѣли; въ однихъ штанахъ подвели къ столбу, на обѣ руки надѣли петли и подтянули . . . Описывать того, что было дальше — я не стану; мы всѣ цыкали и не могли смотрѣть, а бывшіе при этомъ господа смотрѣли. Послѣ наказанія, несчастнаго опять увели въ Ригу, оттуда погнали въ ссылку и черезъ 7 лѣтъ вернули назадъ въ ту же мызу, гдѣ онъ умеръ въ 1865 году; жена его осталась въ Рижской тюрьмѣ и тамъ умерла. Точноли заслужилъ Кальнинъ такое наказаніе — я не берусь рѣшить; не знаю также: можетъ быть въ Остзейскихъ законахъ есть статья повелѣвающая именно при киркахъ шить каторжные столбы и чинить наказаніе вслѣдъ за богослуженіемъ; если не окажется въ законахъ гражданскихъ, можетъ быть найдется такая статья въ церковныхъ. Все это можетъ быть, но я и не разсматриваю дѣла со стороны законности, а передаю только впечатлѣнія оставшіяся во мнѣ отъ моего дѣтства.

Итакъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Лифляціи, началось что-то новое, для пасторовъ совершенно неожиданное, никогда не приходившее изъ на умъ. Въ толпѣ возникъ какойто ропотъ, стали ходить страшныя рѣчи — отрывки изъ нихъ сохранившіеся въ моей памяти я привелъ какъ образчики. У Латышей, вскормленныхъ и вспоившихъ всякаго рода униженіями, откудаго взялась способность чувствовать нанесенныя имъ оскорбленія; мало того, чувство боли начало имъ самимъ выясняться и облекаться въ форму сужденій, даже осужденій.

Около тогоже времени, Латыши стали болѣе чѣмъ прежде сближаться съ Русскими, интересоваться ихъ бытомъ,

всматриваться въ ихъ вѣру, стали сравнивать, повѣрять и слычать. Тѣсный кругъ понятій, въ которомъ проходила жизнь крестьянъ, видимо расширился. Изъ доходившихъ до меня толковъ, я замѣчалъ, что вообще Латышей какъ будто пугала «неспособность» требованій Православія; они находили «Русскую» вѣру строгою, но говорили о ней съ почтеніемъ, какъ о вѣрѣ старой и святой, въ которой видимо, по ихъ понятіямъ «обитала благодать Божія.» Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, издавна существовалъ между Латышами обычай ходить въ ближайшія къ нимъ Православныя церкви служить молебны, а также и въ католическіе костелы служить какіето проклятельныя молебны противъ лицъ наносившихъ имъ обиду, оскорбленія и побой. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, особенно славился и оказывалъ Латышамъ большія услуги Шембергскій костелъ въ Литвѣ, въ мѣстечкѣ Шембергъ. Оно было хорошо извѣстно почти всѣмъ Латышамъ. Иной не зналъ дороги къ мѣстамъ своего прихода, а въ Шембергъ ходилъ среди ночи и не сбивался съ пути.

Я былъ еще ребенкомъ, но очень помню, что въ день Богоявленія отправлялись Латыши за св. водою, украдкою отъ домашнихъ, въ ближайшіе города. Насторы объ этомъ знали давно и не обращали вниманія. Но въ концѣ 40выхъ годовъ стали уже опасаться и возмущаться. Посыпались проклятія изъ устъ настояровъ, съ каѳедръ, а потомъ и въ печати, на Латышей, но, преимущественно, на Русскихъ и на всё Русское. Священниковъ Русскихъ называли, впрочемъ и теперь называютъ: обманщиками, волками въ овечьихъ кожахъ, людьми, которыхъ неприлично и слушать. Затѣмъ, когда услышали, что Латыши до того дошли, что несутъ освящать яблоки и сѣмена въ православныя церкви, стали печатно отвращать ихъ оттуда такими рѣчами: »вы идете въ чуждыя намъ церкви, несете туда сѣмена и плоды освящать чуждою намъ молитвою; думаете и вѣрите, что къ этимъ

предметамъ можетъ пристать благодать Божія также легко какъ синька (синяя краска) къ шерсти и пряжѣ. *)

О Русскихъ, пасторы, дворяне, вообще Нѣмцы и онѣмѣчившіеся Латыши (такъ называемыя «обезьяны») говорили всегда какъ о пьяницахъ, ворахъ, идолопоклонникахъ, поганыхъ, и печатно увѣряли, что за все эти добродѣтели, священники глядятъ ихъ по головкѣ, и что тамъ (у Русскихъ) каждый можетъ вѣровать, во что ему вздумается. **)

О землѣ Русской печатали: «если чертъ когда нибудь станеть искать себѣ пристанища на сушѣ, то ей Богу нельзя отрекомсидовать ему мѣста болѣе приличнаго и удобнаго какъ Русскую землю. ***)

Нѣмцы, а за ними и ихъ приверженцы изъ Латышей, иначе не называли и не называютъ Русскаго и въ особенности солдата, какъ „Kreews“ — поганый (это слово считается величайшею обидою) но огромное большинство Латышей, на оборотъ, смотрѣло и смотритъ на Русскую вѣру и на Русскій народъ съ благоговѣніемъ и сочувствіемъ. Я, на примѣръ, часто слышалъ такого рода отзывы: случитсѣя ѣхать въ городъ за Русскими извозчиками — просто благодать. Случится ли какое несчастіе на дорогѣ, свалится возъ, все останется и идти на помощь, чего Латыши для Латыша незнакомаго, даже и знакомаго, но изъ другой артели, почти никогда не сдѣлаетъ. Сознаніе превосходства Русскихъ и уваженіе къ нимъ принимаетъ даже суевѣрный характеръ. Есть повѣріе, что если что нибудь украдешь у Русскаго, стянешь съ воза, то ни за что не

*) Выписано буквально изъ лютеранскаго духовнаго журнала: „Latweeschu Draugs“ — Другъ Латышей, издающагося по Латышски. (Пр. автора.)

**) Изъ тогоже изданія 1841 г. стр. 44. и 1842 г. листъ 7. стр. 27. (Пр. автора.)

***) Оттудаже: стр. 24. (Пр. автора.)

сойдешь съ мѣста. Отсюда поговорка: »Привязался какъ къ Русскому возу.«

Вообще, про Русскихъ много было говору у Латышей въ сороковыхъ годахъ; многіе даже пробовали говорить по Русски, и, въ этомъ отношеніи, мы дѣти, подражали взрослымъ; но все это было робко, нерѣшительно, такъ что, когда приходилось говорить съ Русскимъ, то обыкновенно отпѣкивались и отговаривались незнаемъ.

Трудно и перечислить всѣ тогдашніе толки, свидѣтельствующавшіе о какомъто необыкновенномъ, тревожномъ состояніи умовъ. Народное воображеніе разигралось. Увѣряли, что мертвые стали воскресать, пророчили, что будетъ большое смятеніе и голодъ, что уже близко второе пришествіе, что скоро придетъ вѣра, та вѣра, о которой наши дѣды говорили, вѣра: старая, крѣпкая, святая, и придетъ отъ сѣвера — такъ и пророками предсказано; что явятся святые люди и уже явились, тамъ то и тамъ то, а тамошніе говорили, что они явились у насъ. Воскресали женщины проповѣдывавшія, что всѣ тѣ, которые носятъ крашеную синюю одежду, будутъ горѣть въ аду. И теперь говорятъ, что являлись такія, что ихъ видѣли сами и разговаривали съ ними и въ личѣмъ не разувѣрите.

Изъ этого броженія, изъ этой тоски, изъ этихъ неудовлетворенныхъ потребностей цѣлаго племени, метавшагося туда и сюда въ исканіи чего то, должно было наконецъ выйти что нибудь. Но нельзя было ожидать единодунія и единомыслія въ стремленіяхъ. Нѣмцамъ давно уже удалось провести и въ народную массу начало сословнаго разьединенія, разбить ее на части, на степени, и разобщить ихъ между собою, даже противопоставить одну другой.

Между проснувшимися Латышами обозначились двѣ группы.

У каждой, была своя задача и своя цѣль.

Одна рѣшилась оставить свою родину и свою вѣру;

другая: остаться на мѣстѣ, но преобразовать и очистить свою вѣру, перевоспитать своихъ Пасторовъ, наставить ихъ на истинный путь, или вовсе обойтись безъ нихъ. Это была своего рода реформація, зачинавшаяся въ темной, пародной массѣ.

Впрочемъ, обѣ группы, хотя и расходились въ путяхъ своихъ, сознавали единство двигавшихъ ими побужденій и были вѣрно между собою связаны.

Вторая напрягала всѣ свои силы, чтобы избавиться отъ томившей ее духовной жажды. Первая искала утоленія отъ жажды духовной и отъ плотскаго голода.

Второй группѣ предстояло менѣе опасностей чѣмъ первой. Вторая должна была бороться исключительно съ иезуитствомъ, фарисействомъ, перадѣнствомъ, распустинностью и корыстолюбіемъ пасторовъ. Первой предстояла борьба и съ духовенствомъ и съ дворянствомъ.

Вторая группа извѣстна подѣ названіемъ »Герингугероувъ,« самаже себя называетъ »братствомъ.« Члены этого братства собирались на сходки, разсуждали, предлагали совѣты и вопросы и постановляли рѣшенія. Они составили себѣ правила, которыя держались въ большемъ секретѣ, а исполнялись строго, съ буквальною точностью. Новыхъ членовъ принимали не иначе какъ по строгомъ и тщательномъ испытаніи, подѣ условіемъ полного послушанія законамъ и уставамъ братства. Допускались и мужчины и женщины; но не у всѣхъ были одинаковыя права. Немногіе, пользовавшіеся правомъ голоса, составляли высшую степень; затѣмъ, были члены второ — и третьестепенные, или такъ называемые оглашенные, которыхъ просили выходить изъ молитвенныхъ собраний, послѣ извѣстной молитвы, а если не выходили, то выводили вонъ.

Послѣ долгихъ совѣщаній, братство рѣшило: строить молитвенные дома, проповѣдывать и учить; проповѣдниковъ назначать по выбору, изъ своей среды, по тщательномъ испытаніи поведенія, познаній и ревности.

На постройку молитвенныхъ домовъ, стали собирать деньги; гдѣ было больше братчиковъ, тамъ молитвенные дома появились раньше, подлѣ кирокъ; гдѣ меньше, тамъ собирались у того изъ крестьянъ — хозяевъ, у котораго изба была просторнѣе и удобнѣе для собраний, и тудаже сзывали членовъ и слушателей. Обыкновенно избввали избу на дорогѣ въ кирку, или на такъ называемой прямой дорогѣ туда, черезъ лѣса и болота.

Усердіе и ревность членовъ братства въ посѣщеніи молитвенныхъ собраний были Неувфронтны. Иному доводилось проходить туда до 90 верстъ. Пришлага изъ дальней стороны принималъ радушный хозяинъ, угощалъ даровою трапезою, плотскою и духовною, на ночь постлалъ ему солому и покрывало. Съ богомольцами вели бесѣды долгія, распрашивали обо всемъ, радовались и горевали, обнадеживали, поддерживали добрыя стремленія, давали совѣты и укрѣпляли противъ гонителей и поносителей ихъ собраний и обществъ. При этомъ, часто повторяли: мы слупы, необразованы, темпы, мы не въ состояніи поучать словами; но въ замѣнь, Господь далъ намъ другой даръ, это наша жизнь, наши дѣла; ими мы должны учить и вразумлять другихъ, а отъ дѣланія добра никто не можетъ отказаться неумѣиель или незнаиель. Дѣла въ нашей власти, и ими мы докажемъ молча, безъ словъ, святость нашей цѣли и нашихъ собраний.

Дворянство не только не препятствовало Гернгутерамъ, но даже покровительствовало. Иные помѣщики, безвозмездно, отпускали матеріалы для постройки молитвенныхъ домовъ. Другіе, хотя ничего не давали, однако, по крайней мѣрѣ, не мѣшали и оставались нейтральными, даже защищали и прямо говорили пасторамъ: по всему видно, что вы ужъ окончателъно издѣлились и опустелись; иначе: на чтобы имъ принимать на себя такіе труды и заботы? — Вопли и мольбы пасторовъ помѣщиками пропускаясь мимо ушей. Послѣдніе видѣли, что хозяева Гернгутеры самые исправные

и добропорядочные, а батраки самые добросовѣстные, трезвые и работающіе. Поэтому, Геригутерство быстро росло и развивалось. Оно проникало не только во все Лифляндскія усадьбы, но и во все мызы и въ города; съ нимъ, рука объ руку, распространялась грамотность усѣбно и быстро; религиозное вдохновеніе какъ будто развязало языки и, въ самое короткое время, явились между Латышами истинно даровитые проповѣдники. Укажу на замѣчательнѣйшаго изъ нихъ, и вмѣстѣ поэта: Венденскаго уѣзда, мызы Зербентъ, усадьбы Юнитесь — Анджа Курмиса.

Я много слышалъ объ этомъ даровитомъ крестьянинѣ и теперь охотно вѣрю рассказамъ о немъ потому, что имѣю передъ собою его пѣсешникъ, въ которомъ отразилась свѣтлая его душа. Особенно часто вспоминалъ о Курмисѣ Давидъ Баллодъ, пѣкогда тоже одинъ изъ главныхъ членовъ Геригутерства, а потомъ священникъ Православной церкви. Приведу здѣсь одинъ изъ его рассказовъ. У помѣщика Н. Н. умерла любимая дочь; при погребеніи ея, говорили проповѣди и рѣчи, разумѣется предварительно написанныя и затверженные, все пасторы приглашенные на отиѣваніе. Когда они кончили, отецъ покойницы обратился къ Курмису, который тутъже присутствовалъ съ слѣдующими словами: »слышь, Курмисъ! ты меня любишь, ты любилъ и дочь мою, и она тебя любила; ты знаешь, какъ я ее любилъ — скажи что нибудь и ты мнѣ въ утѣшеніе!« И этотъ крестьянинъ, тутъ же, безъ всякаго приготовленія, произнесъ такую чудную рѣчь, что вызвалъ слезы умиленія не только у отца, но и у постороннихъ. Глубоко тронутый помѣщикъ поцѣловалъ его въ лобъ и поблагодарилъ его сказавъ: »спасибо тебѣ! Ты одинъ меня утѣшилъ и успокоилъ мое сердце.» И этотъ помѣщикъ публично и не разъ стыдилъ пасторовъ, доказывая имъ, что простые слова необразованнаго мужика проникали душу, тогда какъ ихъ холодная проповѣдь цѣкогда до нея не доходила. Изъ благодарности къ Курмису,

онъ сталъ еще больше прежняго помогать и покровительствовать Геригутерамъ. *)

Но эти успѣхи не обходились имъ даромъ.

Пасторы не могли внутренне не сознавать, что самый фактъ распространенія Геригутерства заключалъ въ себѣ неопровержимое обличеніе ихъ духовной неключимости и этимъ объясняется свирѣпое ожесточеніе, съ которымъ они опрокинулись на Геригутеровъ. Крестьяне приходившіе въ церковь, вмѣсто проповѣдей и поученій, должны были выслушивать возмутительнѣйшія клеветы, грубѣйшее поношеніе и площадную брань на Геригутеровъ, точь въ точь какъ въ послѣдствіи и теперь на Православныхъ. Такъ, на примѣръ, толкуя о томъ правилѣ духовнаго братства, въ силу котораго, послѣ извѣстной молитвы, непринятыхъ въ члены братства выводили вонъ, пасторы увѣряли, что тогда оставшіеся подражали Содомлянамъ. Все знали, что это была грубая клевета и, разумѣется, такими неразборчивыми средствами, Лютеранское духовенство не могло ни убить Геригутерства, ни поднять себя въ мнѣніи массъ; ему удалось только вдохнуть въ слѣпыхъ своихъ послѣдователей свое озлобленіе противъ ихъ невинныхъ братьевъ.

Другая группа сочувствовала Геригутерамъ, помогала имъ своими средствами, ходила въ ихъ собранія, даже вступала въ ихъ братства, но не удовлетворялась ихъ ученіемъ, чувствуя въ немъ какойто недостатокъ.

Не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета, она смутно понимала несостоятельность искусственной, самодѣльной вѣры, сложившейся подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ; она искала вѣры старой, къ которой бы

*) Встрѣчаются и теперь въ Лифляндіи, между Православными Латтышами, личности подобныя Курмису. Я могъ бы даже назвать одного такого пропагандиста по призванію, но чтобы значило выдать его. (Пр. издат.)

можно было пристать съ полною увѣренностью. Многие, присутствуя при богослуженіи въ Православныхъ церквахъ, какъ будто ощущали присутствіе той вѣры, которой они искали и чувствовали внутреннее къ ней влеченіе. Но тутъ пужно было побѣдить много предубѣжденій. Надобно знать, что Нѣмцы издавна и преднамѣренно успѣли распространить между Латышами самыя превратныя и невыгодныя понятія о Русской вѣрѣ и о Русскихъ. Нельзя сказать, чтобъ Латыши рѣшительно усвоили себѣ эти понятія, но они сомнѣвались и колебались; имъ захотѣлось узнать правду и они стали очень подробно и обстоятельно обо всемъ спрашивать Русскихъ, которыхъ въ Лифляндіи было довольно много, особенно кириничиковъ и пильщиковъ. Послѣдніе, видя къ себѣ такое вниманіе, сдѣлались невольныя пропагандистами и шѣ часто случалось слышать отъ нихъ такого рода рѣчи:

«Такъ какъ же? По вашему, мы значить разбойники? Когоже изъ вашихъ мы убили? Кажется и не приколотили ни одного изъ васъ. А вонъ вашъ Нѣмецъ, среди бѣлаго дня дерется, да такъ, что мужикъ, вашъ братъ, на полѣ и растянется. Ужь если онъ днемъ такъ шибокъ дерется, такъ чего добраго, онъ пожалуй и на дорогу съ ножомъ выйдетъ. Когда слыхано, чтобъ Русскій извозчикъ тронулъ въ дорогѣ Латыша? Можетъ не случится помочь, а ужъ ни за что не обидитъ. Въ городѣ васъ тоже Нѣмецъ толкаетъ въ шею изъ лавки или шинка, а Русскій самъ зоветъ. Здѣсь и нять вѣреть пройти странно, а въ Россіи и нять сотъ пройдешь, никто тебя не обидитъ. Вы вѣрите Пѣмцу! Эхма! что они знаютъ про Россію? Вишь ихъ задоръ беретъ, что Русскія бабы ихъ щами обваривали, когда они съ Французомъ приходили Москву раззорять. У насъ Царь самъ христосуется на Святой съ мужикомъ, а не то чтобы выгонялъ изъ церкви, а вашъ Нѣмецъ и въ кирку войти не хочетъ, когда вашего брата понаберется; а взойдетъ, такъ

вашъ братъ не смѣетъ и къ дверямъ подойти! Они васъ хуже собакъ держатъ . . . У насъ Царь батюшка и Николай чудотворецъ! Вы и Богу—то молитесь не умѣете! Живете какъ свиньи! Вашей путры наша свинья бѣть не станетъ. А лошади какія? Да у насъ больше бываетъ жеребенокъ когда родится, чѣмъ ваша въ 4 года. Смотри вопъ: подъ какогого барина съ краснымъ воротникомъ впрягаютъ, такъ никакъ не подберутъ подъ каретное дышло. Которую пи подведутъ все ниже дышла, а о длинѣ и не говори, хоть тройку запрягай гусемъ! Вона! запрягли никакъ десятерикъ, а дышлото, дышло, такъ и ходитъ надъ головами, ушей не задѣваетъ. Хорошо что дорога гладка, а чуть ямочка, такъ пожалуй и прихлопнетъ. Ибтъ, у насъ не то; у насъ ваши господа лошадей покупаютъ у мужиковъ!»

Но съ особеннымъ услажденіемъ и благоговѣніемъ слушали Латыши, когда постоялецъ изъ Русскихъ разсказывалъ про своихъ Святыхъ и про ихъ чудеса. — «Чтожъ это, подумали наконецъ Латыши, съ чегоже Нѣмцы то распускали слухи, что Русскіе купцы убили такого—то мужика изъ такой—то далской мызы, что будтобы нашли его въ подвалѣ или въ погребѣ и т. п.?» Увѣряли также (намѣренно), что во всѣхъ Русскихъ лавкахъ понадѣланы западни съ кольцами; что какъ только Латышъ войдетъ одинъ въ лавку, такъ хозяинъ погой надавитъ кольцо и Латышъ провалится; что тамъ его убьютъ и что въ погребкахъ, у Русскихъ, всегда паходятъ много убитыхъ Латышей. И Латыши этому вѣрили долго, а всѣтаки ходили въ Русскія лавки, ходили и побаивались, и потому принимали дѣры предосторожности, именно: входили всегда самътретей или самъ четверть. Русскіе купцы, разумѣется, были этому рады. Распущенныя въ народѣ нѣмецкіе бредни объ нихъ имъ же обратились въ пользу. Глядя на собиравшіяся къ нимъ артели, они только посяживались, приговаривая: «мое ко мнѣ всегда придетъ» и становились еще ласкавѣе и привѣтливѣе

къ Латышамъ. Русскіе солдаты ворчали на Лифляндію и этимъ, вовсе того не подозрѣвая, также внушали высокое понятіе о Россіи. Они говорили: «что за проклятая страна! Просто — каторга, Ничего не найдешь! Ни вару, ни кожи ласкутика, хоть лыкомъ чини сапоги. Латынг и не знаетъ что такое варъ и дратва Ни одного не увидишь въ сапогахъ. А всё, въ какія-то плѣтѣнки съ ушками обуты, да въ пасталы изъ сырой, коровьей или лошадиной кожи, со всею шерстью; да добробы внутрь шерстью надѣवालъ, такъ нѣтъ же! наружу посить! Да и скверно живеть, словно скотина. Содралъ шкуру у околѣвшей коровы, притащилъ сырую, растопырилъ на землѣ, посередь избы, прибилъ по всѣмъ угламъ деревянными спицами, посыпалъ золой, и лежить это безобразіе въ избѣ пока попадобится рѣзать на пасталы. Всѣ на что ни помотришь, какъ то не по людскому!»

Наконецъ, уставъ рассказывать про Россію или ворчать на Лифляндію, импровизированный пронагандистъ, бывало, самодовольно оглянетъ благоговѣнно внимающую толпу, ухватитъ какого нибудь Латыша за шею, обниметь и запоетъ: «пойдемъ братцы въ Русскую землю! Въ Русской землѣ житье!»

Таковъ былъ характеръ Русской пропаганды, таковы были тѣ эмиссары революціи, тѣ тайные, неуловимые агенты, которыхъ выслѣживала Лифляндская полиція, таковы были тѣ страшные слухи, распускаемые неблаго намѣренными людьми и которыхъ люди благонамѣренные никакъ не могли заглушить. Собственно говоря, были двѣ пропаганды: одна дѣйствительно злонамѣренная, и совершенно сознательная, началась очень давно и продолжается съ полнымъ успѣхомъ теперъ. Она имѣла цѣлью вселить въ Латышей боязнь и отвращеніе къ Россіи. Эта пропаганда производилась съ каедръ, въ проповѣдяхъ, на мызныхъ дворахъ, въ газетахъ, особенно Латышскихъ. Другая, вызванная первой, производилась

всѣми Русскими людьми (разумѣется простыми, не чиновными).

Можно сказать, что вся Россія, невольно, пропагандировала за себя и, такъ сказать, всю свою массую вдвигалась въ сознание Латышей. Точно ли отъ этого готовилась бѣда для Россіи и имѣеть ли она причины радоваться, что благонамѣренные люди въ пору пресѣкли это зло? — Говорять!

Какъбы то ни было, Латыши, слыша отъ многихъ одно и то же, стали дѣйствительно толковать о переселеніи въ Россію.

На эту тему сложились даже пѣсни. Ее можно было слышать тогда вездѣ, на каждомъ шагу, ее пѣли даже малыя дѣти: «Пойдемъ братцы Русской землю; Русской земли добра жива.» Эту пѣсню я зналъ тогда еще, когда бѣгалъ босикомъ и безъ шапковъ; зналъ ее и маленькій братъ мой; и онъ, бывало, наѣвнишь и накормивъ кошку, выгребалъ остатокъ мучицы изъ шайки, надѣвалъ ее на голову, и весь облитый потрой, вставалъ на ноги и пѣлъ про Русскую землю.

Пѣмецкіе крики и брошюры не только не смущали Латышей, а напротивъ производили на нихъ обратное дѣйствіе. Они стали даже знакомиться съ Русскимъ языкомъ. *) Съ солдатами, которые ставятся къ намъ на квартиры, мы теперь говоримъ уже по Русски, но крайней мѣрѣ мы ихъ понимаемъ, и они насъ, даже хватаютъ, что мы «корошо говоримъ по русски.» Трудно уловить и передать народную молву. Но вотъ какого рода рѣчи я принимаю:

«Русскій народъ хороній! Они вовсе не Поляки, какъ мы ихъ называли. Пасторы, повѣнники, всѣ Пѣмцы зовутъ ихъ Поляками, по это вздоръ. У Поляковъ нѣтъ бороды,

*) Не мѣшаетъ напомнить, что авторъ рассказываетъ о своей мѣстности. (Пр. изд.)

а только усы, и всё они черные; а у Русских борода, и всё русые; смотри какъ они сердятся, когда ихъ зовутъ Поляками: «я тебѣ такого Поляка дамъ, что и своихъ не узнаешь!» Не нужно ихъ ругать Поляками! У нихъ и вѣра не Польская, а Русская, та самая, какая и у Царя. Значить ихъ вѣра Царская и въ эту вѣру можно перекреститься когда угодно, а изъ ихъ вѣры въ нашу нельзя. Это мы знаемъ изъ нашего катихизиса, тамъ говорится, чтобъ мы, особенно кто поступаетъ въ солдаты, остерегались и не принимали бы причастія отъ Русскихъ священниковъ и не давали бы имъ дѣтей крестить. *)

«Въ Ригѣ, мы всё покупаемъ у Русскихъ. Они всё держатъ такой товаръ, въ какомъ мы нуждаемся: листовою табакъ, селѣдки, желѣзо, трубки, кремь, соль, сырыя кожи, шапки и пр. Продаемъ тоже больше всё Русскимъ, и останавливаемся на Русскихъ постоянныхъ дворахъ; тамъ хозяинъ хоть сѣно не крадетъ для своихъ коровъ. У Русскаго купца не нужно руки цѣловать, какъ у Нѣмца, и шапки не нужно ломать. Хотя въ Русской лавкѣ стоитъ нѣбога и всегда горитъ передъ нею огонь, однако хозяинъ самъ зоветъ и проситъ, а Нѣмецъ не хочетъ и въ лавку пустить. Русскій купецъ пересчитываетъ всё предметы, не нужно ли того, да того. — Если и забудешь что либо, онъ непременно напомнитъ десять разъ.

«А Нѣмецъ не скажетъ ни за что что есть, спроси хоть двадцать разъ. Онъ и не слышитъ, потому что разговариваетъ съ товарищемъ. Стоитъ вѣчно въ самыхъ дверяхъ лавки, руки въ бока унѣрши, или въ штаны засунувъ и щупаетъ ляжки; не обращаетъ и вниманія, что Латышъ стоитъ около лавки и хочетъ пролѣзть, да бонется — пожалуй прибѣтъ. Стой хоть цѣлый день передъ нимъ, не спросить: что надо?

*) Латыши, помняще старшій свой катихизисъ подтвердили мнѣ это. (Прим. издат.)

«Мало того: случается частенько, что прикащик Нѣмец вытолкает въ шею, или выведетъ за волосы Латыша за то, что тотъ осмѣлился стоять передъ нимъ въ шапкѣ, или вздумалъ поторговаться. Выведетъ на тротуаръ, дастъ колѣномъ по избѣченной части, крикнетъ заученную съ колыбели фразу: „hegaus, du dummer Bauer!“ и шапку швырнетъ ногой на улицу въ грязь, или схватитъ и броситъ ему въ затылокъ.

«А тотъ, бѣдный, и радъ, что дешево обошлось. Пойдетъ оттуда къ Русскому — объ немъ жалѣютъ и говорятъ: зачѣмъ туда идешь, куда не просить? Вишь, какъ Нѣмецъ отщипалъ виски и затылокъ то намозолилъ!

Слово „bauer“ или, какъ произносятъ Латыши «бауръ» самое для нихъ обидное и оскорбительное. Этого слова Латыши терпѣть не могутъ. Не знаю почему именно. Потому ли, что Нѣмецкое и было первымъ и послѣднимъ собственнымъ прозвищемъ Латыша, которое онъ слышалъ отъ всѣхъ и оттого принималъ за однозначущее съ словомъ „lohrs“ скотина; или потому, что слово «бауръ» созвучно Латышскому глаголу „baugot“, рычать, и что Латыши приписывалъ слову «бауръ» смыслъ своего глагола? Какъбы ни было, слово бауръ было для него обидѣе слова „lohrs.“

Понятно, что Латыши любилъ больше и Русскаго купца, и Русскую торговку чѣмъ Нѣмца и торгашку Латышку, показывающую себя передъ Латышемъ Нѣмкою.

Въ Русской лавкѣ, онъ могъ копаться цѣлый день, перерить, торговаться сколько угодно, сулить одну копѣйку за рублевый котель — купецъ несколько не обидится, а только состритъ: «деньги хорошия, да маловато» и не обидится, не выгонитъ изъ лавки. Работы надѣлаетъ на рубль, а купитъ на копѣйку. Обманывали, это правда! но за то личной обиды не наносили. Латыши иногда и пожалуется ему на негоже самага, что обѣщелъ, или обмѣрилъ, или далъ не ту вещь, которую выбралъ: купецъ въ карманъ за оправ-

даниемъ не подѣзеть. Скажетъ, что ошибка или нечаянно случилось и прибавить: да вѣдь, ты любезный обѣдѣлъ то не оттого, что я тебя надулъ на копѣйку; поди: баринъ то дереть и шкуру съ плеч и корову за рога тащить изъ хлѣва. Латышь подумаетъ: «резонно говорить купецъ» — однако, возразить еще: «да зачѣмъ же въ шерсти изорванные листы табаку и отѣтки?» — «Тебѣ же не убытокъ; табакъ вѣдь ты куришь, а кожи лоскутьевъ, поди — дѣти еще чай не видали. Пусть поиграють, и самому пригодятся.» — «Что правда, то правда! А теперъ не обманешь?» — «Ни, ни, и не обманывалъ. Такъ случилось. Ты не обѣдѣлъ, я не разбогатѣлъ» — Латынь совершенно убѣждается въ невинности Русскаго купца, и опять у него покупалъ. Онъ продаетъ дешевле Нѣмца, въ придачу подчуетъ шансомъ, даетъ листовъ пять табаку, извѣстковую трубку, самъ еще засунетъ за ленточку шанки; если при тебѣ сынъ, или кто либо изъ малыхъ, и того не забудеть, крендель или вряникъ грошевой подарить; при прощаньи, руку подастъ, спроситъ изъ какой мызы, усадьбы, какъ имя, фамилія, служба, званіе. Приѣдешь въ другой разъ въ городъ, а ужъ онъ тебя издали опозналъ, зоветъ по имени! Лестно! Еще въ шутку назоветъ гордецомъ. Ну, взойдешь: чего пужко? Спроситъ: здорова ли жена, дѣти? Хоть онъ и знать не знаетъ, водятся ли у него жена и дѣти. До здоровья ихъ, тоже дѣла мало, а всѣтаки, въ случаѣ, укажетъ и лѣкарство: нужно, молъ, выпариться или чайку напитокъ. «А есть у васъ чай?» — «Есть» — «Почемъ? Грошей на пять можно?» — «Можно» — Купецъ отпустить цыдулку трехгрошевую влѣсто пятигрошевой, но во время вѣшанья и упоковки напрямъши спроситъ: давноли въ Ригу приѣхалъ, каковъ урожай, умолотъ, посѣвъ озимаго, что привезъ, кому, за сколько продалъ, пожалѣетъ, что дешево продалъ, онъ молъ больше бы далъ. Взойдетъ другой крестьянинъ — купецъ бросаетъ распросы на полсловъ, а Латышь все тянетъ свой рассказъ, котораго купецъ не слу-

шаеть и даже не имѣлъ намѣренія слушать; онъ ужъ торгуется съ другимъ, зоветъ третьяго. Кошчилъ Латышъ разсказъ, расплатился; тутъ лавочникъ еще ласковѣе проведеть, поблагодарить за разсказъ, котораго не слушалъ, похвалить умъ, котораго тотъ не выказалъ; спросить еще: не волостной ли онъ? Мужикъ начинаетъ повую повѣсть про волостныхъ, ихъ глуность, несправедливости . . . а вотъ кабы я былъ, вотъ бы я! — Да, да! Ваша правда, скажетъ лавочникъ, кабы вы были волостнымъ, и намъ бы лучше было, а то просто бѣда; я удивляюсь, почему вы не волостной, такой право умный!» — Всё это для мужика Латыша, много и очень много значило.

И вотъ какъ сложилось наконецъ убѣжденіе, что нѣтъ на свѣтѣ народа лучше Русскаго, нѣтъ хуже, гордѣе, наглѣе, драчливѣе, несправедливѣе Пѣнца. — «Русскій народъ добрый, и вѣра ихъ святая, самая старая — это мы знаемъ. Наша вѣра самая младшая, слабая, хоть и легкая, а та трудная.

«Правда, у нихъ постъ, да вѣдь и мы постимся круглую зиму, по нуждѣ. Этимъ насъ не испугаешь. Мы давно весь мясоѣдъ оставили господамъ.

«Русскій мужикъ, даромъ что крѣпко держитъ постъ, однимъ блюдомъ не доволенъ; подавай другое, а мы Латыши двухъто не умѣемъ и ѣсть. Русскій поѣсть хорошаго, полноѣснаго хлѣба, заѣсть квасомъ, чего нибудь еще потребуешь, за то и не забнешь; идетъ зимою: грудь вольная, шея вольная и голая, а самъ красный, какъ будто изъ бани вышелъ, паръ такъ и валить, какъ съ добраго коня. А мы, кутаемся въ своихъ лохмотьяхъ, такъ, что и повернуться нельзя, а всё забнешь. Надѣнешь камзолъ, кафтанъ, шубу изъ разныхъ шкурокъ околѣвшей овцы, козла, телѣнка: козлиная и телячія на спину и въ рукава, да сверхъ этой шубы еще шинель, а всё забнешь, все продуваетъ

вѣтеръ, да и какъ не забнуть! Столько одѣжи папаяль, а все голъ гдѣнибудъ сквозить.»

Таково было общее настроеніе, когда пришла въ Ригу вѣсть о теплой землѣ, объ Эйскѣ, близъ Чернаго моря.

Не знаю, да и никто не знаетъ откуда, отъ кого, какими путями, пришла къ Латышамъ эта вѣсть; знаю только, что изъ Риги. Чего нибудь подобнаго, какого нибудь названія для бродившихъ въ народѣ надеждъ, все ждали давно. Наконецъ, оно упало въ массу, какъ будто съ неба, и вся Лифляндія заколыхалась, даже Петербургъ засуетился.

Только и было толковъ что о «теплой землѣ;» по и онибы, можетъ быть, утихли сами собою, еслибы помѣшники и особенно пасторы, не заговорили о ней и о Россіи слишкомъ пезоздержно и ядовито, и тѣмъ не обнаружили слишкомъ явно своего страха и озлобленіе. Этими, они не уняли, а распалили народное воображеніе. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, кто не успѣлъ прежде заслужить довѣрія массъ, кто, долговременнымъ пренебреженіемъ, навсегда утратилъ право на ихъ сочувствіе, кого онѣ считаютъ заклятымъ врагомъ своимъ — тотъ лучше молчи; отъ него не примутъ и правды. Въ такія минуты, и крикъ и угрозы, откудабы они ни шли, тоже не достигаютъ цѣли.

Разгоряченному и ослѣпленному внезапно блеснувшю передъ нимъ надеждою, говорить глѣбныя рѣчи и стращать его — все равно что подливать масло въ огонь.

Не это нужно! Нужно внимательно и терпѣливо выслушать мужицкія, глуныя рѣчи; нужно умѣть вызвать крестьянъ на объясненіе ихъ жалобъ, надеждъ, желаній и плановъ, какъбы они ни были и противозаконны и нецѣпны; нужно еще умѣть понимать мужиковъ, знать заранѣе, что, по неумѣнью обращаться съ фактами, понятіями и словами, мужикъ часто переступаетъ мѣру, говоритъ больше или меньше чѣмъ сколько есть, и оказывается неспособнымъ оправдать самую несомнѣнную правду; нужно помнить, что

подобныя, повидимому совершенно безотчетныя колебанія въ массахъ никогда не бывають безъ общихъ, часто не съ разу видныхъ причинъ; нужно умѣть различать причины отъ поводовъ; сверхъ того — и это главное — нужно имѣть искреннее желаніе и непоколебимое мужество добраться до самаго корня и вырвать его; нужно доискаться его непрелѣнно и не останавливаться на полудорогѣ въ ту минуту, когда, не найдя его въ крестьянской избѣ, приходится идти за нимъ въ дворянскій замокъ, въ тотъ самый, гдѣ мы стоимъ, гдѣ насъ ласкають, гдѣ намъ такъ хорошо и пріятно въ кругу своихъ. Не тамъ ли, въ самомъ дѣлѣ, онъ спрятанъ, этотъ вѣчно ускользающій, вѣчно подрѣзываемый, и вѣчно проростающій корень всѣхъ Лифляндскихъ волненій?

Да! этого рода дѣла трудны и крайне непріятны для слѣдователей, но надобноже когда нибудь положить имъ конецъ. Вспомните: въ теченіи пятидесяти лѣтъ, сколько потрачено заботливости объ улучшеніи быта Лифляндскихъ крестьянъ? Сколько издано для нихъ положеній? Сколько принесено было дворянствомъ такъ называемыхъ жертвъ, которыхъ однако народъ не замѣчалъ; сколько объявлено дворянству благодарностей и благоволеній? И неужели вопросъ еще не рѣшенъ? Зная близко народный бытъ, я отвѣчаю смѣло: нѣтъ, не рѣшенъ. Корень волненій не вырванъ, онъ былъ, онъ есть теперь, онъ будутъ, можетъ быть въ формѣ новой и худшей.

Но чегоже, наконецъ, хотятъ Латыши? Что имъ нужно? Имъ нужно то, что имѣеть Россія, что ей дано: живая вѣра, одинъ Царь, не тысячи царьковъ, свобода обеспеченнаго быта и ощущеніе надъ собою закона, а не переодѣтаго въ законъ произвола; имъ нужно: сліяніе съ Россією полное, во всѣхъ отношеніяхъ.

Они говорили: «мы хотимъ бѣжать въ Россію» но это былъ неразумный вопль отчаянія. Это значило: «перенесите

сюда Россію, вдвиньте ее въ Лифляндію. Къ несчастію, этого не поняли.

Движеніе 1841 года охватило почти весь Остзейскій край. Одна Курляндія (миѣ кажется) осталась въ покоѣ, но не осталась въ долгу. Она тоже ясно заявила, хотя гораздо позднѣе, свое желаніе переселиться въ Россію, получить то, что получили Русскій крестьянинъ и свое недовольство Лютеранствомъ; но народъ въ Курляндіи слишкомъ предубѣжденъ противъ Православія, и оттого, неудовлетворенная религіозная потребность проложила себѣ тамъ другое русло — въ Анабаптизмъ. *)

Латыши и Эсты повалили со всѣхъ сторонъ въ Ригу записываться въ Православіе и въ Ейскій край.

Ихъ пороли на мѣстахъ, въ Ригѣ, не только въ Ордунгсъ-герихтѣ и въ полиціи, но и на городскихъ улицахъ. Сами настыры теперь проговариваются и сознаются, что только розгами и палками и удалось удержать Латышей въ Лютеранствѣ. **)

И всётаки Латыши и Эсты не унимались, такъ что наконецъ вздрогнула вся губернія, всѣ власти. Тутъ, раздалась злобѣщая вѣсть: въ Беверсгофѣ бунтъ, въ Эстляндіи, въ трехъ мѣстахъ, тоже бушуютъ.

Какъ только удалось закрѣпить за народнымъ движеніемъ это страшное названіе — бунтъ, такъ все какъ будто прояснилось. Пора тревожнаго недоумѣнія прошла.

*) Авторъ не совсѣмъ правъ, или, можетъ быть, эти строки были писаны до послѣднихъ происшествій въ Курляндіи и особенно на Ковенской ея границѣ. Дѣйствительно, тамъ свирѣпствовало, съ сильнымъ озлобленіемъ противъ Лютеранскаго духовенства, секта Анабаптистовъ, но именно въ послѣднее время тамъ же обнаруживались явные признаки и стремленія къ Православію, разумеется, всѣми мѣрами подавляемые сверху. (Пр. издат.)

**) Въ слѣдующемъ выпускѣ, я представляю въ доказательство печатныя свидѣтельства. (Пр. издат.)

Бунтъ — дѣло понятное и, какъ дѣйствовать противъ бунта — извѣстно всѣмъ властямъ. На это есть инструкціи и традиціи.

А всётаки я скажу, что этотъ Беверегофскій бунтъ*) въ 1841 году, правильнѣе былобы назвать не бунтомъ, а развѣ болѣзнью передъ родами; я назову его первымъ кризисомъ Лифляндскаго разслабленнаго.

*) Мѣстное дворянство и тогдашій Генер. Губ. Баронъ Паленъ давно искали по всей Лифляндіи бунта. Наконецъ, имъ удалось найти или сочинить его на мызѣ Ней-Беверегофъ Рижскаго Уѣзда. Туда были посланы: рота Шлиссельбургскаго полка, 4 роты Ладожскаго и 50 Козаковъ. Распоряженіе этимъ отрядомъ было ввѣрено депутату дворянства фонъ Нуммерсу. Вотъ именно чего хотѣлось дворянству: показать Латышамъ, что Русская военная сила отдана въ услуженіе помѣщикамъ, и повести дѣло такъ, чтобъ эта сила надолго оставила по себѣ слѣдъ въ памяти крестьянъ кровавою экзекуціею. И была произведена экзекуція страшная, о которой и въ 1846 году всё еще говорили съ ужасомъ. Это дѣло, когда обстоятельства его дошли до свѣдѣнія покойнаго Государя, было одною изъ причинъ заставившихъ его потерять всякое довѣріе къ Барону Палену. (Пр. пздат.)

Второй кризисъ.

Первый кризисъ прошелъ. Виновники бунта, отчасти и подозрѣваемые въ участіи въ немъ, даже нѣкоторые крестьяне изъ другихъ мызь, которые только желали оставить свою вѣру и свою родину, получили достойную мзду. Многие наши въ Беверсгофѣ конецъ своему жалкому существованію. И лучше: двухъ смертей не видать, а одной не миновать. Многие потеряли совершенно свои внутренности; многими перепортили только животы, но впрочемъ такъ, что они уже болѣе не годились для перевариванія мякны; нѣкоторые, нечаянно, уронили въ этой суматохѣ свои рѣбра, сѣвши сквозь строй, или вставая съ мѣста, чтобъ уступить другому солому и лужу крови, чтобъ могъ и онъ подлечь въ нее своей. Долго надъ полями Беверсгофскими кружились вороны и сороки и долго, я думаю, эти поля, не требуя удобренія, давали хорошіе урожаи. Эту катастрофу нѣсколько разъ принимался рассказывать мой отецъ — онъ тоже былъ командированъ туда изъ пашей волости, смотрѣть это кровавое зрѣлище, для острастки, такъ какъ онъ былъ человѣкъ правдивый, характера прямаго и потому состоялъ на счету неблагонадежныхъ и опасныхъ — но онъ ни разу не могъ досказать всего; онъ захлебывался слезами.

У него, дѣйствительно, былъ престрашный правъ, а душа была бабья. Гдѣ только могъ помочь ближнему, помогаль, не откладывая до другаго разу. Попросятъ у него чего нибудь, если онъ имѣлъ — отдавалъ; а не могъ помочь, бывало заплачетъ. Хозяинъ онъ былъ исправный, имѣлъ много скота, рогатаго и свиней и овецъ, и почтеннаго козла, мою верховую лошадь, и пару большихъ псовъ, моихъ друзей и товарищей; правда, онъ оставилъ по себѣ и должокъ: 5 пуръ т. е. 11 пудовъ казенной муки. Съ этимъ долгомъ мыбы и по сю пору не справились, еслибы не помогли — спасибо имъ — волостной старшина, помѣщикъ и кирхшнильсгерихтъ. Пришли они на подмогу съ топоромъ и ломомъ, разломали кѣтки, отбили замки, и продали все что нашли съ публичнаго торгу; затѣмъ, насъ взяли подъ опеку, то есть выбросили безъ куска хлѣба на большую дорогу, и очутились мы на новой, великолѣпной квартирѣ: безъ крыши, дверей, фундамента и оконъ, въ помѣщеніи, гдѣ прежде хранилась мякина. Да это еще не всё: взялись серьезно хлопотать о нашемъ долгѣ, потащили мать мою въ городъ и посадили ее въ тюрьму; словомъ: измучились изъ за насъ сердечные и наконецъ такъ выплатили долгъ, да такъ, что и всѣмъ заботамъ конецъ — ничего не осталось: ни долгу, ни денегъ. Какъ это они такъ устроили, вѣдаетъ Богъ. Вотъ что значитъ разумный старшина (ein verständiger Vorsteher . . .*)

Но я уклонился въ сторону и невольно забѣжалъ впередъ. Я сказалъ, что отецъ мой не могъ обстоятельно описать всего Бевергофскаго побоища; однако, все отъ него слышанное глубоко вѣзалось въ мою память. «Это было — говаривалъ онъ — не наказаніе людей, это была бойня. Людей такими жердниками не наказываютъ. Да и счетомъ многовато, несообразно ни съ лѣтами ни съ поломъ. Маль-

*) Лялянд. Крест. Уложеніе 1850 года. §. 353.

чишку лѣтъ 12 или 13ти сѣкли такъ, что и взрослому не вытерпѣть. Какой нибудь дряхлой старухѣ, изсохшей и растрѣскавшейся какъ древесный грибъ, отсчитывали до 100 палокъ.

«Или, старика, съ виду похожаго на фловую шишку, гоняли два раза сквозь строй; а онъ и разу путемъ не прошелъ. Положить его на колѣса и везуть солдаты мертваго, колотятъ какъ по мѣшку, палками, а начальникъ идетъ позади фронта, съ мѣлкомъ въ рукѣ, и ставить на спинѣ крестъ тому, кто не ударить или ударить мягко. Этихъ несчастныхъ тутъже раскладывали и страшно сѣкли. Но были и герои, въ полномъ смыслѣ этого слова. Пѣсколько молодыхъ парней прошли сквозь строй и не крикнули. Одинъ, ужъ пожилой мужикъ — имени его не запомню, но прозвище знаю, не забуду никогда — онъ былъ должностной по волости, стараго покроя мужикъ, носилъ еще заплетешную позади косу. Мужикъ былъ дѣйствительно толковый и горевалъ, что другіе его не понимали и портили всё дѣло. Фамилія этого героя — Ашна. Тотъ, кажется, прошелъ сквозь строй три раза; его, и нѣсколькихъ другихъ, наказывали строже всѣхъ. И этотъ Ашна не издалъ ни одного звука, ни одного стона, только вздрагивалъ при каждомъ ударѣ; шелъ бодро, прямо, мѣрно, на концахъ поворачивалъ скоро и круто. Только въ третій разъ, началъ то блѣднѣть, то темпѣть. Прощелъ и сталъ; ему принесли рубашку и солдаты хотѣли надѣть на него; но онъ самъ взялъ ее; пока докторъ смазывалъ чѣмъто его избитую до костей спину, онъ обрывалъ самъ свою кожу, которая болталась на немъ какъ тряпье. Выпилъ шапку воды, широко перекрестился и надѣлъ рубашку, благословивъ и ее крестнымъ знаменіемъ.» — Вотъ вамъ и Лифляндскій Остапъ! По окончаніи этой кровавой сцены, какойто страшный господинъ, съ возвышеннаго мѣста, съ котораго читались приговоры каждому изъ осужденныхъ, объявилъ всѣмъ согнан-

пылъ зрителямъ: «такъ будетъ наказанъ всякій кто пожелаетъ идти въ теплую землю, кто вздумаетъ принять Русскую вѣру, кто осмѣлится не слушаться помѣщиковъ и пасторовъ, а будетъ вѣрить обманщикамъ — возмутителямъ.» Все это выстоялъ и выслушалъ мой отецъ, и всётаки не послушался. Ровно черезъ 4 года, онъ присоединился къ Русской, Православной вѣрѣ. За то же и Нѣмцы сдержали слово, и уморили его въ тюрьмѣ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Видя такой исходъ задуманнаго ею дѣла, первая группа (т. е. та часть Латышей, которая искала не преобразованія Лютеранства, а новой вѣры и новой земли, понурила голову какъ апостолъ Петръ, когда онъ отсекъ ухо архіерейскому слугѣ Малху, и когда Спаситель сказалъ ему: «вложи мечъ твой въ ножны.» Не тожело было сказано и Латышу въ Беверсгофѣ? Наступила какаята мертвая, гробовая тишина, перерываемая только проклятіями пасторовъ и мелкими экзекуціями на мызныхъ дворахъ. Пригорюнилась первая группа, призадумалась и, наконецъ, почти вся цѣлкомъ, пристала ко второй группѣ, т. е. къ Гернгутерамъ и съ ними слилась.

Гернгутеры, тѣмъ временемъ, работали неутомимо, даже не оглядываясь на поношенія и насмѣшки сынавіясы на ихъ головы.

Ихъ молитвенные дома умножались, не только въ селахъ, но и въ городахъ; на мѣсто душныхъ избъ, стали появляться новыя, нарочно выстроенныя помѣщенія, часто близъ самыхъ кирокъ. Братства росли не по днямъ, а по часамъ. Клеветамъ, доносамъ, ругательствамъ со стороны пасторовъ сознававшихъ свое безсиліе не было конца.

Но всё это переносилось съ неподражаемымъ терпѣніемъ. Посудите сами: человѣкъ отиравается каждый воскресный и праздничный день въ кирку, и при этомъ навѣрное знаетъ, что онъ не услышитъ ровно ничего такого, чтобы утѣшило, ободрило или вразумило его, а услышитъ всё старое, давно избитое: сплетни, брань и клеветы.

И всётаки, онъ идетъ, встаетъ рано утромъ, иногда не давъ себѣ времени отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ, спѣшитъ сперва на утреннюю молитву въ молитвенный домъ, потомъ къ службѣ — въ кирку, потомъ опять въ молитвенный домъ, слушать бесѣды своегоже брата крестьянина. Говорили больше люди начитанные и опытные, по очереди, одинъ за другимъ. Говорившій садился за особый столикъ, на первое мѣсто; говорили всё на память, и разумеется, безъ приготовленія. Выраженія, тонъ, мысли и слова — всё было библейское.

При этомъ, особенно замѣчательно, что въ этихъ бесѣдахъ совершенно перестали обличать пасторовъ и отвѣчать на ихъ клеветы и ругательства, такъ глубоко братчики приняли къ сердцу свое коренное правило: доказывать свою вѣру не словами, а дѣлами.

Нѣкоторые изъ этихъ самородныхъ проповѣдниковъ, правда, слишкомъ громко вскрикивали, размахивали руками и горячились, но они не имѣли успѣха. Слушатели предпочитали тихую, спокойную рѣчь, проникнутую сдержаннымъ чувствомъ. Бывали между ними истинно даровитые, которыхъ слово лилось изъ глубины души и приводило въ умилснiе. Посѣщая молитвенные дома, я самъ слышалъ такихъ и, между прочими, замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ — Давида Баллода. У него такъ называемое «возбужденiе чувства» являлось не въ концѣ только проповѣди, а проникало ее всю, отъ начала до конца. Въ скорбяхъ, въ болѣзняхъ, несчастiяхъ, я не встрѣчалъ подобнаго отцу Давиду утѣшителя. Объ немъ еще будетъ говорено ниже.

Однако, терпѣнiе и покорность Латышей не обезоружили ихъ гонителей.

Казалось, что расплата за Беверсгофскiй бунтъ никогда не кончится. Объ немъ безпрестанно напоминали и мстили за него по мелочамъ, всѣмъ попадавшимся подъ руку, мушкетерамъ и женщинамъ. Истязанiя на поляхъ и мызахъ стали

учащаться, палки, как будто, стали толще. Смотрите: управляющий приказывает старостѣ взять мужика за ноги, пропустить ихъ себѣ подъ мышки и держать крѣпко, а самъ дубинкой работаетъ по заду сколько душѣ утодно — я это видѣлъ самъ. Расскажу еще одну, послѣднюю этого рода сцену, которой я былъ свидѣтелемъ, такъ какъ вскорѣ послѣ того, я поступилъ въ школу. Собирали на мызѣ картофель, впрягли нѣсколько четверокъ въ бороны, и раздѣлились собиратели; за хорошими бороныльщиками пошли хорошие собиратели, а за плохими — плохіе. За послѣдними (плебеями) пошелъ и управляющій. Мужикъ (знаю имя и фамилію и прозвище) былъ невзрачный, также какъ и мы, вѣроисповѣданія православнаго. Управляющій хлыстнулъ его по спишѣ: разъ, другой, третій . . . насъ провѣлъ страхъ; у бороныльщика выступили слезы, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «вскачь я не могу гнать!» Это было все тоже, что свичку поднести къ огню. Тутъ пошла такая тростниковая дробь, что я и счетъ потерялъ; съ перепугу, какъ слѣпая курица, хваталъ комки земли и камни, и клалъ ихъ вмѣсто картофеля въ ведро; наложилъ полное ведро, сталъ сыпать. Смотрю: мужикъ не выдержалъ, вырвалъ камышевую трость съ желѣзнымъ набадашникомъ изъ рукъ управляющаго и хотѣлъ переломить, но не осилилъ ее, только перегнулъ ее, впрочемъ такъ, что она стала негодна въ употребленіе. Дѣло было около самой мызы, недалеко отъ большаго дуба, на вершинѣ котораго аистово гнѣздо. Управляющій пошелъ на мызу, но тутъ показался въ воротахъ самъ помѣщикъ. Остановились, переговорили, подошли оба къ намъ. Помѣщикъ приказалъ остановить работу; подозвалъ къ себѣ солдата ходившаго по билету и приказалъ ему вырѣзать десять палокъ. Мы всѣ стояли безъ шапокъ, и солдатъ рѣзалъ безъ шапки. Помѣщикъ приказалъ провинившемуся мужику снять камзолъ, а другому держать его за воротъ рубашки обѣими руками, подъ самое горло. Солдатъ, ударивъ палкой

разъ, бросалъ ее и бралъ новую, до тѣхъ поръ пока не-ребралъ всѣ десять. *) По окончаніи работы, избитый мужикъ пошелъ къ мѣстному священнику. Черезъ нѣсколько времени, ихъ потребовали въ Приходскій Судъ. Дѣло было слишкомъ явно, потому что случилось днемъ, то есть въ то время, когда въ Лифляндіи запылала была заря Православія и правды. Увертокъ не могло быть, ибо, за отсутствіемъ другихъ свидѣтелей, моглабы свидѣтельствовать избѣченная снна крестьянина.

Поэтому, повернули дѣло на мировую. Спросили у мужика, чего онъ хочетъ? Управляющій отбѣлся, кажется, 10 руб. серебромъ. Значитъ: «дѣло въ шапкѣ — говорили крестьяне — и теперь ужъ можно и деньги получить за нобон, а прежде, съ сѣченнаго брали по 15 к. сер. за труды.»

Упомянуть ли еще о томъ, что этотъ же помѣщикъ, собственноручно, въ этихъже воротахъ, отхлыстала мать мою хворостиной, которою пастухи гоняютъ коровъ, за то, что та осмѣлилась придти на мызу и попросить для насъ, дѣтей своихъ, хлѣба? Моя мать отвела эту хворостину въ Ригу, показала ее Пресвященному Филарету, а Филаретъ отправилъ ее, вмѣстѣ съ моею матерью, къ Генераль-Губернатору Головину. **) Это я слышала, но очевидно при этомъ не былъ.

Я сказала, что Гернгутеры находились въ положеніи сравнительно лучшимъ. Вопервыхъ, за нѣкоторыми исклю-

*) Вспомните, что все это дѣлалось съ людьми свободными, что крѣпостное право было отиѣнено 40 лѣтъ тому назадъ, и что правительство находило ненужнымъ вступаться въ хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и опекать первыхъ, такъ какъ они считались полноправными личностями. (Пр. изд.)

**) Понятно теперь отчего Лифляндское дворянство такъ часто настаивало на томъ, чтобы священники не принимали отъ крестьянъ никакихъ жадобъ и не вмѣшивались въ мірскія дѣла? Не въ свойствѣ ли этихъ дѣлъ, разгадка домогательствъ? (Пр. изд.)

ченіями, помѣщики оказывали имъ терпимость, а иногда и покровительство; во вторыхъ, главные члены и руководители братствъ принадлежали къ деревенской аристокраціи, то есть къ разряду состоятельныхъ крестьянъ хозяевъ и ферминдеровъ; за то, они подвергались всякаго рода преслѣдованіямъ со стороны пасторовъ, которымъ не разъ удавалось разгонять ихъ сходки и запечатывать ихъ молитвенные дома. Въ то время, покончивъ съ первою группою, Лютеранское духовенство, не предусматривало для себя опасности со стороны Православія и въ возможность его распространенія въ народѣ не вѣрило, несмотря на нѣкоторые довольно знаменательные признаки. Такъ, въ одномъ приходѣ, Гернгутеры выведенные изъ терпѣнія своимъ пасторомъ, сказали ему прямо: «мы всѣ перейдемъ въ Православіе, если вы не перестанете ругаться!» — Пасторъ на это отвѣчалъ: «чтожь! идите! я тоже перекрещусь, и навѣрное новое начальство оставитъ меня тутъ же, надъ вами Священникомъ.» Нѣтъ сомнѣнія, что Гернгутерство имѣло значеніе только какъ протестъ и какъ свидѣтельство искренней, живой и неудовлетворенной религіозной потребности. Само по себѣ, оно было не съ силахъ создать чтолибо самостоятельное и потому, рано или поздно, должно было примкнуть къ Православной Церкви. Но также несомнѣнно и то, что слѣпое озлобленіе пасторовъ ускорило это движеніе и втокнуло Гернгутеровъ въ единственныя отверзтыя передъ ними врата Церкви. Какъ это случилось, можно всего лучше видѣть по примѣру одного человѣка, того же Давида Балода, о которомъ я уже упоминалъ, этомъ бывшемъ крестьяннинѣ, потомъ проповѣдникѣ въ Гернгутерской общинѣ, наконецъ, Православномъ Священникѣ Лаудонской Юанно — Предтеченской Церкви.

Я разкажу нѣкоторыя черты изъ жизни этого замѣчательнаго человѣка, съ которымъ я много бесѣдовалъ въ то время когда я былъ молодъ, а онъ уже въ сѣдинахъ: его состязаніе съ пасторомъ, его дѣйствія въ должности волост-

наго, преслѣдованія имъ испытанныя и, наконецъ, его обращеніе. Пасторъ того прихода, въ которомъ проживалъ Баллодъ былъ человекъ вспыльчивый и ожесточенный врагъ Гернгутеровъ. Видя, что проповѣди его, произносимыя съ кафедры, не производятъ никакого дѣйствія, онъ разъ прибѣжалъ самъ въ молитвенный домъ, послѣ службы въ киркѣ, въ то время, когда уже началась бесѣда и сталъ горячиться. Его остановили, очень спокойно замѣтили ему, что тутъ не мѣсто спорить, потомучто много народу, и попросили его въ другую комнату. Едва только пасторъ перешагнулъ порогъ, какъ затопалъ ногами и закричалъ; но его опять попросили быть потише и прибавили: безъ шума, безъ гнѣва, вы можете говорить все; мы все слушаемъ и дадимъ отвѣтъ. Начался диспутъ.

Пасторъ: «какъ вы смѣете проповѣдывать? Кто вамъ далъ на то право?»

Баллодъ: «также, какъ и вы; тотъ же кто и вамъ. Покажите: гдѣ сказано, что вы имѣете право, а намъ запрещено — вотъ библія?»

П. «Кто васъ избралъ и поставилъ на эту должность?»

Б. «Тѣ же кто и васъ. Вы избраны и насъ они же избрали себѣ въ учителя, а вамъ въ помощники.»

П. «Не нужны мнѣ такіе помощники, не нужны; развѣ я самъ не проповѣдую?»

Б. «Если вы не нуждаетесь, то они нуждаются. Посмотрите сколько народу! Пока не было насъ, сколько разъ случалось, что кирка бывала пуста, а корчмы полны? — Посмотрите теперь: они насъ слушаютъ охотнѣе чѣмъ васъ. Вы звали въ кирку, кричали, кляли, а люди всё не шли; а теперь, и къ утрени сюда придуть, и въ киркѣ посидятъ, и къ вечеру придуть сюдаже. Значитъ: мы нужны, необходимы, если не для васъ, то для нихъ. Вы проповѣдуете, это правда, но очень рѣдко: хорошо — но чаще клянете: за что же?»

П. «Почему вы въ киркѣ не остаетесь? тамъ бы и проповѣдывали?»

Б. «Если вы насъ и отсюда гоните, то неужели потерпѣли бы насъ въ киркѣ?»

П. «Ваша собранія — собранія развратниковъ!»

Б. «Говорите, господицъ пасторъ, но говорите обдуманно! Давно мы слышимъ обвиненія въ развратѣ отъ людей въ развратѣ погрязшихъ и не требуемъ отъ нихъ доказательствъ — ихъ обличаютъ ихъ дѣла. Слышали мы тоже обвиненіе и отъ васъ, съ кафедры, и приписывали это тому, что вы были въ гнѣвѣ. Теперь, мы стоимъ лицомъ къ лицу, изъ устъ въ уста говоримъ; укажите виновныхъ. Назовите ихъ и предъявите доказательства. Скажите намъ: сколько довелось вамъ окрестить незаконнорожденныхъ дѣтей прижитыхъ нами и тѣми, которые посѣщаютъ наши собранія? Вы этого не скажете. Мы наполняемъ кирки пародомъ, а вы его гоните. У насъ научаются и взрослые и дѣти познавать Бога, читать и пѣть, а въ киркахъ забываетъ и тотъ кто знаетъ. Чьи дѣти лучше читаютъ: дѣти ли тѣхъ, которые насъ поносятъ, или тѣхъ, которые сюда ходятъ? А вы — мы знаемъ это: вооружаете противъ насъ, обязуете присягой не ходить сюда, возстаиваете противъ насъ молодыхъ людей на конфирмаціяхъ, въ томъ числѣ и нашихъ же дѣтей противъ насъ, ихъ родителей! Грѣхъ вамъ и грѣхъ тяжелый! Вы мертвите вѣру, и за то, что мы живимъ ее, вы насъ гоните какъ Савль.»

Долго еще длился споръ; наконецъ, пасторъ выбѣжалъ хлопнувъ дверью; но не могъ простить своего пораженія и бѣдный Баллодъ полагался дорого за свою побѣду.

Это случилось правда не сейчасъ. Долгое время доносы и жалобы пастора помѣщику той мызы оставались безъ всякаго дѣйствія. Помѣщикъ видѣлъ въ Баллодахъ трудолюбивыхъ, умныхъ и благочестивыхъ крестьянъ и потому не трогалъ ихъ.

Давида Баллода, несмотря на его молодость, избрали въ должность волостнаго старшины. Быть старшиною, въ Лифляндіи, значитъ: смотрѣть за общественнымъ сундукомъ съ деньгами, принимать, разбирать на мѣстѣ и улаживать жалобы и споры, а чего не удастся уладить, то передавать волостному суду, гдѣ старшина, по судебной части, не имѣетъ голоса. Главнаяже его обязанность состоитъ въ смотрѣніи за хлѣбнымъ магазиномъ, въ выдачѣ весною хлѣба и семянъ всякому хозяину, который въ томъ нуждается или проситъ, а осенью, въ истребованіи возврата и въ пріемѣ ссудъ.

Отецъ Баллодовъ обучилъ своихъ сыновей писать и отчасти ариметикѣ. Давидъ Баллодъ отказывался быть старшиной, ибо зналъ изъ опыта, что это должность опасная и сопряженная со многими неприятностями. Весною все просили, а осенью, никто не хотѣлъ возвращать, отговариваясь неимѣніемъ хлѣба и прося отсрочки.

Однако, Баллоду не удалось отвертѣться. Зная какіе подлоги и несправедливости позволяли себѣ его предшественники, онъ повелъ дѣло совершенно иначе чѣмъ они. Выдачи записывалъ волостной писарь, но, независимо отъ этого, самъ Баллодъ завелъ для себя карманную тетрадку и аккуратно отмѣчалъ въ ней: кто, когда, сколько и чего взялъ изъ общественнаго магазина, а осенью, опять отмѣчалъ: кто, когда, сколько и чего возвратилъ.

Въ этомъ отношеніи, ему помочь своими предостереженіями старшій его братъ Иванъ, который тоже былъ старшиною въ томъ же судѣ. Заведя строгій учетъ по пріему и отпуску хлѣба, Давидъ Баллодъ навѣрное зналъ, что неприятностей ему не мновать, но онъ былъ характера твердаго и правдиваго и, при этомъ, надѣялся, что въ случаѣ надобности, всегда будетъ въ состояніи доказать передъ какимъ угодно судомъ свою правоту.

Весною, волостные засѣдатели первые заявили, что имъ нужно то да то. Давидъ Баллодъ былъ вполне убѣжденъ.

что они вовсе не пужались ни въ чёмъ, но нечего было дѣлать, нельзя было отказать.

Наступила осень и Баллодь объявилъ всей волости, что пора возвратитъ въ магазинъ занятой хлѣбъ.

Многіе, со слезами, умоляли дать имъ отсрочку, увѣряя, что нечего внести; но Д. Баллодь крѣпко стоялъ на томъ, чтобъ отдали хоть что нибудь и чѣмъ нибудь, хоть карто-фелемъ или капустою, и наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, добился таки того, что всѣ внесли отпущенный имъ хлѣбъ, кромѣ однако волостныхъ засѣдателей.

Д. Баллодь потребовалъ и отъ нихъ. За такую неожиданную дерзость, они ему пригрозили и сказали: «мы тебя проучимъ!» — «Сдѣлайте милость, учите» отвѣчалъ Баллодь «вы старше меня; я всегда готовъ выслушать умный совѣтъ.»

Прошла недѣля, другая, а засѣдатели не везутъ хлѣба въ магазинъ. Тутъ уже Баллодь потребовалъ настоятельно и объявилъ, что если въ слѣдующую недѣлю хлѣбъ не будетъ внесенъ, то онъ огласитъ это по всей волости и будетъ жаловаться въ высшій судъ.

Тутъ Баллодь услышалъ отъ засѣдателей обѣщанное наставленіе: «зачѣмъ намъ возвращать взятый хлѣбъ? — Лучше и ты бери свою часть безъ возврата, мы ужъ знаемъ какъ это дѣло устроить. Не первый разъ!» Давидъ Баллодь, выслушавъ ихъ, отвѣчалъ: «такъ вотъ оно обѣщанное мнѣ наставленіе? И вы, не зная меня, такъ таки прямо и совѣтуете мнѣ примкнуть къ шайкѣ воровъ? Вы хотите, чтобъ и я обкрадывалъ своихъ бѣдныхъ братьевъ? По мнѣ, такіе воры опаснѣе почныхъ. Имъ даже не нужно прибѣгать къ взлому, потомучто имъ же вручены ключи, какъ отъ магазина, такъ и отъ сундука! Напрасно однако вы хлопочете; я не изъ тѣхъ волостныхъ и магазинщиковъ, о которыхъ давно уже ходитъ слишкомъ, къ несчастію, вѣрная поговорка. Если кто спроситъ у Латыша: «есть у васъ воры?» — то

онъ, не задумываясь, отвѣчаетъ: пѣтъ, у насъ всѣ воры размѣщены по должностямъ и выбраны въ засѣдатели или въ старшины. — Пора положить этому конецъ. И приказываю и требую въ послѣдній разъ, чтобы не далѣе какъ завтра, весь отпущенный вамъ хлѣбъ былъ ссыпанъ.»

Нечего было дѣлать — пришлось исполнить. Засѣдатели, на другой же день, привезли хлѣбъ, молча ссыпали и молча поглядывали какъ Баллодъ ровнялъ мѣру и записывалъ; онъ не простилъ имъ и процентовъ; отдали все, какъ слѣдовало, какъ и простые мужики. Они сгорали отъ стыда и досады; да и не они одни.

Такое неожиданное осрамленіе старыхъ, опытныхъ засѣдателей и внезапное искоренѣніе обычнаго злоупотребленія не пришлось по душѣ ни пастору, ни управляющему. По истеченіи трехлѣтняго срока службы, Баллода вновь выбрали и онъ выбылъ изъ должности; но его недоброжелатели этимъ не удовольствовались.

Пасторъ, давно на него злившійся, обрадовался случаю отомстить ему подъ предлогомъ заступничества за «толковыхъ и опытныхъ» засѣдателей. Gott sei Dank — подумалъ онъ: вотъ теперь то время благоприятно! Теперь я имѣю такое орудіе, которымъ могу навѣрное выжить Д. Баллода если не изъ своего прихода, то, по крайней мѣрѣ, изъ этой волости, и тѣмъ избавиться отъ близкаго соседства съ молитвеннымъ домомъ и хоть отъ одного самороднаго проповѣдника.

Пасторъ намекнулъ, что Д. Баллода мало наказали, лишивъ должности, и что нужно выгнать его изъ дома. Управляющему стоило для этого сказать одно всемогущее слово: «ты долженъ очислить усадьбу» — сказано и слѣдано. Къ несчастію, этотъ управляющій, человекъ безграмотный, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ помѣщика и что хотѣлъ то и дѣлалъ. Помѣщикъ этого мѣшья, хотя и былъ человекъ добрый, но пойти противъ желанія управля-

ющаго, который ради его пользы отказался отъ выгодной женитьбы, было для него невозможно.

Такимъ образомъ, по происканъ пастора, который научилъ управляющаго, Баллодь, безъ всякой вины, лишился своей усадьбы, служившей сборнымъ мѣстомъ для Герингутеровъ. Зная непримиримую злобу и мстительный характеръ пастора, Баллодь не могъ не ожидать новыхъ преслѣдованій и, хотя благодунный но слабый помѣщикъ жалѣлъ его, какъ трудолюбиваго хозяина и благочестиваго Христианина, рѣшился продать свое имущество и уйти совершенно, подальше отъ глазъ своего пастора.

Онъ взялъ паспортъ и переехалъ на жительство въ Ригу, а въ прежнемъ своемъ приходѣ оставилъ своего старшаго брата Ивана, трудиться на пользу своимъ братьямъ и бороться съ пасторомъ. Съ этимъ братомъ — Иваномъ Баллодомъ, пастору не легко было тягаться. Они жили въ самомъ близкомъ другъ отъ друга сосѣдствѣ, почти ежедневно встрѣчались и почти ежедневно спорили.

Иванъ Баллодь жилъ недалеко отъ кирки, въ корчмѣ, былъ кузнецъ и, въ то же время, обрабатывалъ землю придѣленную къ корчмѣ. Онъ былъ засѣдателемъ въ волостномъ судѣ, потомъ въ приходскомъ, и получилъ, какъ я читалъ въ Латышскихъ газетахъ, медаль за усердіе.»

Избралъ онъ себѣ для жительства корчму не ради прибыли, а единственно для усиленнаго вразумленія и исправленія своихъ братьевъ Латышей. Стариковъ онъ всѣхъ почти привлекъ на свою сторону, но съ молодежью ничего не могъ подѣлать. Какъ только она побываетъ на конференціи, въ рукахъ пастора, наслушается у него всякихъ клеветъ на Герингутеровъ, присягнуть не имѣтъ съ ними общенія, такъ послѣ этого и бросалась въ распутство и безвѣріе. Ив. Баллодь все это видѣлъ и зналъ, но не падалъ духомъ. Пасторъ не разъ уже запечатывалъ молитвенный домъ; онъ даже упросилъ того же управляющаго и того хозяина, на

чьей землѣ былъ выстроены этотъ молитвенный домъ, опаять его кругомъ, до самыхъ стѣнъ и дверей, такъ, чтобы къ нему не оставалось и прохода. Словомъ, пасторъ работалъ безъ устали до тѣхъ поръ, пока не раздавилъ Геригутеровъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не уничтожилъ въ своемъ приходѣ всякую вѣру вообще, оставивъ свою паству при одномъ названіи Лютеранъ, а на самомъ дѣлѣ, при полнѣйшемъ безбожій. Я уже сказалъ выше, что въ корчмы ходили ночевать молодые конфирмаціанты. Около самой кирки и пастората, корчемъ было довольно, никакъ три или четыре.

Въ одной изъ нихъ, жилъ Ив. Баллодъ. Послѣ долгихъ трудовъ и многихъ неприятностей, ему удалось таки наконецъ добиться, чтобы всѣ дѣвушки, одиѣ дѣвушки, ходили объѣдать и ночевать особнякомъ отъ мушницъ и только въ его корчму. Цѣль его была, насколько онъ могъ, избавить ихъ отъ соблазна и разврата. Хотя и здѣсь пасторъ всѣчески ему дѣлалъ, но это однако удалось Ив. Баллоду, такъ какъ онъ былъ силенъ и словомъ и дѣломъ, имѣлъ вѣсъ по занимаемой имъ должности, и главное — былъ любимъ и уважаемъ всѣмъ приходомъ. Онъ взялся за искреннѣе сквернаго обычая горячо и круто. Во время конфирмацій, по ночамъ, вставалъ самъ, обходилъ спящихъ и частѣеонько находилъ царней въ дѣвичьей. Для нихъ у него нарочно была припасена нагайка и многіе на себѣ испытали дѣйствительность этого орудія. Иногда и дѣвки пропадали по ночамъ, ускользя отъ его надзора; сперва, онъ ихъ усовѣщивалъ, а попадавшихся по нѣскольку разъ, тоже наказывалъ, заставляя ихъ стоять на колѣняхъ, на щепѣ. Молодежь зароптала на строгаго наставника, а пасторъ этимъ воспользовался и раздулъ псевдовольствіе. Это было очень не трудно; стоило только разными намѣками пасулить всякихъ поблажекъ разгоряченнымъ страстямъ.

Наконецъ, черезъ того же управляющаго, пастору удалось и Ивана Баллода выжить изъ корчмы. Предлогомъ по-

служилъ какой то овинъ выстроенный имъ на слишкомъ близкомъ разстояніи отъ молитвеннаго дома и въ ненастную погоду служившій приютомъ для приходившихъ на молитву рано утромъ, когда еще домъ не былъ отпертъ.

Между тѣмъ, другой Баллодъ, Давидъ, перебравшійся въ Ригу, нашелъ тамъ ту же духовную жажду въ пасомыхъ, тоже нерадѣніе въ пастыряхъ, ту же съ ихъ стороны ненависть къ Латышамъ.

Городскіе Латыши обрадовались прибытію своего знаменитаго проповѣдника. По неотступной ихъ просьбѣ, онъ долженъ былъ, во чтобы ни стало, открыть Герингутерскій молитвенный домъ не въ далекомъ отъ Православной Покровской Церкви, на Петербургскомъ «орштатѣ».

Собрали деньги, наняли домъ, устроили всё какъ слѣдуетъ, и Д. Баллодъ открылъ свою Герингутерскую кафедру. Много и долго боролся онъ съ городскими пасторами; но главнымъ, заклятымъ врагомъ его былъ пасторъ кирки Св. Яна, Трей — редакторъ и издатель известной газеты: «Другъ Латышей» тотъ самый, который за поношеніе Православной Церкви словесно и печатно, былъ осужденъ, по дописанію Д. Баллода Преосвященному Филарету. *)

Послѣ нѣсколькихъ, для него очень неудачныхъ состязаній съ Герингутерами, пасторъ Трей бросилъ всякую надежду побѣдить ихъ словомъ и обратился къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ средству, т. е. къ доносу. Онъ представилъ полиціи, что собранія Герингутеровъ побуждаютъ Латышей къ бунту и уговорилъ ее занециать ихъ недавно устроенный въ Ригѣ молитвенный домъ. Полиція конечно знала, что это была клевета, но всётаки не отказалась послужить орудіемъ ненависти пастора.

*) Отдѣльная брошюра и статьи Латышской газеты, въ которыхъ пасторъ Трей поносилъ Православіе стали выходить еще до Беверсгофскаго бунта, когда движеніе Латышей въ Православіе только что готовилось. (Пр. автора.)

Баллодь и его послѣдователи, когда узнали объ этомъ, собрались на совѣщаніе, поговорили, обсудили свое положеніе и порѣшили на томъ, что больше ничего не остается, какъ всемъ перейти въ Русскую вѣру. Баллодь захотѣлъ однако еще разъ поговорить съ своимъ гонителемъ; онъ взялъ подъ мышку Библію и отправился къ п. Трею узнать причину: почему именно онъ запечаталъ молитвенный домъ?

Состязаніе между ними продолжалось долго. Давидъ Баллодь пересчиталъ по пальцамъ все обвинительные пункты противъ Лютеранскаго духовенства: онъ указалъ на безвѣріе, нерадѣніе, лѣность, вымогательства, надменность и недоступность какъ самаго Трея, такъ и другихъ пасторовъ; потомъ открылъ Библію, прочиталъ ему 34 гл. изъ книги Прор. Іезекііля, закрылъ книгу и сказалъ: небо и земля прейдутъ, но не пройдетъ ни одно слово, ни одна іота изъ этой книги. Вы не вѣрите, что прочтенный мною приговоръ написанъ для васъ? Невидимый перстъ Божій уже начертываетъ роковыя слова: «исчислено, избѣрено, взвѣшено!» а вы еще смѣетесь! Я не въ силахъ вразумить васъ, но скоро дѣло докажетъ, относятся ли къ вамъ слова пророка о нерадивыхъ пастыряхъ, пасущихъ не овецъ имъ вѣренныхъ, а самихъ себя.» Понятно, что послѣ такого объясненія, не могло быть мѣста для мира.

Изъ покоевъ Трея, Давидъ Баллодь отправился прямо къ Преосвященному Рижскому Епископу Филарету, рассказалъ ему, хотя и ломаннымъ Русскимъ діалектомъ все, какъ свое личное, такъ и общее дѣло, и выразилъ отъ себя и за своихъ братьевъ твердое желаніе присоединиться къ Православію, на что, разулѣтся, получилъ благословеніе незабвеннаго нашего Архипастыря. Такимъ образомъ, Давидъ Баллодь присоединился къ Православной Церкви. Присоединился! Давидъ Баллодь присоединился!

Вѣсть объ этомъ разнеслась по Лифляндіи и Эстляндіи съ быстротою молніи. Она проникла въ трущобы, въ лѣса

и болота, повидимому совершенно разобщенныя съ міромъ, и заглянула въ такія жилища, куда не проникалъ никогда и солнечный свѣтъ.

Дѣйствіе ея было потрясающее. Всѣ остальные заботы на время притихли и никакихъ другихъ толковъ въ народѣ не было, какъ о присоединеніи или, какъ говорили Латыши, о перекрещеніи Давида Баллода. При этомъ замѣчательно, что никому, ни на минуту, не пришло въ голову взглянуть на это происшествіе какъ на явленіе случайное и единичное, то есть, какъ на дѣло лично относящееся до одного Баллода; но всѣ, не стовариваясь, почували въ немъ разомъ начало общаго движенія и какъ бы переломъ въ ихъ собственной судьбѣ.

Дѣло въ томъ, что Латыши давно уже чувствовали, что они непремѣнно присоединятся, во чтобы ни стало; но никакъ не ожидали, чтобъ это могло совершиться именно въ этотъ моментъ, такъ скоро и — это главное — такъ безпрепятственно. Беверсгофское побоище было еще у всѣхъ свѣже въ памяти. И въ послѣдствіи: присоединялись, а все какъ будто не довѣряли самимъ себѣ, дѣйствительноли присоединились, не во снѣли это? Очнулись лишь тогда, когда начали сажать въ тюрьмы и пороть вездѣ, въ городахъ и на мызахъ. Кто хоть разъ былъ наказанъ, тотъ уже дѣлался въ собственныхъ своихъ глазахъ рѣшительно Православнымъ.

Удивительное было настроеніе массы! Ее несколько не удивляли, даже не раздражали эти наказанія, преслѣдованія и гоненія. Все это казалось необходимымъ. Наказанные крѣпли въ Православіи, а Лютеране, смотря на это, какоюто невидимою силою побуждались присоединяться. Наказаній не гнушались, а напротивъ ими гордились, не только сами наказанные, но и семейства ихъ. Этого состоянія духа я не умѣю описать, но приведу въ примѣръ одинъ случай изъ многихъ. Вытребовали на мызу 20 человекъ присоединившихся. Управляющій спрашиваетъ: «что для

вась лучше: здѣсь ли получить 40 палокъ, или въ Приходскомъ судѣ 60?» Спросили: «да въ чемъ же наша вина? Что мы сдѣлали?» Отвѣтъ: «я не знаю, но если вы не примете здѣсь 40 или въ Приходскомъ судѣ 60 палокъ, то я не могу оставаться на мѣстѣ: вѣдь вы перекрестились? — «Да» — «Ну такъ какъ же?» — Гмъ! . . . Поразсудили и порѣшили на томъ, что лучше получить 40 палокъ на мѣстѣ, чѣмъ шляться, а то пожалуй тамъ совершенно изувѣчатъ; однако спросили еще: «тутъли конецъ наказанію, или будетъ продолженіе?» — Отвѣтъ: «тутъ и конецъ.» — «Ладно!» — Одинъ говорить: «съ когоже начать? Пожалуй хоть съ меня.» — Скидываетъ свои доспѣхи и становится, отогнавъ отъ себя тѣхъ, которые хотѣли поддержать его — «Неужто сорока ударовъ не вытерплю?» — Ему отсчитываютъ сорокъ ударовъ. Онъ крестится, одѣвается и говоритъ прочимъ: «ну, теперь, становитесь и вы: а я пойду тѣмъ временемъ покурю» — Это фактъ, фактъ.*) Всѣмъ исполосовали спины и всѣ, съ радостью, пошли домой: Эти повѣрили что они Православные, а другіе недоумѣвали.

На дорогахъ, въ корчмахъ, слышали отъ всѣхъ одно и тоже, отъ корчмарей, отъ проезжающихъ, отъ своихъ и чужихъ, что дѣйствительно присоединился Баллодъ, что и всѣмъ теперь можно, и всѣтаки нарочно сами ѣздили въ Ригу узнать отъ самаго Д. Баллода.

Да! дѣйствительно присоединился, и крестъ на груди носить, и крестное знаменіе творить не такъ какъ мы, всею рукою, а тремя перстами, и не по нашему, а прежде класть на правое плечо, потомъ на лѣвое, и икона въ ком-

*) Тѣхъ изъ читателей, которые подумаютъ, что это клевета, я попрошу отсрочить свой приговоръ до тѣхъ поръ, пока они прочтутъ въ 3мъ или 4мъ выпускѣ подлинное свидѣтельство Лютеранскаго пастора о такихъ же истязаніяхъ за обнаруженіе намѣренія перейти въ Правословіе, свидѣтельство съ одобреніемъ этого рода мѣръ. (Пр. издат.)

натъ, и лампадка горить. Многіе ходили съ Давидомъ Баллодомъ въ Алексѣевскую Церковь и, по возвращеніи оттуда, присоединялись.

Къ числу недобърявшихъ слуху о Баллодѣ принадлежалъ и гонитель его, бывшій его пасторъ. Онъ встрѣтилъ около кирки фхавшаго въ Ригу своего прихожанина, родственника Д. Баллода — Мартина Зелтыня и строго наказалъ спросить самаго Д. Баллода: «дѣйствительно ли онъ присоединился, и что побудило его? Мартинъ Зелтынь исполнилъ порученіе и получилъ отъ Д. Баллода слѣдующій короткій отвѣтъ для передачи пастору: «скажи Магдалинскому пастору такъ: Магдалинскій пасторъ N. началъ меня гнать (въ Православіе), а пасторъ Трей окончилъ.» — Это собственныя слова Д. Баллода. М. Зелтынь передалъ ихъ пастору, который, выслушавъ ихъ молча, повернулся медленными шагами, пошелъ въ свой кабинетъ и легъ на диванъ. Легъ и началъ новое гоненіе уже не на Герингутеровъ, а на Православныхъ.

Таково было начало втораго кризиса, въ которомъ главными дѣателями были Давидъ Баллодъ а пасторъ Трей. Повтореніе одного и тогоже явленія послѣ четырехлѣтняго промежутка, послѣ Беверсгофской экзекуціи, не доказывастъли само по себѣ, что и первый кризисъ былъ не бунтъ, по крайней мѣрѣ — не простой бунтъ, и что къ нему отнеслись какъ къ бунту потому что не разобрали дѣла? Нелучше ли было сказать тогдаже: «пусть присоединяются» — чѣмъ карать и проливать кровь?

Впрочемъ, пути Промысла неисповѣдимы!

Второй кризисъ Господь устроилъ такъ, что и фарисеи не могли предупредить его. Они сами, своими руками, разобрали крышу дома, который принадлежалъ не имъ, а Самому Спасителю, и опустился къ ногамъ Его разслабленный Латышъ, еще не умѣвшій исповѣдать своей вѣры въ своего исцѣлителя

Самъ Богъ, также, устроилъ и время года и опредѣлилъ настать этому кризису тогда, когда всѣ полевья работы на мызахъ были окончены или кончались. Только и оставалось, что лёвъ мять и чистить, да молотить. Но молотьба, мѣстами, не имѣла ни пачала, ни конца, даже въ эти голодные года, поэтому, тутъ и самъ Богъ не могъ ничего сдѣлать, не могъ улучшить минуты.

Мирно, тихо, спокойно, безъ шума, съ величайшимъ благоговѣшемъ, никого не трогая, ни дома ни по дорогѣ, никого не задвѣвая ни словомъ, ни дѣломъ, ни помѣщиковъ, ни пасторовъ, потекли Латыши и Эсты густыми толпами, со всѣхъ концовъ, въ городъ Ригу, принимать новую вѣру, вѣру Православную.

Присоединеніе совершалось подъ рукою представителя Православія, Епископа Филарета, въ Церкви Св. Алексія, человека Божія. Она стояла подлѣ самаго Архіерейскаго дома, а теперь соединена съ нимъ совершенно.

Здѣсь приняли Православіе тысячи Латышей и Эстовъ, въ этой усыпальницѣ Русскихъ вельможъ, надъ прахомъ ратниковъ земли Русской: Князя Никиты Васильевича Репнина, Князя Василія Репнина, Василія Абрамовича Лопухина, Зыбина, Князя Владиміра Долгорукаго. Дорогія воспоминанія связаны съ этою Церковью для меня и для моихъ братьевъ! Человеку Божію Алексію! Ты много видѣлъ слезъ, много и моихъ. Тамъ, въ этомъ храмѣ, намъ, дѣтямъ присоединенныхъ, былъ произведенъ публичный экзамень, въ первый и въ послѣдній разъ, въ 1854. году 15 Юля. Тамъ, мы, въ послѣдній разъ, по окончаніи экзамена, слушала рѣчь знаменательную нашего Архiepастыря Платона.

Тамъже и въ тотъже день, мы обѣивались между собою напутственными рѣчами, прощаясь съ товарищами.

Въ томъже храмѣ, совершилось на мнѣ второе великое таинство Св. Пр. Церкви: я услышалъ, что я одинъ

изъ своихъ единоименниковъ поступаю на служеніе своимъ братьямъ, одинъ, одинокій и съ скуднымъ запасомъ познаній.

Первый выступилъ тогда, первый выступаю и теперь и не останюся до конца, договорю все. Хочу, наконецъ, подняться съ другими тяжелою ношею личныхъ моихъ воспоминаній.

Едвали нужно изображать досаду, негодованіе и ярость пасторовъ при видѣ движенія народа. По всему, что было рассказано прежде, можно представить себѣ, что они чувствовали и говорили. Какъ ни противно имъ было Геригутерство, но всѣтаки они видѣли въ немъ не болѣе какъ безсильный протестъ и несостоятельную попытку создать новую вѣру. Теперь же, напротивъ, ихъ паства убѣгала отъ нихъ въ отверзтыя врата Церкви, притомъ Церкви господствующей, слѣдовательно: уходила отъ нихъ навсегда. Они умоляли, угрожали, проклинали, клеветали и лгали на Православіе и этимъ еще болѣе поощряли крестьянъ къ переходу. Латыши перестали даже съ ними спорить, а выслушавъ спокойно, отвѣчали только: а мы всѣтаки примемъ Православіе.

Дворянство, по причинамъ одинаково понятнымъ, также смотрѣло на переходы въ Православіе иными глазами чѣмъ на развитіе Геригутерства; поэтому, оба первенствующія въ краѣ сословія очень скоро стаялись. Такъ какъ убѣжденія не помогали, то нужно было силою остановить движеніе. Сила была въ рукахъ Правительства; слѣдовательно, нужно было его увѣрить, что переходъ въ Православіе есть бунтъ, или слѣдствіе обмащивыхъ обѣщаній и подговоровъ. Начали сперва раздражать крестьянъ, чтобъ вызвать шумъ, непокорство и подобіе бунта; но, при всей своей простотѣ, Латыши высмотрѣли ловушку. Они говорили: если мы теперь не устоимъ, то наше святое дѣло опять кончится тѣмъ же, чѣмъ кончилось въ 1841 году, въ Беверсгофѣ и въ другихъ мѣстахъ Эстляндіи.

За отсутствіемъ зазорныхъ дѣлъ, стали придираться къ словамъ, чтобъ основать на нихъ обвиненіе въ подговорахъ. Шпіоны наплодилась по всей Лифляндіи; въ корчахъ, на поляхъ, по дорогамъ, въ дѣсахъ, подъ окнами хатъ, въ сумеркахъ, управляющіе, мызные старосты, формидеры, подслушивали что говорили мужики между собою; этою арміею шпіоновъ руководили главѣшніе образцы пасторы. Шпіоновъ посылали и въ Ригу — присутствовать при присоединеніи. — И вотъ какимъ образомъ удалось наконецъ создать и пустить въ ходъ извѣстную фнкцію объ эмиссарахъ Православія, то есть о Священникахъ, будтобы злонамѣренно мутившихъ воображеніе крестьянъ, суля имъ помѣщичью землю.

Правда, мужики между собою поговаривали и про землю, но не про Остзейскую, не про свою родину, а про землю Ейской губерніи, про теплую землю, а не про свою холодную. Они знали и знаютъ твердо, что въ Остзейскомъ краѣ господамъ принадлежать: земля, лѣса, деревни, звѣри, птицы, рыбы, время, погода, и самъ крестьянинъ, весь, всѣмъ существомъ своимъ. Говорили и о выгодахъ, о тѣхъ, о которыхъ, я думаю, позволительно мечтать и скотинѣ — если она мечтасть, то есть о томъ, что можетъ быть наступитъ такое время, когда можно будетъ жить — не болѣе. А образованные люди отнесли мечты о даровомъ надѣлѣ къ своей землѣ, и подняли тревогу въ защиту своей собственности.

Да даже и пшиче, мужикъ купившій усадьбу не вѣрять, чтобъ она могла принадлежать ему и его роду навсегда; онъ прямо говоритъ, что можетъ быть, черезъ нѣсколько времени, ее отнимутъ господа.

Въ сущности, пасторы и помѣщички дѣйствительно боялись, но только не тѣхъ пугалъ, которыми они страшали правительство, а совершенно инаго. Они чувствовали, что тщательно скрываемаая правда о крестьянскомъ быту, разными путями, начинала доходить до правительства, что по-

жалуй скоро наступит время когда придется дать мужику на самоѣ дѣлѣ то, что давно было дано на бумагахъ, только на бумагахъ, и что пожалуй захотятъ слить въ одну линію двѣ параллельныя, никогда въ Лифляндіи не сливавшіяся: теорію и практику.

Опасеніе понятное, даже извинительное; я и не виню никого, но я защищаю свою совѣсть и совѣсть моихъ братьевъ. Нѣтъ, не оттого мы приняли Православную вѣру, что будтобы въ то время намъ обѣщали то, чему мы и теперь не можемъ повѣрить и чего даже теперь не можемъ себѣ представить, не только на яву, но и во снѣ.

Никто не обѣщаль намъ даровыхъ надѣловъ въ отплату за отступничество (какъ говорятъ Нѣмцы) и еслибы Православные священники, сами не имѣющіе горсти собственной земли, вздумали прельщать насъ такого рода посулами, то мы бы имъ не повѣрили. Дѣйствительно, измученные и обремененные повинностями, мы ожидали также облегченій и улучшеній; но ожидали какъ исполненія давно намъ обѣщаннаго, ожидали и просили только, чтобы все ва ми же, помѣщиками, начертанное въ законѣ перешло наконецъ изъ области фикцій въ жизнь. Отчасти, такъ и случилось.

Быть крестьянъ нѣсколько улучшился самъ собою, потому что не могъ не улучшиться; я разумѣю быть Лютеранъ, ибо на насъ, Православныхъ, обрушились всею своею тяжестью всѣ права, всѣ преимущества, вся принудительная сила, по закону, оставленная помѣщикамъ. Мы неплатились за всѣхъ; съ насъ стали безпощадно взыскивать недоимки, насъ стали сгонять съ усадебъ. Отецъ и мать лишены послѣдняго рублища, съ малютками дѣтьми, сидѣли въ лѣсу, подъ елкой, цѣлое лѣто — это фактъ и много было подобныхъ; вся Лифляндія это знаетъ. *)

*) О томъ, что помѣщики дѣйствительно выживали Православныхъ крестьянъ изъ своихъ имѣній, отбирая у нихъ усадебъ, въ

Говорили также, говорят и теперь, что насъ соблазнили въ Православіе даровою раздачею хлѣба; но и это Нѣмецкое объясненіе также несостоятельно какъ и первое. Хлѣба мы точно просили и ждали съ нетерпѣніемъ (годъ, какъ извѣстно, были голодные, особенно 1845); но о даровомъ хлѣбѣ мы не дерзали и мечтать и не эта надежда влекла насъ къ Православію. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить обстоятельства того времени. Узнавъ наконецъ о бѣдственномъ положеніи Ливляндіи, правительство приняло противъ голода чрезвычайныя мѣры и разрѣшило выдачу хлѣба всѣмъ нуждающимся, разумѣется — безъ различія вѣроисповѣданія; а на дѣлѣ, воспользовались имъ преимущественно Лютеране и, въ несравненно меньшей степени, Православные. Отчего это произошло — извѣстно всѣмъ. Хлѣбъ раздавался крестьянамъ хозяевамъ, т. е. владѣльцамъ усадьбъ, а большинство крестьянъ перешедшихъ въ Православіе принадлежало къ разряду работниковъ и бобылей. Далѣе, раздача производилась только въ 1845 и 1846 годахъ, а присоединенія продолжались и въ послѣдующихъ годахъ, когда начали уже взыскивать розданный хлѣбъ: съ Лютеранъ снисходительно, а съ Православныхъ съ беспощадною строгостью. Тутъ не помогали ни просьбы, ни слёзы, ни обѣщанія; послѣдняя корова или коза продавалась съ аукціона. Почему сказать: хороша приманка къ переходу въ Православіе!*)

третьемъ выпускѣ приведено будетъ свидѣтельство, если не Нѣмецкое, то равносильное Нѣмецкому — свидѣтельство князя Суворова. (Пр. издат.)

*) Старая басня Нѣмецкаго изобрѣтенія о мнимомъ подкупѣ Латышей раздачею хлѣба повторена въ безымянной брошюрѣ вышедшей въ нынѣшнемъ году въ Берлинѣ (Livländische Beiträge zur Verbreitung gründlicher Kunde etc. etc.) Въ доказательство приводится, что Эсты, въ окрестностяхъ Пернавы, донинѣ называютъ розданный въ 1846 году хлѣбъ: „ussuleib“ по Нѣ-

Кстати объ этомъ хлѣбѣ — порабы привести въ ясность обстоятельства сопровождавшія выдачу и возвратъ ссудъ и разрѣшить наконецъ: въ какой мѣрѣ основателенъ всеобщій, распространенный въ народѣ слухъ о разныхъ бывшихъ при этомъ злоупотребленіяхъ. Предупреждаю впрочемъ, что раскрыть это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ будетъ очень не легко; оно запутано нарочно, лицами орудовавшими имъ и потому запросы къ мѣстнымъ властямъ и ревизіи производимыя мѣстными чиновниками никогда не наведутъ на правду, а напротивъ затрутъ всякій къ ней слѣдъ. Я расскажу только, что мнѣ лично извѣстно и что происходило въ той мѣстности, гдѣ я жилъ, нисколько не обобщая моихъ наблюдений. Хлѣбъ отпущенный правительствомъ въ голодные года раздавался въ волостяхъ не по душамъ, и не по дворамъ, и не всѣмъ членамъ общества, а только нуждавшимся въ пособіи, и изъ числа нуждавшихся, опять таки не всѣмъ, а только и исключительно тѣмъ хозяевамъ, которые, своимъ личнымъ движимымъ имуществомъ, могли обеспечить возвратъ, какъ капитальнаго долга, такъ и процентовъ. Слѣдовательно, это былъ долгъ не общественный, а частный, долгъ каждаго домохозяина порознь, а не цѣлой волости, притомъ: долгъ лежавшій не на землѣ, а обеспеченный движимостью. Такъ по крайней мѣрѣ было у насъ и, сколько мнѣ извѣстно, въ бѣльшей части имѣній. Мало того, я знаю положительно, что въ нѣкоторыхъ вотчинахъ, мука отпу-

мецкому переводу „Glaubensbrod“ — хлѣбомъ вѣроисповѣданія (стр. 85 прилож.). Авторъ видитъ въ этомъ намѣкъ на посулы, которыми будобы сопровождались подговоры къ переходу въ Православіе. Нужно ли доказывать натянутость этого толкованія и не очевидно ли для всякаго, что для отличія хлѣбнаго долга 1846 года отъ множества другихъ насчитываемыхъ на нихъ долговъ, крестьяне просто приурочили этотъ долгъ къ одно-временному событію всѣмъ имъ памятнаму? Иными словами: usuleib — хлѣбъ розданный въ то время когда стали переселѣнныя вѣру. (Пр. издат.)

щенная на волесть даже и не сдавалась въ общественный магазинъ, а поступала прямо въ господскій амбаръ, оттуда на господскій винокуренный заводъ; тамъ изъ нея гнали водку, а помѣщикъ отъ себя раздавалъ хозяевамъ рожь зерпомъ. Дѣло это, какъ и всѣ дѣла такъ называемыя общественныя, было въ рукахъ помѣщиковъ, ихъ официалистовъ и арендаторовъ, а выборные отъ крестьянъ, призывавшіеся къ участию только для формы, не знали и не понимали, что творилось отъ ихъ имени, для нихъ и черезъ нихъ. Въ волости N. былъ такой случай, рассказанный мнѣ самими волостнымъ писаремъ и засѣдателями. Въ 1858 г., откуда-то пришло отношеніе съ грознымъ запросомъ: отчего де волость такаято, которой въ голодный годъ выдано въ ссуду деньгами 1000 р. сер. не уплачиваетъ не только капитала, но и процентовъ на эту ссуду? Стали рыться въ книгахъ — не оказалось никакихъ слѣдовъ займообразной ссуды. Пришелъ помѣщикъ, разыскивалъ и онъ въ своей конторѣ и также ничего не нашелъ. Тогда, волостной судъ отвѣтилъ коротко и ясно, что де волость такаято никогда тысячи рублей въ ссуду не получала. Но сверху прислали улику: четко написанную росписку въ полученіи, скрѣпленную крестиками толковыхъ и разумныхъ засѣдателей. Потянули къ отвѣту засѣдателей: они ли ѣздили отъ волости, они ли подтянули кресты, они ли получили деньги? И опознали засѣдатели свои кресты; точно, они ѣздили по приказу арендатора; опіже деньги получили, выдали квитанцію, привезли деньги и отдали тому же арендатору, по его же приказу; вотъ и всё, а что было дальше, того они не вѣдаютъ и то не ихъ дѣло. Это одинъ изъ очень многихъ образчиковъ, по которымъ можно судить о томъ, что называется въ Лифляндіи общественнымъ (волостнымъ) управленіемъ свободнаго сословія сельскихъ обывателей. Взысканіе розданнаго въ голодные года хлѣба и процентовъ по этой ссудѣ производилось въ точности сообразно изложенному выше

способу раздачи, а именно: порознь съ každого хозяина получившаго ссуду, безъ привлеченія къ участию общества, притомъ съ безошадною строгостью (особенно съ Православныхъ крестьянъ). Снисхожденія не оказывалось, и, въ случаѣ несостоятельности крестьянина, у него отбирались и продавались съ аукціона послѣдняя корова, послѣдняя коза, дѣти его отдавались въ заработки и т. д. Многие были разорены въ конецъ, но долгъ съ процентами взысканъ если не со всѣхъ, то съ многихъ. Такъ шло дѣло до конца прошлаго царствованія. При восшествіи на престолъ Императора Александра II, въ народѣ распространилась вѣсть, что всемилостивѣйшимъ манифестомъ прощены проценты по хлѣбной ссудѣ голоднаго года. Нѣкоторые говорили, что сложены всѣ проценты сполна, другіе говорили, что только часть процентовъ, но ничего достовѣрнаго объ этомъ крестьяне не узнали до сихъ поръ.

На распросы ихъ, мызныя управленія отвѣчали иногда, что слухъ этотъ не имѣеть никакого основанія, а иногда, по секрету, что дѣйствительно послѣдовала Высочайшая милость, но что признано цѣлесообразнымъ приберечь ее до поры до времени, на какойто будущій голодный годъ. Какъбы то ни было, со дня обнародованія манифеста, свойство хлѣбнаго долга какъ будто измѣнилось. Онъ теперь признанъ долгомъ общественнымъ и поземельнымъ и, вслѣдствіе этого, вся та сумма, отъ которой правительство отказалось, зачисляется общественнымъ капиталомъ и употребляется на построеніе Лютерацкихъ школъ, помѣщеній для волостныхъ судовъ и т. п. или поступаетъ въ раздѣлъ между всѣми домохозяевами. Пока дѣло шло объ отвѣтственности и взысканіяхъ, общество оставалось въ сторонѣ, и хозяева не занимающіе хлѣба на свое имя тщательно уклонялись отъ всякаго участія въ тягостяхъ падавшихъ исключительно на должниковъ; а когда дѣло дошло до льготъ и милостей, къ дѣлежу сбѣжались всѣ, разумѣется

всѣтаки кромѣ бобылей и работниковъ. Повторяю опять: не знаю вездѣ ли такъ было, но во многихъ мѣстахъ крестьяне положительно заявляютъ, что Высочайшая воля отъ нихъ скрыта, и что милость оказанная Государемъ досталась не тѣмъ, въ чью пользу она предназначалась.

Занедозривая побужденія массъ, Нѣмцы, разулѣтятся, не упускали и случая чернить въ глазахъ народа людей, которымъ онъ вѣрилъ. Давидъ Баллодъ, въ этомъ отношеніи, стоялъ на виду и потому не могъ избѣгнуть клеветы. Стали распускать про него всякаго рода небылицы, между прочимъ, будтобы онъ разбойничалъ, по вечерамъ выходилъ на дороги грабить Латышей, будтобы онъ обобралъ своего брата Ивана, будтобы его давно слѣдовало сослать въ рудники и сослалибы непременно, еслибы Русскіе не поставили его священникомъ.*) Все это я слышалъ своими ушами.

*) Въ дополненіе къ этому, я могу прибавить, что въ 1847—1848 годахъ, по доносу Лютеранской консисторіи, въ Рижской полиціи производилось слѣдствіе по обвиненію Баллода въ заговорѣ Латышей къ переходу въ Православіе и въ составленіи подложной довѣренности отъ ихъ имени. На другаго Православнаго священника, также родомъ Латыша и также имѣвшаго сильное вліяніе на своихъ земляковъ, на отца Михайлова, введено было обвиненіе въ растрату какихъ то суммъ, въ то время когда онъ, до поставленія его, занималъ должность въ иаѣнн Гр. Шереметева. Слѣдствія о Баллодѣ я не читалъ и не имѣлъ случая дознать на чемъ основано обвиненіе отца Михайлова, такъ что, по этимъ двумъ дѣламъ, я не могъ составить себѣ положительнаго убѣжденія. Но я считаю себя въ правѣ, въ этомъ случаѣ, не вѣрить на слово, ибо знаю, что всѣ этого рода обвиненія распространялись тоюже партією, которая когдадо доказывала, что Ломоносовъ былъ не болѣе какъ пьяница мѣшавшій успѣхамъ нашей Академіи; той партіи, которая теперь возводитъ Бирона на степень непризнаннаго просвѣтителя и благодѣтеля Россіи; той партіи, которая, въ нынѣшнемъ году печатно заявила, что объѣздъ Лифляндіи Преосвященнымъ Платономъ сопровождался революціоннымъ подстрѣкатель-

На такія рѣчи Латыши отвѣчали смѣхомъ: «не проведете! Мы знаемъ Баллода не со вчерашняго дня! вѣдь онъ прежде не вороваль; мы бывали у него не разъ, когда онъ содержалъ постоянный дворъ, останавливались у него съ товаромъ,

стволь поселятъ (revolutionäre Aufstachelung des Landvolks) и служилъ сигналомъ къ систематическому возбужденію ихъ противъ Нѣмецкой полиціи и Нѣмецкихъ судовъ (zu einer systematischen revolutionirung des Landvolkes gegen die deutsche Landespolizei und Landesjustiz); что управленіе казенными имѣніями въ Лифляндіи направлено къ высказанной цѣли (ausgesprochene Absicht) поддерживать крестьянъ, въ частныхъ имѣніяхъ, въ возбужденномъ настроеніи противъ помѣщиковъ; что Министръ Государ. Имуществъ Ген. Ад. Зеленый пытался лишить частныхъ владѣльцевъ Балтійскихъ губерній послѣдняго остатка ихъ свободной недвижимой собственности (um den letzten Rest ihres freien Grundvermögens zu bringen); что и Графъ Шуваловъ, сбросивъ наконецъ тѣ личины, которыя онъ иногда охотно надѣвалъ на себя въ Ригѣ (die Masken, die er von Zeit zu Zeit in Riga zu tragen liebte), усвоилъ себѣ коммунистическую теорію своего товарища; что вожаки антинѣмецкой партіи, которыхъ должно искать въ средѣ Православнаго духовенства и вѣдомства Государственныхъ имуществъ (Арх. Платонъ и бывший управл. Лвл. Палат. Гос. Им. Шафрановъ) въ самое послѣднее время, пытались, въ окрестностяхъ Феллина, терроризировать Нѣмецкихъ помѣщиковъ посредствомъ краснаго пѣтуха (eine Terrorisirung der deutschen Gutbesitzer durch den „rothen Hahn“) и произвели рядъ тенденціозныхъ, церковно-политическихъ поджоговъ (eine Reihe kirchlich-politischer Tendenzbrände). Все это, и многое другое, однаково правдоподобное, всякій можетъ прочесть въ брошюрѣ не разъ уже мною цитованной (Livländische Beiträge zur Verbreitung etc. etc. стр. 17, 18, 19, 21, 22, 24) правда запрещенной у насъ, но свободно расходившейся въ Ригѣ, и теперь выставленной во всѣхъ книжныхъ лавкахъ Германіи. Нужно ли прибавлять, что тутъ же помѣнно названы тайные подготовители и вожаки Русской революціи (die geheimen Vorbereiter und Leiter der Russischen Revolution) Перовскіе,

и покражѣ не случилось. А теперь нечего и воровать; мы ѣздимъ въ Ригу порожнякомъ — для присоединенія, а не за покупками; развѣ что крестъ отнять, а болѣе нечего!» Наконецъ, стали придираться къ Латышскому діалекту, къ словамъ, къ ихъ производству и значенію. Извѣстно, что Латышскій языкъ также бѣденъ какъ и его обладатель; о языкѣ и о хозяинѣ, до сихъ поръ, одинаково мало заботились; оба были въ загонѣ и никуда не смѣли высунуться. Это не языкъ, а рубище пищаго. Латышъ (тутъ я разумью Латыша настоящаго, первобытнаго) говоритъ чисто по дѣтски, пробиваясь скуднымъ запасомъ словъ, едва достаточныхъ для выраженія самыхъ элементарныхъ и рѣзкихъ понятій. Отгѣнковъ, для него не существуетъ. Рѣчи его всегда выражается въ формѣ строго положительной или строго отрицательной. Въ тѣже двѣ, одна другой противоположныя категоріи, положенія и отрицанія, укладываются и рѣчи къ нему обращенныя. Посредствующихъ терминовъ онъ не вѣщаетъ. На примѣръ: Латышъ взойдетъ въ вашу комнату, и вы, уходя куда либо, хоть въ другую комнату, скажете ему: «ты можешь тутъ постоять, я скоро приду.» Затѣмъ, войди кто либо другой, только не вы, и скажи ему: «какъ ты тутъ смѣешь стоять? Убирайся вонъ, хоть въ кухню!» — онъ ни за что не поидеть, а непремѣнно скажетъ: «мнѣ приказано здѣсь стоять.» И вы сами его не убьдете, что вы ему не приказывали, а только позволили. Латышъ будетъ спорить и доказывать, что вы приказали, приказали — да и только. *)

Головины, Милюгины, Ханьковы, Самарины, Катковы и другіе (стр. 104, 110)? Кто знакомъ съ полемическими приемами *der loyalen, hochedlen Baltischen Ritterschaft* и отчасти испыталъ ихъ на себѣ, тому позволительно не вѣрить на слово. (Пр. издат.)

*) Не могу не остановить вниманія читателей на этомъ глубокомъ наблюденіи. Оно содержитъ въ себѣ самое простое и естест-

Слова: «дозволено» и «приказано» взвѣшивались, разбирались и служили тѣмъ для обвиненій въ распространеніи ложныхъ слуховъ, не только въ мірскихъ, но и въ высшихъ судахъ. «Дозволено» то есть (такъ понимаетъ и такъ

вѣрное объясненіе многихъ явленій доселѣ непонятныхъ, или понятыхъ ложно единственно потому, что толкователи исходили изъ предположенія яснаго сознанія и умысла тамъ, гдѣ ихъ не было. Представьте себѣ чловѣка, у котораго, съ самаго его рожденія, отшибли свободную волю, но крайней мѣрѣ, всякую возможность обнаруживать ее въ чѣмъ бы то ни было; вся его житейская обстановка опредѣлена безъ его согласія, участія и вѣдома; онъ родился въ тискахъ, живетъ въ тискахъ и въ нихъ умретъ; отъ людей власть имущихъ и, вообще, въ какомъ бы то ни было отношеніи стоявшихъ выше его, онъ не слышалъ и не надѣется услышать другихъ словъ какъ только: **п р и к а з ы в а ю** или **з а п р е щ а ю**. И вдругъ, этому чловѣку говорятъ, что ему предоставляется на выборъ остаться Протестантомъ или перейти въ Православіе. Онъ непременно приметъ это за насмѣшку или за ловушку. Въ киркѣ ему говорятъ, что, кто перейдетъ въ Православіе, будетъ проклятъ и наказанъ, но онъ плохо вѣритъ свосему пастору и идетъ за справкою къ Православному священнику. Онъ спрашиваетъ: „точно ли запрещено переходить въ ту вѣру, которую исповѣдуетъ Царь?“ — Священникъ отвѣчаетъ: „неправда; Православная Церковь открыта для всѣхъ“ — „А! значить такъ и есть: приказано всѣмъ переходить въ Царскую вѣру!“ — „Опять нѣтъ! Не приказано, а дано всѣмъ на волю переходить или оставаться.“ — „Какъ на волю? На чьюже?“ — „Да на вашу.“ — „Что вы это, на нашу! Да вы насъ морочите. Дураки мы чтоли? Мы хотимъ знать, что приказалъ Царь?“ — „Да ничего не приказалъ.“ — „Какъ ничего! Такъ значить, по вашему, ему все равно: будемъ ли мы молиться въ киркѣ или въ той церкви, въ которой онъ молится самъ? Еще разъ: хочетъ ли Царь, чтобъ мы перешли въ его вѣру? Есть ли на то приказъ?“ — „Повторяю: приказа нѣтъ . . .“ — „А! если нѣтъ, такъ значить пасторъ то правъ: не смѣй переходить.“ — Такъ длится разговоръ, часъ, другой, третій, и возобновляется ежедневно. Теперь, скажите по совѣсти, если въ виду явной стачки помѣщи-

говорить Латышь) — приказано переходить въ Царскую вѣру, и вотъ онъ дѣлается неожиданно злонамѣреннымъ толкователемъ Высочайшей воли, подстрѣкателемъ и распространителемъ ложныхъ слуховъ. За это непонятное для него преступленіе, онъ расплачивается своими ребрами или спидвнѣемъ въ тюрьмѣ, мѣсяць, два и болѣе, а иногда: и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

И сидитъ онъ, пока не выпустятъ по ходатайству епископа Филарета и по приказанію Генераль-Губернатора Головина; выпустятъ, но уже не въ своей одеждѣ,

ковъ и пасторовъ, стражающихъ крестьянъ всевозможными карамъ за переходъ въ Православіе, въ виду недоумѣвающей толпы, ожидающей одного слова, чтобы склониться на ту или другую сторону, именно одного слова и не принимающей никакихъ другихъ словъ ни объясненій; если, при этой въ своемъ родѣ исключительной обстановкѣ, это слово сорвется съ языка священника; если онъ скажетъ: „да, Царь желаетъ, чтобы вы перешли въ его вѣру“ — рѣштесьли вы осудить его и скажете ли вы, вслѣдъ за пасторами и баронами, что священникъ агунъ, обманщикъ и емиссаръ революціи, прикрывающій свои замыслы авторитетомъ Царскаго имени?

Мы видѣли у себя совершенно аналогическое явленіе, въ 1861 году, во время составленія уставныхъ грамотъ. Помѣщики спрашивали у крестьянъ: хотите ли вы сохранить на врсля всю землю, которою вы владѣете или перейти на высшій надѣлъ; хотите ли отбывать барщину, или платить оброкъ, или перейти на выкупъ? Мировые посредники читали и толковали имъ подходящія статьи положенія, а крестьяне отвѣчали: ничего мы не беремъ и рукъ ни на что не даемъ, а будемъ ждать указа; что Царь прикажетъ, тому и быть. Я знаю, что къ счастью, наши крестьяне не Латыши а наши помѣщики не Остзейскіе бароны; но знаю также, что еслибы правительство вздумало отнестись къ нашимъ крестьянамъ и къ нашимъ мировымъ посредникамъ съ тѣми понятіями и требованіями, какія оно при-мѣняло къ Лифляндіи, въ 1845 году, то половину Россіи пришлось бы отдать подъ судъ за распространеніе ложныхъ слуховъ и перетолкованіе Высочайшей воли. (Пр. издат.)

а въ нарядномъ костюмѣ арестантовъ, съ чернымъ треугольникомъ на спинѣ, и съ какоюто надписью.

Затѣмъ, его препровождаютъ на мѣсто жительства, связаннмъ, подъ конвоемъ, съ выбритою или полувибритою головою, въ арестантской шапкѣ сшитой изъ черныхъ и сѣрыхъ клиннсъвъ, и водятъ парочно эту чучелу зигзагами по всей Лифляндіи, на показъ, особенно по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ начиналось движеніе въ Православіе, чтобъ видѣли люди и знали, какія блага и выгоды сопряжены съ перемѣною вѣры. Много я видѣлъ такихъ и пишу съ натуры; а вотъ и слухъ, но переданный мнѣ человѣкомъ, которому я вѣрю вполне, Давидомъ Баллодомъ.

Въ иныхъ мѣстахъ, Латыши жаловались, что ихъ не пускали въ Ригу для присоединенія, то есть не выдавали изъ мызныхъ управленій свидѣтельствъ въ Ригу, а выдавали въ уѣздный городъ, гдѣ еще не было Православнаго священника; тамъ ихъ приводили въ Ордунгсъ-Герихтъ и сбкли, сбкли больно, потомъ, вмѣсто муропомазанія, пачкали имъ лица дѣгтемъ. Кажется, впрочемъ, что это было еще во время перваго кризиса, въ 1841 году.

И за что такія гоненія? За слова, за приглашеніе ѣхать вмѣстѣ въ городъ; за то, что не туда поѣхалъ, не въ тотъ городъ, куда мыза прописала билетъ, а въ тотъ, куда зналъ дорогу, куда ѣхать было удобнѣе или ближе. Конечно, это были только предлоги или поводы къ истязаніямъ.

А вѣдь если разобрать дѣло съ точки зрѣнія темныхъ Латышей, разобрать серьезно, то нельзя не придти къ заключенію, что дѣйствительно было даже нѣкоторое основаніе утверждать, что не только разрѣшено, а приказано переходить въ Православіе.

Основаніе къ такому заключенію дали сами пасторы и помѣщики своими проясками: ибо вотъ какъ разсуждали Латыши: мы ужъ давно задумывали присоединиться къ Православной Церкви, еще до 1841 года, и вотъ теперь намъ

говорять, что и въ то время дорога въ Церковь была открыта для всѣхъ; но вы перегородили намъ путь, вы просто запретили намъ присоединеніе; вы насъ били и сбѣкли вездѣ, на мызахъ, въ полиціяхъ, на поляхъ Беверегофскихъ, и чтоже? — Тѣ самые изъ нашихъ, которые въ то время желали и не могли перейти въ Православіе, теперь переходятъ. Запретить намъ этого, вы уже не смѣете, вы можете только мстить намъ и мучить насъ. Не ясноли, что теперь не только дозволено, но уже и «приказано» присоединять насъ, и вотъ мы присоединяемся, а иначе мы и теперь не могли бы исполнить своего желанія.

Дѣйствительно, обстоятельства измѣнились. Правительство на столько прозрѣло, что уже нельзя было напугать его призракомъ бунта. Отъ надежды повторить Беверегофскую езекуцію и еще разъ показать Латышамъ Русскую силу въ ненавистномъ образѣ солдата вооруженнаго палкою, пришлось отказаться. Мелкія езекуціи на мызахъ тоже не помогали противъ общаго движенія массы. Но оставалось другое, страшное орудіе, страшное тѣмъ, что оно причиняло не временную боль, а губило окончательно, безъ скандала и шума, безукоризненно и законно. Можно было, если не засѣчь, то раззорить Православныхъ крестьянъ; можно было, на основаніи вотчинныхъ правъ и не выступая изъ нихъ, обезземелить крестьянъ — хозяевъ, владѣльцевъ усадьбъ, а батраковъ оставить безъ работы. Разумѣется, не пужно было слишкомъ явно выказывать настоящую, дѣйствительную причину, а на случай какого либо запроса, имѣть въ готовности другіе, благовидные предлоги. Эта система дѣйствій прихвѣнена была въ широкихъ размѣрахъ, по всей Лифляндіи, и характеризуетъ гоненіе начавшееся послѣ втораго кризиса и продолжающееся донинѣ. Я не стану описывать его въ подробности, а расскажу только судьбу нашего дома. Подобное тому что постигло насъ, испытали многіе.

Въ концѣ Октября, или въ началѣ Ноября мѣсяца 1845 года, были въ послѣдній разъ на причастіи, въ киркѣ, отецъ мой и мать моя.

Тажъ, какъ и всегда, они выслушали не то что проповѣдь, а площадное ругательство на Православіе. Пасторъ говорилъ между прочимъ: «тѣ которые валяются въ грязи, живутъ во тьмѣ, всю жизнь проводятъ въ пьянствѣ, вотъ кто выдумалъ эту записъ и новую вѣру!»

По выходѣ изъ кирки, мой отецъ, ѣдучи домой, разговаривался съ другими своими братьями.

«Я знаю навѣрно — говорилъ онъ — что Сибирь тому, кто побуждаетъ или принуждаетъ къ переходу въ Русскую вѣру; но Сибирь и тому, кто жѣшаетъ. Думаю, что и пасторъ и всѣ его сотоварищи и помѣщики знаютъ этотъ законъ. Странно однако, что первая половина его слишкомъ широко исполняется, а другая совершенно брошена, даже и не объявлена. Тѣ сидятъ въ тюрьмѣ, которые сговорились ѣхать вмѣстѣ въ Ригу и тамъ приняли Православіе; даже ѣздившіе въ одиночку и присоединившіеся и тѣ посажены: зачѣмъ самого себя побуждаешь къ принятію Православія! А тѣ, которые съ такимъ озлобленіемъ удерживаютъ народъ побоями, угрозами, ругательствами и клятвами, тѣ вѣрно чада Божія. Ихъ никто не трогаетъ; вотъ на примѣръ, хоть нашегоже пастора и другихъ, до корчмара и волостнаго.»

Слова эти были переданы пастору агентами его тайной полиціи. Пасторъ, сейчасъ же, написалъ письмо къ помѣщику съ просьбою приемотрѣть за моимъ отцомъ, не перейдетъ ли онъ въ Русскую вѣру? По прибытіи домой, отецъ мой, въ слѣдующую же недѣлю, пошелъ на мызу, взявъ у помѣщика билетъ на проѣздъ въ Ригу, отправился и присоединился. Въ то время (когда еще можно было присоединяться не объявляя объ этомъ впередъ вотчинной полиціи) пасторы, помѣщики, управляющіе и форминдеры рыскали повсюду разузнавая о присоединявшихся. Волостные начальники и перво-

статейные хозяева были всё въ разгонѣ — они занимались доставкою присоединившихся въ городскія тюрьмы, связанными и подъ сильными конвоємъ. Но не всегда удавалось доводить ихъ незамѣтно до этой тихой пристани. Случалось, что изъ партіи привезенныхъ въ Ригу Православныхъ узниковъ, одинъ улизнетъ съ постоялаго двора: какой нибудь Русскій купецъ пропуститъ его черезъ свою лавку, на улицу, и освободившійся бѣжитъ безъ оглядки, переулками и закоулками, чтобъ какъ нибудь ночью добраться до Баллода, О. Якова Михайлова, или самаго епископа Филарета, который почти всегда бодрствовалъ. Такимъ путемъ, черезъ него, высшее мѣстное начальство узнавало о невинныхъ арестантахъ, которыхъ привозили изъ разныхъ мѣстностей, и на другой день, къ неопи-санной ихъ радости, имъ объявлялась свобода. Тутъ, въ первый разъ, узнавали Латыши или начинали догадываться, что есть на свѣтѣ правда и власть выше помѣщицъей. Видя, что грубое насиліе не всегда удается, Нѣмцы придумали новое средство. Подъ предлогомъ предупрежденія безпо-рядковъ отъ одновременныхъ выѣздовъ большого числа крестьянъ, они успѣли испросить распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ отправляться въ Ригу для принятія Православія, не предувѣдомивъ о томъ мѣснаго управленія и не получивъ отъ него билета, и чтобы ѣздили записываться въ Рус-скую вѣру (какъ выражались въ Лифляндіи) не куда кто пожелаетъ, а именно въ тотъ городъ, который прописанъ на билетѣ. Но въ то время, Православные священники были далеко не во всѣхъ городахъ; они еще только при-готовлялись ѣхать туда изъ Риги. Для Нѣмцевъ, тѣмъ раз-умѣется было лучше. Нужно было снѣснить, исполнять буквально и живо. Крестьянину прописываютъ билетъ въ Венденъ или Лемзаль, зная, что туда еще не прибылъ священникъ, приказываютъ съ билетомъ явиться въ полицію или въ Ордунгсъ-Герихтъ, а тамъ — свои люди, умѣющіе читать промежъ строкъ, зарубливаютъ на спинахъ предъ-

явителей пѣстрыя отмѣтки, на память и вразумленіе, чтобъ не пропала поѣздка даромъ. А кто вздумаетъ пойти въ Ригу, вѣсто Вендена или Лемзала, того также поролѣ, за ослушаніе и неповиновеніе распоряженіямъ Русскаго епископа Филарета. Видите, какіе ревнители! Преосвященный далъ предписаніе въ облегченіе Латышамъ: куда ближе или удобнѣе, туда пусть и идутъ, а не въ одну Ригу; а Нѣмцы ухитрились повернуть это такъ, что затруднили присоединеніе и подали поводъ Латышамъ усомниться въ намѣреніяхъ епископа. Притѣсненіямъ этого рода наиболѣе подвергались крестьяне проживавшіе въ уѣздахъ отдаленныхъ отъ губернскаго города; тѣмъже, которые были приписаны къ Рижскому уѣзду, было гораздо легче присоединиться, такъ какъ они отправлялись въ Ригу. Тутъ, въ глазахъ главнаго мѣстнаго начальства и архіерея, противникамъ Православія труднѣе было употребить насиліе или грубый обманъ, а нужно было прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобъ ускользнуть отъ наблюденія и провести свой грузъ прямо въ Ордунгсъ-Гѣрихтъ.

Мой отецъ былъ уже предупрежденъ въ Ригѣ: онъ зналъ, что нужно быть крайне осмотрительнымъ и осторожнымъ, даже на словахъ, и что противъ него замыслили чтото недоброе. Но на умныхъ и ловушки устраиваются похитрѣе. Такъ было и съ отцемъ моимъ. Его таки перехитрили пасторъ, помѣщикъ, управляющій, волостные и ихъ шпіоны. Дали знать, чтобъ собирались ѣхать въ Ригу за укуой. Засѣдатель самъ зашелъ на нашъ дворъ и приказалъ, чтобъ мой отецъ непременно ѣхалъ самъ съ засѣдателями и другими паряженными хозяевами. Мы всѣ почували бѣду. Невольно поразило насъ, вонервыхъ, то обстоятельство, что на сей разъ засѣдатель не вошелъ даже въ хату, а далъ приказаніе на дворѣ, вызвавъ къ себѣ отца моего; во вторыхъ, зловѣщею показала намъ настойчивость требованія и неоднократно повтореніе, чтобъ отецъ непременно самъ

вѣхалъ въ Ригу; къ этому еще было прибавлено, какъбы въ объясненіе, что онъ паряженъ вмѣстѣ съ управляющимъ и засѣдателями подтянуть кресты въ конторѣ, *) что наша волость дѣйствительно взяла столько то муки, не болѣе и не менѣе. Засѣдатель даже пригрозилъ, что если отецъ самъ не поѣдетъ, то помѣщикъ строго его накажетъ за ослушаніе. Все это насъ смутило и заставило пригорюниться.

Во всю дорогу, засѣдатели и управляющій обращались съ отцемъ моимъ очень ласково. Прибыли въ Ригу благополучно; въ лавкѣ, утромъ, выпили водки и отправились всѣ вмѣстѣ, какъ говорили засѣдатели и управляющій, будтобы въ контору, для отдачи мызнаго документа и чтобъ узнать откуда получить муку. Но предатели повели не въ контору, а къ заднему крыльцу Ордунгсъ-Герихта. Какъ только вошли туда, предѣдатель принялъ бумагу, прочиталъ и спросилъ только: кто изъ нихъ N. N.? — Указали на моего отца. Его немедленно заковали и отправили подъ строгимъ конвоемъ въ городскую тюрьму. Какъ я сказалъ, онъ выѣхалъ изъ дому съ зловѣщимъ предчувствіемъ, но только тутъ, когда увидалъ знакомый красный околошекъ, сторожей съ ружьями, да желтыя цуговицы вицмундира, понялъ онъ, что его заманили въ ловушку и что онъ погибъ; однако онъ спросилъ у судьи: «за что меня заковываютъ? Я не знаю, мнѣ не объявлено въ чемъ мое преступленіе?» Но судья не удостоилъ его отвѣтомъ. Товарищи и спутники его тоже молчали, но перемѣнились въ лицѣ, прежнее доброжелательство и лукавыя улыбки исчезли. Такимъ образомъ, мой отецъ получилъ, вмѣсто муки, мѣку.

Впрочемъ, не долго торжествовали и предатели; ихъ тоже постигла незавидная участь. Управляющаго скоро

*) То есть: росписаться въ полученіи, проставивъ за безграмотностью кресты. (Пр. издат.)

выгнали изъ имѣня; онъ скитался по городу Ригѣ разнощикомъ, обиталъ въ шипкахъ, ночевалъ на тротуарахъ.

Старшій засѣдатель спился совершенно и окончилъ жизнь свою въ канавѣ; другой засѣдатель, при новомъ владѣльцѣ, былъ выгнанъ изъ своей усадьбы и скитается по волости и по корчмамъ, также спился съ кругу и вѣроятно кончить какъ его товарищъ. Подговоренный жесвидѣтель бродитъ по окрестнымъ мызамъ и слыветъ никуда негоднымъ работникомъ.

Лошадь нашу съ возомъ пригнали домой едва живую. Дорогой, никто ея не кормилъ; возъ навалили почти двойной, да кромѣ того, на него сѣли засѣдатели и кто хотѣлъ. Доѣхавъ до своего дома, засѣдатель прислалъ къ намъ своего работника съ приказомъ, чтобъ кто нибудь изъ нашего дома пришелъ за лошадью, хозяинъ молъ остался въ Ригѣ. Это былъ для насъ громовый ударъ. Всѣ залились слезами. Мать сама пошла на мызу за лошадью, распрашивала: куда дѣлся мужъ, за что его посадили? Обращалась то къ одному, то къ другому, но никто не удостоилъ ее отвѣтомъ. Никто ни слова не говорилъ съ нею. Только, когда уже начало смеркаться, одинъ работникъ шеннулъ ей: «такъ приказано. Кто одно слово скажетъ тебѣ въ отвѣтъ, тотъ самъ тудаже попадетъ.» Мы, оставшіеся дома, хотя и плакали, однако всѣтаки питали надежду, что отецъ придетъ съ мызы вибѣтъ съ матерью. Но вѣтъ! Мать пришла одна, не успѣвъ даже узнать положительно, что случилось съ ея мужемъ; хоть поминай его умершимъ.

Тѣмъ временемъ, и онъ плакалъ въ городской тюрьмѣ, смотря на Православный Петро-Павловскій соборъ. Латыни уже знали, что кто попадетъ въ городскую тюрьму изъ деревни, тому ужъ не видать болѣе своихъ. — Это было дознано горькимъ опытомъ многихъ.

Въ тюрьмѣ отецъ мой нашель, въ числѣ другихъ Православныхъ арестантовъ, двухъ своихъ близкихъ сосѣдей:

П. П. и Р. Б. и спросилъ ихъ: «вамъ сказали, за что васъ посадили въ тюрьму?» Тѣ отвѣчали: «за то, что мы, какъ и всегда, побѣхали вмѣстѣ въ Ригу и тамъ присоединились; намъ сказали, что вѣрно мы сговорились еще дома.» — «Такъ вы, по крайней мѣрѣ, знаете въ чемъ васъ обвиняютъ, а мнѣ не сказали; вѣрно выдумали страшное преступленіе, что не хотятъ и объявить!» — Вспоминая о своей женѣ и о дѣтяхъ, и представляя себѣ какъ они по немъ тоскуютъ, онъ плакалъ и рыдалъ долго, денно и понощю. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли, у него какъ будто и слезъ не стало. Онъ исчерпалъ до дна и этотъ послѣдній источникъ утѣшенія и тогда сказалъ своимъ товарищамъ: «чувствую, что подступаетъ ко мнѣ предсмертная тоска . . . Скажите тюремному надзирателю: я умру исповѣдникомъ св. вѣры . . . умру не узнавъ своей вины, не выдавъ своихъ жесвидѣтелей. Скажите женѣ и дѣтямъ мое послѣднее прощаніе и благословеніе.» Это намъ передали наши сосѣди П. П. и Р. Б. когда ихъ выпустили изъ тюрьмы; они и теперь живы. — Послѣ мы узнали и двухъ жесвидѣтелей показывавшихъ на моего отца: І. Б. и А. У.; они были подкуплены и подучены пасторомъ и помѣщикомъ; а вины моего отца мы и теперь не знаемъ; правда помѣщикъ объяснялъ ее, но все еще не вѣрится.

Послѣ уже смерти отца моего, когда мать горько рыдала у помѣщика, онъ, новидимому тронутый ея горемъ, сказалъ ей ласковымъ тономъ: »женщина! Не сѣлуй на меня. Я не виноватъ въ смерти твоего мужа, виноватъ пасторъ. Онъ мнѣ жаловался въ письмѣ, что будтобы твой мужъ, во время проповѣди, въ киркѣ, осмѣлился ему перечить; поэтому я не могъ его здѣсь оставить.» Это подлинныя слова, сказанныя моею матерю Г. фонъ Б. владѣльцемъ мызы N.

Разсудите сами: можно ли этому вѣрить, а если поневоля приходится вѣрить, то есть ли въ этомъ обвиненіи

хоть тѣмъ правдоподобіа? Какъ! Въ воскресный день, когда было много причастниковъ, когда кирка была полна народу, отецъ мой будтобы возражалъ пастору, а не могли подобрать и выставить болѣе двухъ свидѣтелей? Какъ разъ двухъ, не болѣе, и то еще: изъ нихъ, одинъ, кажется не былъ въ киркѣ, а потому не могъ и слышать разговора происходившаго по выходѣ изъ нея на пути къ дому. Да наконецъ, еслибъ даже мой отецъ и въ самомъ дѣлѣ возразилъ пастору на его грубья выходки противъ Православія, неужели у насъ, въ Россіи, такой поступокъ можетъ считаться преступленіемъ, да еще такимъ, за которое безъ суда и слѣдствія, набиваютъ кандалы и сажаютъ въ тюрьму?

А пасторъ всё тутъ, на мѣстѣ, и я, родной сынъ замученнаго имъ, долженъ съ нимъ встрѣчаться и имѣть съ нимъ дѣло. Не скажу, чтобъ это испытаніе было изъ числа легкихъ.

Мать отправилась въ Ригу отыскивать отца, а мы остались дома одни. Глядя на нее, волостные начальники говорили между собою: пусть идетъ и ее посадятъ туда, гдѣ и свѣта Божьяго не увидить. Въ первый разъ въ жизни довелось матери быть въ Ригѣ; она не знала куда идти, къ кому обратиться, гдѣ найти проводника къ Д. Баллоду, къ еписк. Фишарету и въ тюрьму. Опять помогъ Русскій купецъ, нашель Латыша проживавшаго въ Ригѣ, который, разузнается, зналъ уже все закоулки. Побывала у всѣхъ; ее утѣшили, обнадежили, осушили слезы, но не на долго.

Добралась и до тюрьмы. Здѣсь пансла она много подобнахъ ей горемыкъ, которымъ угрожало пресдвременное вдовство. У каждой изъ пришедшихъ тюремный надзиратель спрашивалъ: кого желаетъ видѣть изъ заключенныхъ, а самъ смотрѣлъ въ списокъ; дошла очередь и до матери. Тюремный смотритель объявилъ ей, что она не можетъ быть допущена къ мужу, а другихъ женъ пустили въ тюремный замокъ, поговорить 5 минутъ въ корридорахъ съ мужьями,

въ присутствіи надзирателя. Мало того, часовому было приказано прогнать мою мать отъ дверей тюрьмы. Она съѣла на крыльцѣ Петро-Павловскаго каедральнаго собора и устала глаза въ тюремныя окна, изъ которыхъ выглядывало, сквозь рѣшетки, множество Латышскихъ физиономій.

Накопецъ, форточка открылась и мать услышала желанный голосъ ее подзывавшій. Она соскочила съ крыльца и подошла къ тюрьмѣ: «учи дѣтей! Пусть обо мнѣ не плачуть. Я еще живъ! Поспѣши сама присоединиться и дѣтей присоедини. Правъ домохъ, какъ слѣдуетъ» . . . Тутъ, къ ужасу, эта проповѣдь Православія выходящая изъ тюремнаго окна, какъ то коснулась слуха надзирателя: онъ крикнулъ на часоваго и на отца; — форточка тотчасъ закрылась и послѣднее свиданіе прекратилось. Мать съѣла опять на паперти собора и устала глаза въ ту же сторону; но тюремный надзиратель и тутъ не оставилъ ее въ покоѣ, а велѣлъ солдату прогнать ее въ шею, хотя на этой же паперти преспокойно сидѣли и стояли нищие — въ это время кончалась въ соборѣ литургія.

Черезъ недѣлю мать опять отпавилась въ Ригу. — Балодь, въ то время уже діаконъ, О. Михайловъ и самъ Преосвященный Филаретъ обладежили ее и другихъ, что въ скоромъ времени всѣ будутъ выпущены, а нашъ отецъ — непременно. Но, не смотря на эти повидимому благоприятныя извѣстія, сердце у матери моей замирало, чуя что то недоброе. Можетъ быть на нее дѣйствовать и видѣнный ею передъ этимъ зловѣщій сонъ, будто бы она ѣла хорошій, сухой горохъ, и должна была таскать тяжелые мѣшки — горохъ означаетъ у насъ слезы, а мѣшки — покойниковъ. Собрала послѣднія свои силы, она поплелась къ знакому собору и, на колѣняхъ, стала упрашивать тюремнаго сторожа пустить ее къ мужу обмѣняться не болѣе какъ парю словъ и передать ему лубонку творогу. Доложили надзирателю и вышелъ приказъ, что теперь уже можно

ее пустить, но предварительно хорошенько перенюхавъ ее и отобравъ у нея всѣ вещи. Явился самъ надзиратель и сказалъ ей въ упоръ съ пріятною улыбкой: «твой мужъ умеръ. Хочешь его видѣть?»

Повели ее въ какой то подвалъ; тамъ лежало на кирпичномъ, засоренномъ полу нѣсколько труповъ мужчинъ и женщинъ. Это мѣсто было страшное и видошъ и запахомъ. Надзиратель, отворивъ дверь, сказалъ: «тутъ и твой мужъ! Разускивай сама!» — Мать узнала его, и кинулась съ пещовѣрной быстротой на совершенно обнаженное тѣло. Только и было при немъ что гнилое полѣно подъ головой. Лицо и животь были покрыты красноватыми пятнами, челюсти были судорожно сжаты; какая то красноватая пѣна сочилась изо рту. Обезумѣвшая мать впиалась въ него, цѣловала руки и ноги, звала его, спрашивала; но онъ молчалъ. Видно, все что намъ нужно было отъ него услышать, было сказано въ тюремную форточку. Бывшіе съ нимъ вмѣстѣ сосѣди наши передали намъ, что онъ долго лежалъ, крѣпко сомкнувъ уста: когда докторъ поднесъ ему ложку лѣкарства, онъ не хотѣлъ принимать — однако принялъ одну и сказалъ: «теперь довольно.» Ему хотѣли вторично открыть ротъ, но не могли; тогда докторъ брызнулъ ему чѣмъ то въ глаза, и черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался.

Насильно оттащили мать мою отъ покойника; она очнулась уже на улицѣ, куда часовой вытолкалъ ее изъ тюрьмы, пригрозивъ ей прикладомъ.

Съ трудомъ добрела она до архіерейскаго дома. Пресвященный Филаретъ принялъ ее по прежнему ласково. Этотъ добрый, сострадательный архипастырь, выслушалъ печальный разговоръ ея, спросилъ обо всемъ, до малѣйшей подробности: какъ велико семейство, въ какомъ положеніи хозяйство, есть ли такой, который бы могъ помогать, править домою, отбывать повинности, есть ли долги и сколько? Спросилъ также: долго ли намѣрена она пробыть въ Ригѣ и

есть ли па что похоронить мужа? Мать сказала, что пришла провѣдать мужа, не зная о его кончинѣ, поэтому и не думала брать съ собою ни покрывала, ни простыни, а денегъ маловато. Преосвященный пошелъ искать денегъ и нашелъ у себя не болѣе пяти рублей, извинился что мало и спросилъ: довольно ли будетъ? Мать поблагодарила и сказала, что достаточно. — «Да! у тебя вѣдь четыре сына? Одного изъ нихъ я возьму въ школу, а именно — второго К . . . а.» Взявъ перо: записалъ и сказалъ, «можетъ быть онъ будетъ тебѣ утѣшеніемъ. Училище, которое скоро откроется, будетъ духовное. Изъ Латышей я еще девять возьму, кромѣ твоего сына, и постоянно буду принимать; тамъ не нужно будетъ ничего платить; всё будетъ готовое. Если окажутъ успѣхи, сынъ твой и другіе удостоятся священства.» — Затѣмъ, онъ благословилъ мать мою и обратился къ другимъ посѣтителямъ. Тутъ были люди всякаго разбора, Латыши и Эсты, ограбленные, избитые. Иной снималъ съ себя, странно морщась, свою одежду и показывалъ издали свою изсѣченную, окровавленную спину. Эти приемы у Преосвященнаго походили на выставку всякаго рода нечестивостей и мукъ. Сколько тутъ было заботъ и труда архипастырю! Вѣсьмъ нужно помочь, дать совѣтъ и притомъ — одному, съ однимъ только писемоводителемъ. Онъ не зналъ, что такое отдыхъ, работалъ съ ранняго утра до поздняго вечера, обѣдалъ когда удосуживался, часто ничего не ѣлъ кромѣ просфоры и промачивалъ чаемъ свое засыхавшее горло. Я самъ видѣлъ его комфортъ: кожанная лежанка, простой столикъ, огромная кнѣ бѣлой и исписанной бумаги, чернильница, песочница и на краю стола стакашъ чаю. Тутъ онъ и почивалъ и работалъ своею изсохшею, усталую рукою.

На пожертвованные имъ 5 р. мать купила простыню, рубашку, сама одѣла покойника — изъ тюрьмы дали лошадь, потащилась одна за гробомъ, изъ четырехъ необстро-

ганныхъ досокъ, и похорошила сама, не зная на которомъ кладбищѣ, безъ христіанскаго обряда, этого новаго исповѣдника. Она прѣѣхала домой полуживая и привезла намъ въ утѣшеніе рубище нашего отца, въ которомъ мы его проводили изъ дому; эти остатки ей удалось выпросить у тюремнаго начальства. Привезла на рукахъ, какъ теперь пошло: шинель сѣраго, грубаго сукна, полшубокъ изъ разныхъ шкурокъ, сѣраго же сукна жидеть, новыя, на дороге сдѣланныя пасталы (лапти) изъ сырой кожи. Всѣ это мать разложила, какъ драгоценность, на кровать свою и сказала: «вотъ вамъ, мои милые, вашъ отецъ!» Мы всѣ кинулись къ кровати, обступили ее и намъ казалось будто мы видимъ въ этой знаколой одеждѣ самого отца. Въ домѣ поднялся плачъ и стонъ: — это было единственное отпѣваніе добраго и примѣрнаго труженика, неутомимо работавшаго всю жизнь свою и заработавшаго себѣ мученическую смерть въ этой доли плача, въ этомъ плѣну Вавилонскомъ, въ этомъ проклятомъ раю Дифляндскомъ, у входа въ который поставленъ Россією не ангель, а Нѣмецъ.

Миръ праху невѣдомаго страдальца! Не онъ былъ первый и не онъ послѣдній! . . . Черезъ нѣсколько дней, мать отправилась на мызу къ помѣщику, поговорить съ нимъ на счетъ нашего житья въ слѣдующемъ 1846 году. Нельзя было медлить, такъ какъ уже близка была пора для пайма работниковъ. Помѣщикъ принялъ ее очень ласково, утѣнилъ вышеприведенною рѣчью, свалилъ всю вину въ смерти ея мужа на пастора и сказалъ ей: «живи спокойно. Я тебя не стгону съ усадьбы. Твой мужъ мнѣ не долженъ ни гроша, у тебя хороній зять. Онъ можетъ быть тебѣ за хозяина и опекуна. Онъ человекъ честный; вотъ уже второй годъ служить мнѣ овинникомъ и я его люблю. Будь спокойна!» Вскорѣ послѣ этого, пасторъ объявилъ, что будетъ прослушивать (допрашивать) дѣтей. Всѣ собрались въ корчму. Пасторъ опять началъ съ притчей и намѣковъ все противъ

Русской вѣры, Русскаго духовенства и всего Русскаго. Многие ему возражали, въ томъ числѣ и мать моя. Между прочимъ, прямо спросила у него: за что онъ погубилъ ея мужа и нашего отца? Онъ замаялся, сконфузился и не придумалъ въ свое оправданіе ничего лучшаго какойто притчи на тему: кто больше и дальше видитъ, тотъ ли, кто стоитъ на горѣ, или кто стоитъ внизу? — Это былъ не отвѣтъ на вопросъ, а пустая отговорка. Послѣ этого, что ни скажетъ пасторъ, бабы перебивали и сбивали его; онъ краснѣлъ, досадовалъ, но очень злиться не смѣлъ, чтобъ не раздражить женщинъ, которыя еще были всѣ Лютеранки. Наконецъ, онъ сѣлъ и началъ вызывать дѣтей, но вмѣсто испытанія, онъ задавалъ всѣмъ одинъ вопросъ: въ какой вѣрѣ они хотятъ жить и умереть? Первымъ былъ вызванъ мой старшій братъ. Мы уже всѣ знали, что пасторъ, а не кто другой погубилъ нашего отца; тѣмъ не менѣе, онъ прикинулся ласковымъ и кроткимъ, сталъ слегка тренать брата по щекамъ и спросилъ у него: «ну что, милое дитяtko, ты ужь конечно останешься въ своей прадѣдовской, святой, Лютеранской вѣрѣ?» — Но братъ уклонился отъ ласки и отвѣчалъ на отръзъ: «нѣтъ! Я хочу умереть въ той вѣрѣ, въ которой умеръ мой отецъ.» — Пасторъ оттолкнулъ его отъ себя, разсвирѣпѣлъ и закричалъ: «прочь! къ чёрту, на погибель, въ адъ!» — Въ толпѣ поднялся смѣхъ, а мать поскорѣе взяла брата подъ руку, и увела домой. Вотъ, подумали мы, новый поводъ къ гоненію; погубилъ отца, не пощадить и дѣтей.

Полагаясь на слова помѣщика, мы однако жили спокойно. Зять взялся за хозяйство, работалъ и распоряжался какъ отецъ. Подошла весна. Тутъ слышимъ: новый хозяинъ, а не зять, подряжаетъ работниковъ на нашу усадьбу. Мать пошла къ помѣщику, но тотъ не допустилъ ея до себя; пошла спросить у волостныхъ засѣдателей, чтобъ это могло значить и сослалась на обѣщаніе помѣщика. Ей

отвѣтили съ презрительной усмѣшкой: помѣщикъ тебѣ отказалъ, и остается тебѣ убираться вонъ и больше ничего. Мать поспѣшила въ Ригу, къ Преосвященному Филарету; тотъ препроводилъ ее при запискѣ къ Генераль-Губернатору Головину. Генераль-Губернаторъ, выслушавъ мать, сказалъ ей: «ступай домой, тебя не смѣютъ выгнать.» Приѣхала домой, а пасторъ ужъ объявилъ съ кафедры, что въ мызѣ N., на нашей усадьбѣ, въ такой-то день, будутъ продаваться съ торговъ лошади, скотина, земледѣльческія орудія и разная домашняя утварь. Мать опять отправилась въ Ригу, къ Генераль-Губернатору, который вторично ее обнадежилъ и сказалъ: «по твоему дѣлу бумага уже послана въ Приходскій Судъ.» Мать сказала на это, что пасторъ въ киркѣ, съ кафедрой, ужъ объявилъ аукціонъ. — «Не будетъ никакого аукціона; они не могутъ этого сдѣлать, живи спокойно» — сказалъ Генераль-Губернаторъ, и приказалъ послать вторую бумагу. Когда мать вернулась домой, она уже не нашла ничего: всё было пусто, всё продано, всё амбары и кѣлти взломаны, замки и запоры отбиты. Мать опять поѣхала въ Ригу. Генераль-Губернаторъ пожалъ плечами и сказалъ: «я этого дѣла такъ не оставляю, не выходи изъ усадьбы.» На сей разъ, по возвращеніи, мать и дѣтей своихъ уже не нашла на старыхъ пепелищахъ. Съ мызы прислали работниковъ, и насъ, со всеѣмъ скарбомъ, отвезли къ одному хозяину, подлѣ большой дороги, побросали все, въ старый, когда то бывший сарай, но уже по ветхости не запятый ничѣмъ; туда насъ загнали: меня, другаго брата Ыи, и третьяго Ыи лѣтъ; старшій братъ былъ отданъ матерью къ кузнецу, съ которымъ сговорился еще отецъ.

Хороша была и старая наша квартира, но эта куда лучше. Въ ней, когда то, хозяинъ сберегалъ мякину, потомъ, давно уже ее забросилъ; иногда только ночевали въ ней свиньи и хозяйская собака, да сами хозяева заходили въ ненастную погоду, по своей надобности. Но,

благодареніе весеннему вѣтру! опъ успѣлъ уже осушить что было по неприличію и приготовить квартиру къ нашимъ услугамъ, правда — безъ дверей, безъ фундамента, съ нѣсколькими охабками гнилой соломы, съ поломъ покрытымъ толстымъ слоемъ навозу разнаго рода, безъ печки, словомъ: въ родѣ Итальянской гостиницы. Соръ и навозъ намъ пригодился на постель, хоть и незавидную, но всёже лучше голой и мокрой земли. Поилакали, закусили черствымъ хлѣбомъ, папились какъ цыпята прямо изъ лужи, свалили навозъ въ одинъ уголь, легли прижавшись другъ къ другу въ кучку, покрылись, заснули и проспали всю ночь сномъ праведника. У матери отпала лошадь, на которой она ѣздила въ Ригу. Польщикъ взялъ ее къ себѣ на мызную конную мельницу; тамъ, цѣлый годъ, на этой лошади молотил, потомъ ее продали, а денегъ намъ не отдали . . . Вотъ какого рода мірскія выгоды пріобрѣтались переходомъ въ Православную вѣру. Это ужъ не слова, не обѣщанія, не посулы, а факты совершившіеся въ виду всѣхъ. Выводы изъ нихъ и пояснительные къ нимъ комментаріи излагались въ киркахъ, съ каюедрь, и на мызныхъ дворахъ.

Не понять эту проповѣдь, подкрѣпленную такими осязательными доказательствами, и не распознать по нимъ гдѣ были выгоды и гдѣ невыгоды — было довольно трудно.

Вскорѣ по прибытіи матери моей изъ Риги, ее потребовали въ Приходскій Судъ . . . Но не довольно ли, и нужно ли продолжать этотъ разсказъ?

ИЦДРИГЪ СТРАУМНІТЬ.

П о с л ѣ с л о в і е.

Надѣюсь, что авторъ будетъ продолжать; а между тѣмъ, позволю себѣ обратиться съ двумя словами къ читателю.

О движеніи Латышей изъ Лютеранства въ Православіе мы много разъ читали, по крайней мѣрѣ слышали сужденія, отзывы и разсказы Лютеранскаго духовенства, Лютеранскихъ помѣщиковъ, чиновниковъ (большую часть также Лютеранъ) и изрѣдка Православныхъ священниковъ (въ мало распространенныхъ духовныхъ журналахъ). Въ первый разъ услышали мы теперь голосъ Латыша, одного изъ тѣхъ, которые пережили въ своей совѣсти тяжелый кризисъ 1841—1845 годовъ и на себѣ самихъ испытали ближайшія его послѣдствія.

Можетъ быть, читатель подумаетъ, что именно по этой причинѣ, авторъ не можетъ относиться безпристрастно къ дѣлу: положивъ, но, во первыхъ, онъ относится къ дѣлу съ полнымъ знаніемъ дѣла, какъ экспертъ, разумѣя въ этомъ случаѣ подъ дѣломъ тѣ внутреннія побужденія, которыя влекли Латышей въ Православіе. Во вторыхъ, есть-ли достаточныя причины предполагать большее безпристрастіе въ сужденіяхъ тѣхъ свидѣтелей тогоже событія, которымъ мы повѣрили на слово, и вѣрять до сихъ поръ? Я разумѣю Лютеранское духовенство, терявшее съ присоединеніемъ бывшей своей

насты къ Православію не только свои доходы, но и свою *raison d'être*, и Лютеранское помѣстное дворянство, прямо заявившее, что послѣдняя, нравственная связь его съ народомъ обрывается.

Скажутъ еще, что это не объективное изображеніе дѣйствительности, не документальное свидѣтельство, на которое бы можно было сослаться какъ на доказательство, а случайный наборъ личныхъ впечатлѣній, свидѣтельствующихъ только о темпераментѣ повѣствователя. Къ чему, на примѣръ, такъ подробно и съ такимъ пафосомъ описывать какую нибудь зимнюю облаву и ставить ее въ одинъ рядъ съ дѣйствительно жестокими истязаніями, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ или жертвою? Точно, это не болѣе какъ личныя воспоминанія; и потому ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что иногда происшествія воспроизводятся авторомъ въ размѣрахъ, соответствующихъ не столько ихъ сравнительной важности, сколько тому впечатлѣнію, которое онѣ произвели на него въ былое время, на примѣръ, когда его, тринадцатилѣтняго мальчика, въ добавокъ плохо обутого и голоднаго, высылали голять зайцевъ по лѣсамъ и болотамъ. Но чтоже изъ этого? и можетъ ли такой недостатокъ, бросающійся всякому въ глаза, притомъ почти неизбежный въ частныхъ запискахъ, ввести кого нибудь въ заблужденіе?

Пожалуй есть недостатки болѣе существенные. Тамъ гдѣ авторъ, не ограничиваясь простою передачею того что онъ видѣлъ и слышалъ, вдается въ объясненія (на прим. говоря о порядкѣ отбыванія рекрутской повинности) онъ иногда принимаетъ злоупотребленіе за законъ, а иногда наоборотъ — законъ за злоупотребленіе. Но всетаки, практику онъ передастъ вѣрно — это главное; а неточности въ объясненіяхъ доказываютъ только, что онъ смотрѣлъ на нее съ точки зрѣнія крестьянъ, которые, по его же свидѣтельству, рѣшительно не знали, чего отъ нихъ требовалъ

законъ и потому не были въ состояніи отличать легальное отъ произвольнаго.

Я готовъ пойти далѣе и сдѣлать широкія уступки господствующимъ у насъ попятіямъ. Предположите, что авторъ наложилъ на свою картину слишкомъ густыя тѣни, и что иное происшествіе, котораго онъ самъ свидѣтелемъ не былъ, попало въ нее въ томъ преувеличенномъ видѣ, въ какомъ оно донеслось до него на крыльяхъ пародной молвы; отбросьте даже совсѣмъ то, что покажется вамъ нефройтнымъ и натянутымъ; скиньте на личное раздраженіе автора сколько хотите процентовъ; затѣмъ, соберите мысленно все остальное, сосредоточьте въ себѣ ваши впечатлѣнія и рѣшите про себя: слышали въ разсказѣ правда, и гдѣ ея больше — въ тѣхъли комментаріяхъ, къ которымъ вы давно прислушались въ Петербургскихъ гостиныхъ, и которые теперь печатаются за границей для раздраженія Нѣмецкой публики, или въ безыскусственномъ повѣствованіи Латына, съ которымъ вы теперь случайно столкнулись? Этотъ страшный итогъ высчитанныхъ имъ обидъ, оскорбленій, ругательствъ и истязаній, что это? — бредъли большаго воображенія, или можетъ быть злонаѣренная клевета, или горькая дѣйствительность, носящая въ себѣ самой неотразимое свидѣтельство своей подлинности?

Мнѣ кажется, что послѣдняго нельзя не признать.

Когда заневелась Лифляндія, Лютеранское духовенство посѣлило заявить, что въ движеніи массъ не было и тѣни религіозной потребности, и что онѣ искали не новой вѣры, а только и исключительно мірскихъ выгодъ. Дворянство прибавило, что это бунтъ, и что поэтому пужны не священники съ крестами, а казаки съ пагайками. Все дѣло объяснялось подговорами, подкунами, дѣйствіями какихъ-то эмиссаровъ и чихъ-то агентовъ. Въ этомъ смыслѣ допосилъ покойному Государю тогдашній Генералъ-Губернаторъ баронъ Паленъ, тоже повторялъ Графъ Бенкендорфъ; этому,

наконсць, повѣрилъ и вѣрить до сихъ поръ весь Петербургъ. *)

*) Кстати привесть здѣсь отрывокъ изъ неизданнаго дневника покойнаго Лифляндскаго Ландрата Самсона, подъ 2 Мар. 1846 года: „депутация отъ Лифляндскаго дворянства (вызванная въ Петербургъ для обсуждения вѣръ къ улучшенію быта крестьян): фонтъ Лиліенфельдъ, баронъ Нодкеитъ, фонтъ Эггингсъ, Самсонъ фонтъ Гиммельстерна (авторъ дневника) и баронъ Фелькерзамъ были представлены Государю Наслѣднику (царю Императору) Ген.-Губерн. Головинымъ. Приемъ былъ самый снисходительный и милостивый. Государь Наслѣдникъ сказалъ намъ: въ томъ, что вы слышали отъ Государя Императора, заключается такое признаніе давнишнихъ заслугъ дворянства на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, такая увѣренность въ продолженіи тогоже отличнаго его расположенія, что вы провинились бы даже передъ Лифляндскимъ дворянствомъ, еслибы дали въ себѣ мѣсто задѣйшему смятѣнію или безпокойству. Вѣрность Государя Императора вашимъ привилегіямъ и вашимъ учреждениямъ (des Kaisers Treue gegen unsere Rechte und Verfassung) и участіемъ принимаемое въ вашемъ благосостояніи перейдутъ неизрушимо, по наслѣдству, ко мнѣ и къ моему сыну. Вамъ нечего опасаться, даже при тѣхъ тревоженіяхъ (Zerwürfnisse), которыя вызваны были стремленіемъ поселянъ къ переходу въ Греко-Россійскую Церковь; къ тому же, можно надѣяться, что эти тревоженія найдутъ скорый и удовлетворительный конецъ. Правительство не можетъ воспротивиться переходу отдѣльных лицъ (der einzelnen) и ограничится принятіемъ ихъ (въ Православную Церковь). — Государь Наслѣдникъ очень удивился, когда узналъ (пропускъ въ текстѣ). Наше замѣчаніе, что всякая нравственная связь между помѣщиками и крестьянами неминуемо порвется, если послѣдніе перейдутъ въ другую вѣру, и что, къ сожалѣнію, новообращенные, по всей вѣроятности, составятъ не болѣе какъ новую секту и останутся безъ всякаго наставленія въ вѣрѣ — эти слова, новидимому, произвели на Государя Наслѣдника глубочайшее впечатлѣніе. Генералъ-Адъютантъ Веймарнъ рассказывалъ въ послѣдствіи, что Великій Князь, тотчасъ послѣ свиданія съ нами, обнаруживалъ на бывшемъ смотрѣ видимое безучастіе и какую-то сосредото-

Ясноли теперь, что все это несостоятельно и придумано pour les besoins de la cause, то есть для замаски-

точность въ себѣ самомъ, чего, въ то время, никто себѣ объяснить не могъ; что черезъ день, Великій Князь навѣстилъ его (Веймарна), говорилъ съ нимъ о происходившемъ свиданіи съ нами и выражался съ глубокимъ прискорбіемъ о разрывѣ нравственной связи между помѣщиками и крестьянами, равно какъ и о заявленномъ опасеніи какъ бы поселяне, съ переходомъ въ другую Церковь, не лишились наставленія въ вѣрѣ, которымъ они прежде пользовались, и къ которому привыкли. — Государь Наслѣдникъ расширявалъ насъ еще о нѣкоторыхъ подробностяхъ къ тому же предмету относящихся и, между прочимъ, сказалъ отъ себя, что безъ всякаго сомнѣнія были при этомъ какіе нибудь агенты, которые обили съ толку (bethört — буквально: одурачили) крестьянъ въ такой значительной массѣ, и что удивительно только какъ не удалось ихъ выслѣдить. Затѣмъ, Государь Наслѣдникъ, съ видимымъ участіемъ и пѣнигательною благосклонностію, повторилъ намъ прежнія, ободрительныя слова свои и отпустилъ насъ, пожавъ на прощаніе руку ландмаршалу Лиденфельду.⁴

Точность передачи этого свиданія оспаривается на отвѣтственности автора; съ своей стороны, я могу только засвидѣтельствовать, что весь разговоръ, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, тогчасъ же сдѣлался извѣстенъ въ Ригѣ, объжалъ всю Лифляндію, и что при этомъ успѣли довести до свѣдѣнія крестьянъ, присоединившихся къ Церкви, или изъявившихъ желаніе присоединиться, что Государь Наслѣдникъ не вѣрнѣ въ искренности ихъ побужденій. Это я слышалъ отъ Православныхъ священниковъ которые въ свою очередь слышали отъ крестьянъ, да и не могли узнать другимъ путемъ.

Теперь, въ виду современныхъ обстоятельствъ, то что въ 1845 году, дѣйствительно, должно было представляться страннымъ и загадочнымъ, кажется, объясняется довольно просто. Въ самомъ дѣлѣ, Польскія и Венгерскія газеты ежедневно свѣдѣтельствуютъ о цѣлыхъ легіонахъ агентовъ Русскаго правительства, будто бы шныряющихъ до всѣхъ Славянскихъ землямъ, и о массѣ разсыпавшихъ тамъ же рублей: а между тѣмъ, ни одного изъ этихъ агентовъ полиціи до сихъ поръ не удалось

рованія правды? что въ сороковыхъ годахъ, въ Лифляндіи, разыгрывалась не мелкая, подпольная интрига, а одна изъ тѣхъ историческихъ драммъ, которыхъ значеніе, для современниковъ, привыкшихъ вращаться въ области анекдотовъ, сплетень и осязательныхъ, на поверхности лежащихъ причинъ, почти всегда остается неразгаданнымъ, частью потому что оно умышленно затемняется и перетолковывается лицами и партіями, находящими въ этомъ свой интересъ, частью же потому, что для оцѣнки этого рода крупныхъ явленій, обыкновенная официальная терминологія не даетъ ни подходящихъ мѣрилъ, ни готовыхъ опредѣленій.

Всмотримся ближе въ ходячія объясненія, которыми мы до сихъ поръ удовлетворялись.

«Все было дѣломъ подговора и подкупа.» — Значить

накрыть. Не по тойже самой причинѣ и Лифляндская полиція (состоявшая и состоящая исключительно изъ мѣстныхъ дворянъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія, которые такъ боялись за свою нравственную связь съ народомъ) не могла выслѣдить ни одного изъ тайныхъ эмиссаровъ, будтобы подбивавшихъ крестьянъ къ переменѣ вѣры?

Приведенный въ буквальномъ переводѣ отрывокъ изъ дневника Ландрата Самсона обнародованъ издателемъ *Livländ. Beitrüge* (В. 1. Beit. 2. S. 133—134 Anmerk.) и оканчивается слѣдующею замѣткой самого издателя: „Кстати о Веймарнѣ, весной 1845 года, оба доблестные брата, Фердинандъ и Петръ фонъ Веймарны, оба Генералъ-Адъютанты, оба отличившіеся мужественнымъ заступничествомъ за дѣло Германизма и Протестанства въ Лифляндіи, одинъ вскорѣ послѣ другаго (какъ значится въ дневникѣ) умерли внезапною смертию — отъ Русскаго яда (an Russischem Gifte), какъ рассказывали въ то время и вѣрили всѣ.“ — Вотъ какъ пишется для современной Германіи и въ какомъ видѣ передается потомству новѣйшая исторія Россіи Лифляндскими нашими согражданами и вѣроподданцами Русскаго Государя — die loyale Ritterschaft. Правда, что они отлично служатъ и потому, повидимому, многое могутъ позволить себѣ.

все было сдѣлано Православными священниками (которыхъ было въ краѣ пять или шесть человѣкъ) или агентами правительства (вѣроятно тоже Православными), о которыхъ само правительство ничего не знало. Я допускаю на минуту это предположеніе, становлюсь на указашую точку зрѣнія и спрашиваю: а чѣмъ же объясните вы широкое и быстрое распространеніе, въ тойже Лифляндіи, Герингутерства — это отпаденіе лучшихъ изъ крестьянъ отъ Лютеранской Церкви, предшествовавшее переходу въ Православіе, и которыхъ это послѣднее явленіе было подготовлено? Кѣмъ, на чьи деньги, сдѣлана была эта попытка своего рода реформаціи снизу, въ средѣ самаго Лютеранства? Какого рода обѣщаніями и посулами подбивалась Латыши къ образованію изъ себя такъ называемыхъ духовныхъ братствъ? Неужели и въ этомъ случаѣ дѣйствовали агенты правительства? Неужели Православное духовенство проповѣдывало и Герингутерство? Неужели и въ этомъ движеніи не было никакихъ слѣдовъ религіозной, духовной потребности, напрасно искавшей себѣ удовлетворенія въ вымершемъ организмѣ официального Лютеранства? А вѣдь развитіе Герингутерства, непосредственно связанное съ переходомъ въ Православіе, такой фактъ, о которомъ могли благоразумно умалчивать Генераль-Губернаторы баронъ Паленъ и князь Суворовъ, въ своихъ донесеніяхъ, и дворянскіе депутаты, въ своемъ разговорѣ съ Государемъ Последникомъ, но котораго всетаки нельзя отрицать. Скажите еще: какими искусственными возбужденіями объясняется развитіе въ тойже народной массѣ, и преимущественно въ Курляндіи (до которой Православное духовенство не касалось), другой секты, Анабаптизма, быстро плодящагося въ настоящее время и отличающагося рѣдкимъ озлобленіемъ противъ кироковъ и пасторовъ, по свидѣтельству самихъ Балтійскихъ газетъ? *) Тутъ кто агитируетъ, поддушаетъ и соблазняетъ?

*) На прим. въ корреспонденціи изъ Митавы (Рижск. Газета 1867.

«Переходившіе въ Православіе побуждались житейскими расчётами, ожиданіемъ выгоды, надеждою получить землю, захватить душие — стало быть убѣжденіе было ни при чёмъ, и они просто продавали свою вѣру.» — Странный выводъ, и что за удивительное легкомысліе въ этомъ стало быть! Человѣкъ взятый порознь, и тотъ очень рѣдко, въ любомъ своемъ дѣйствіи, слѣдуетъ одному побужденію, всецѣло и безраздѣльно наполняющему душу; а наоборотъ, почти всегда, при нѣкоторомъ вниманіи, подмѣчаетъ въ себѣ множество самыхъ разнообразныхъ двигателей, одновременно направляющихъ его волю: это общій законъ человѣческой природы; а тутъ дѣло идетъ о цѣлой массѣ людей тѣмныхъ, неразвитыхъ, не обладающихъ способностью внутренняго анализа, людей лишенныхъ всякой возможности отрѣшиться даже мысленно отъ своей житейской обстановки и перенестись въ область отвлеченныхъ вопросовъ; а мы не хотимъ понять, что, говоря словами автора записокъ, ихъ мучили и томилн одновременно двѣ неудовлетворенныя потребности: голодь плотской и жажда духовная. Чтобы цѣлый народъ, самъ собою, могъ пожелать обратиться изъ Лютеранства въ Православіе, это намъ кажется почемуто до такой степени дикимъ и невѣроятнымъ, что мы хватаемся съ радостью за всякое другое, подвертываемое намъ объясненіе, лишь бы оно обходилось безъ участія духовныхъ инстинктовъ, и при этомъ не замѣчаемъ, что предлагаемое намъ толкованіе, которому мы добродушно поддакиваемъ, сто разъ невѣроятнѣе. Продать свою вѣру, вѣру отцевъ и дѣдовъ, за кусокъ хлѣба или за клочекъ земли, даже за простое обѣщаніе хлѣба и земли — это какъ

Окт. 5. N. 231) мы читаемъ: въ какуюбы сторону мы ни оглянулись, вездѣ мрачно и опасно; въ деревняхъ свирѣпствуютъ Баптисты противъ нашихъ церквей и нашего духовенства (im Lande wühlen die Baptisten gegen unsere Kirchen und Geistlichkeit).

будто ни по чѣмъ. Пусть бы однако попытались, хотябы даже и въ голодный годъ, предложить такуюже сдѣлку, не говорю уже Православнымъ Русскимъ крестьянамъ, но хоть бы Польскимъ, Ирландскимъ, Татарскимъ, какимъ угодно. Отчегоже вѣроотступничество въ массахъ, невозможное и немислимое въ другихъ земляхъ, такъ легко и быстро совершилось именно въ Динланди? Этотъ фактъ, самъ по себѣ, не доказываетъ ли до очевидности, что Латыши и Эсты, которыхъ ихъ господа, въ XVI вѣкѣ, даже не справляясь съ ихъ образомъ мыслей, просто перечислили за собой изъ Латинства въ Лютеранство, нисколько не дорожили вѣрой, навязанной имъ безъ ихъ вѣдома и не считали ея своею. На обращающихся въ Православіе мы смотрѣли какъ на людей вѣнзавшихъ одну вѣру на другую, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они просто искали вѣры, какой нибудь, и, послѣ попытки составить себѣ самодѣльную вѣру (Герингерство) ухватились за ближайшую къ нимъ, которая принялась имъ по сердцу.

«Они не имѣли и не могли имѣть о Православіи яснаго понятія.» — Да оттогого они цѣпляли толпами и валили въ нани церкви, что, чувствуя инстинктивное влеченіе къ Православію, желали узнать его и, въ тоже время, очень хорошо сознавали, что ихъ пасторы умышленно старались своими клеветами и поношеніями очернить въ ихъ глазахъ Русскую вѣру. — «Ясное понятіе!» Этогого именно они отъ насъ и ждали. Или, можетъ быть, имъ слѣдовало сперва пройти курсъ Богословія, а потомъ попросить тогдашняго Генераль-Губернатора барона Палена, чтобъ онъ нарочно для нихъ устроилъ публичное состязаніе Православныхъ богослововъ съ учеными пасторами и далъ бы имъ возможность, выслушавъ обѣ стороны и наведя нужныя справки, учинить выборъ? Вспомните: такъли при Святомъ Владимірѣ крестилась Россія, и спросите: такъли, въ настоящую минуту, въ Ковенской губерліи, Балтійскіе полѣвцики,

скупилине большую часть имѣній по дешевой цѣнѣ, вѣхомулку разводять въ нихъ Лютеранство?

Все дѣло въ томъ, что Православіе представлялось Латышамъ и Эстамъ совсѣмъ не какъ доктрина, а какъ Православный людь, въ цѣльномъ и живомъ образѣ Православной Россіи, съ ея Православнымъ Царемъ во главѣ. Иначе оно и не могло имъ представляться. Они потянули къ нему всѣми своими пробудившимися потребностями, нигдѣ и ни въ чемъ не находившими удовлетворенія; не одно, а многія разнообразныя побужденія, какъ подземныя струи, пробившіяся наружу и слившіяся въ одинъ потокъ, несли толпу; она просила и живой вѣры, и хлѣба, и обезпеченнаго клочка земли, и закона, въ котороя бы она могла видѣть и почутать не переодѣтый въ мундиръ произволь помящикова, а проявленіе верховной власти, то есть силы нравственной, свободно признаваемой, какъ бы подъ часъ она тяжела ни была. Безъ всякихъ подкуповъ и агентовъ, Православная Россія, сама того не вѣдая и даже не желая, какъ магнитная гора, тянула къ себѣ непреодолимою силою всю эту Латышскую ниль, которую высокородные рыцари и епископы пасторы такъ долго мѣсили и утрамбовывали своими погами, и которая вдругъ, поднятая какимъто таинственнымъ вихремъ, закружилась надъ ихъ головами. Ясноли это теперь, по прочтеніи записокъ Православнаго Латыша?

Ясноли, наконецъ, что мы не только не вышли на встрѣчу къ этому несчастному народу, который бросался въ наши объятія, а напротивъ оттолкнули его отъ себя нашимъ холоднымъ недоверіемъ къ искренности его движенія?

Мы какъ будто испугались стремительности неожиданнаго къ намъ сочувствія, котораго мы не вызывали, и, по неумѣлию ли, по нежеланію ли на него отозваться, мы повернулись къ нему спиной и обратили свою сострадательную заботливость въ противоположную сторону. Въ то самое

время какъ цѣлыя партіи такъ называемыхъ разглашателей ложныхъ слуховъ (по просту простолюдишь, повторившихъ общую молву носившуюся въ воздухѣ) гремя цѣпями и съ перебритыми головами, медленно двигались по Лифляндскимъ дорогамъ, въ то время какъ на тамошнихъ мызныхъ дворахъ поролы подозрѣваемыхъ въ желаніи принять Православіе и заставляли наказанныхъ платить за розги, въ это время, мы думали больше всего о томъ, какъ бы не порвалась нравственная связь помѣщиковъ съ народомъ. Сами то они очень берегли ее! Впрочемъ и то сказать: кто бы въ то время былъ въ состояніи понять и кто бы могъ рѣшиться объяснить, что мы сами подрывали довѣріе этого народа къ Россіи и, упуская единственную минуту прикрѣпить его къ ней навсегда, связью дѣйствительно нравственною, добровольно отказывались отъ силы, которая сама давалась намъ въ руки

Записки Православнаго Латыша раскрыли внутреннія причины обращеній въ Православіе; въ слѣдующемъ выпускѣ, я расскажу какими мѣрами это движеніе было подавлено и какиѣ образозъ оно въ послѣдствіи перешло въ обратное движеніе изъ Православія въ Лютеранство. Тутъ уже мы будемъ имѣть дѣло съ официальными документами.

Оглавление.

Отъ издателя V

Записки Православнаго Латыша:

Болѣзь и первая судороги Ливляндскаго разслабленнаго 1
Второй кризисъ 74
Послѣсловіе 123

Главнѣйшія опечатки.

страница	строка	напечатано:	вмѣсто:
VI	23	незрѣ ло	не зрѣло
3	25	нодѣ	подѣ
5	15	выходитѣ	выходитѣ
40	18	когда	когда
14	17	законами	законами
15	8	надевать	надѣвать
—	10	надевать	надѣвать
18	18	посмѣль	посмѣль
19	3	ограничены	ограничены
23	13	оригинѣ	пригнѣ
24	38	переводѣ	переводѣ
41	34	прочитать	прочитать
54	23	Лифляндіи	Лифляндіи
58	3	на	на
—	13	должна	должна
59	10	Невфротны	невфротны
62	27	нѣтъ	нѣтъ
63	33	приговаривал	приговаривал
—	34	ласкавѣ	ласковѣ
64	4	Ничего	ничего
—	5	ласкутика	ласкутика
—	6	увиднѣ	увиднѣ
—	19	толпу	толпу
—	23	пропаганды	пропаганды
68	10	правда	правда
72	3	весь	весь
74	13	поднять	поднять
77	11	земли,	земли)
79	4	удбно	удбно
—	8	картофель	картофель
80	16	отхлестать	отхлестать
81	21	съ	въ
83	18	нѣтъ	нѣтъ
84	33	завидн	завидн

страница	строка	напечатано :	вмѣсто :
86	27	что	что
87	23	усердіе.»	усердіе.
90	5	еще	еще
94	10	одного	одного
—	33	многихъ	многихъ
92	26	знаменіе творитъ	знаменіе творитъ
93	9	его ?	его ?»
—	20	а	и
94	9	ни	ни
—	30	день	день
95	19	только	только
96	3	наплодилась	наплодились
—	9	при	при
—	18	лѣса	лѣса
98	34	году	году
99	21	домохозяйна	домохозяйна
100	23	Потянули	Потянули
125	31	подговорами	подговорами
126	29	огда	когда
130	27	сто	во сто
132	14	почутать	почитать
—	22	ногами	ногами